ISSN 2072-7607

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Научный журнал

Выпуск 3 (66)

Рязань 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 20 марта 2018 г. Реестровая запись СМИ **ПИ № ФС77-72456**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Я. М. Колкер, главный редактор, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Е. С. Устинова, заместитель главного редактора, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

С. Ю. Потапова, д-р филол. наук, проф. (центр немецкого языка — партнер Гёте-Института, Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль),

В. Н. Степанов, д-р филол. наук, проф. (Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н. А. Ахренова, д-р филол. наук, доц. (Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна),

В. Н. Бабаян, д-р филол. наук, доц. (Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского, Ярославль),

Ван Цзиньлин, д-р филол. наук, проф. (Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай),

А. Н. Гордей, д-р филол. наук, проф. (Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь),

Г.-Г. Дрёссигер, д-р филол. наук, проф. (Каунасский филиал Вильнюсского университета, Литва),

С. Т. Золян, д-р филол. наук, проф. (Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия; Российско-Армянский университет, Ереван, Армения),

А. А. Колесников, д-р пед. наук, доц. (Московский городской педагогический университет, Москва),

Т. Я. Кузнецова, д-р филол. наук, проф. (Северный государственный медицинский университет, Архангельск),

С. А. Ламзин, д-р пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Е. Г. Логинова, д-р филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Л. Н. Лунькова, д-р филол. наук, доц. (Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна),

Альберто Манко, д-р филол. наук, доц. (Университет L'Orientale, Неаполь, Италия),

Е. Л. Марьяновская, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Л. А. Милованова, д-р пед. наук, проф. (Московский городской педагогический университет, Москва),

А. Д. Петренко, д-р филол. наук, проф. (Институт иностранной филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь),

И. М. Петрова, д-р филол. наук, доц. (Московский городской педагогический университет, Москва),

А. М. Поликарпов, д-р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федеральный университет, Архангельск),

А. А. Решетова, д-р филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Т. С. Серова, д-р пед. наук, проф. (Пермский государственный технический университет, Пермь),

О. В. Соколова, д-р филол. наук, старший научный сотрудник (Институт языкознания РАН, Москва),

В. В. Фещенко, д-р филол. наук, старший научный сотрудник (Институт языкознания РАН, Москва),

Д. М. Храбскова, канд. филол. наук, доц. (Институт иностранной филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь),

О. Г. Чупрына, д-р филол. наук, проф. (Московский городской педагогический университет; Московский педагогический государственный университет, Москва),

И. М. Шеина, канд. филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань).

Журнал выходит 4 раза в год.

С 01.12.2015 г. **входит в перечень российских рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес и телефон редакции: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46;
тел.: (4912) 21-57-23, e.ustinova@365.rsu.edu.ru

Ссылка на журнал «Иностранные языки в высшей школе» обязательна.
Редакция не всегда разделяет мнение авторов.

Подписаться на журнал можно в любом отделении связи.
Подписной индекс издания № 55170 в каталоге «Объединенный каталог Пресса России»

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина», 2023

© «Иностранные языки в высшей школе», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I
Теоретические вопросы семантики

Гордей А. Н.
Вновь о семантическом подходе к обработке данных на естественном языке 5

Золян С. Т.
Семантическая аттракция и окказиональное смыслообразование 18

Логинова Е. Г.
Интертекстуальность, интердискурсивность, интермедиальность:
как описывать взаимоотношения знаков в художественной коммуникации 25

Раздел II
Теоретические проблемы грамматики китайского языка

Емельченкова Е. Н.
Синтаксическое отсутствие в китайском языке 34

Лебедева А. В.
Выделение частей речи китайского языка в грамматиках русских миссионеров XIX века 42

Раздел III
Жанровые характеристики текста в транслатологическом и лингвокультурном аспектах

Калинин А. Ю.
Жанровые параметры адекватности перевода в аудиовизуальных СМИ 47

Мията М.
Отражение японской культуры и стиля жизни в поэзии сэнрю 60

Раздел IV
Вопросы теории и практики перевода

Бекоева И. Д.
Способы обеспечения адекватности перевода этномаркированных экклезионимов 67

Волкова Т. А.
Дискурсивное моделирование перевода: зачем переводчику дискурс 75

Дорофеева М. В.
Деонтический модальный глагол как коррелят императива в аспекте перевода с русского
на английский язык (на материале произведений писателей Русского Севера) 84

Ивченко Т. В., Юсупов А.
Особенности перевода православных богословских текстов на китайский язык:
вопросы общего подхода и верификации 92

Лютянская М. М., Лютянский В. М.
Понимание этимологии анатомических терминов
как фактор в обучении специальному переводу 100

Требования к публикациям
и правила представления рукописей авторами 106

TABLE OF CONTENTS

Part I
Theoretical issues of semantics

Hardzei, Aliaksandr
More about the semantic approach to NLP problem solving 5

Zolyan, Suren
Semantic attraction and production of occasional meaning 18

Loginova, Elena
Intertextuality, Interdiscursivity, Intermediality: how to describe intra and intersemiotic interactions in the arts as communication 25

Part II
Theoretical aspects of the Chinese language grammar

Emelchenkova, Elena
Syntactic absence in Chinese 34

Lebedeva, Aleksandra
The 19th century Russian missionary grammars and identification of Chinese parts of speech 42

Part III
Genre characteristics of a text from the translatological and linguocultural perspectives

Kalinin, Andrei
Genre parameters of adequate translation in audiovisual media 47

Miyata, Mami
Japanese poetry “Senryu” as a reflection of culture and lifestyle of Japan 60

Part III
Theory and practice of translation

Bekoeva, Irina
Ways of achieving adequacy in translation of ethno-marked ecclesionyms 67

Volkova, Tatiana
Discourse-based translation modeling: why translators need discourse 75

Dorofeeva, Mariya
Deontic modal verbs as correlates of imperatives in the aspect of Russian-to-English translation (the case of literary works by authors of Russian North) 84

Ivchenko, Taras; Yusupov, Alexiy
On translating the Russian Orthodox Church theological texts into Chinese: the general approach and verification issues 92

Lyutianskaya, Maya; Lyutiansky, Victor
Understanding the etymology of anatomical terms as a factor in teaching translation of specialised texts 100

Requirements to the papers submitted (in Russian) [*] 106

[*] Available in English at: http://fljournal.rsu.edu.ru/en/technical-requirements

РАЗДЕЛ I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СЕМАНТИКИ

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 3 (66). С. 5–18.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;3(66):5–18.

Научная статья
УДК [811.111’37’322.2 + 811.581’37’322.2 + 811.161.1’37’322.2]:004.8
DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.001

Вновь о семантическом подходе к обработке данных на естественном языке

Александр Николаевич Гордей
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
alieks2001@yahoo.com

Аннотация. Новый подход к семантической разметке события и формализации синтаксиса английских, китайских и русских предложений на основе третьей редакции второй версии Теории автоматического порождения архитектуры знаний (ТАПАЗ–2) вновь рассматривается ретроспективно и проспективно в контексте современных проблем информационно-поисковых и информационно-решающих систем и интеллектуализации веба [1].

Ключевые слова: семантический веб, универсальный семантический код, онтология верхнего уровня, сематическая разметка, семантическая категория, семантический падеж, семантический двойник, семантический классификатор, граф знаний, ролевой лист индивидов, рекурсивная реконструкция, деятельностно-ориентированная технология, поисковая машина, универсальный решатель задач, ТАПАЗ-алгебра, ТАПАЗ-юнит.

Для цитирования: Гордей А. Н. Вновь о семантическом подходе к обработке данных на естественном языке // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 3 (66). С. 5–18. DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.001.

Original article

More about the semantic approach to NLP problem solving

Aliaksandr Hardzei
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
alieks2001@yahoo.com

Abstract. A new approach to the semantic markup of an event and the syntax formalization of English, Chinese and Russian sentences based on the third edition of the second version of the Theory for Automatic Generation of Knowledge Architecture (TAPAZ–2) is again considered retrospectively and prospectively in the context of modern problems of information retrieval and information decision systems and web intellectualization.

Keywords: Semantic Web, Universal Semantic Code, top-level ontology, semantic markup, semantic category, semantic case, semantic counterpart, semantic classifier, knowledge graph, role list of individs, recursive reconstruction, activity-based technology, search engine, universal problem solver, TAPAZ-algebra, TAPAZ-unit.

For citation: Hardzei A. More about the semantic approach to NLP problem solving. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 2(65):5–18. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.001.

Введение

В настоящее время развитие искусственного интеллекта в мире идет по трем направлениям: 1) интеллектуализация интернета и веб-сервисов (проект *Semantic Web* Консорциума *W3C* под руко-

[1] В статье развиваются положения, сформулированные автором в следующих работах: [Гордей, 2021 ; Hardzei, 2020, 2021 ; Hardzei, Svyatoshchik, Bobyor, Nikiforov, 2021, 2022].

© Гордей А. Н., 2023

водством Т. Бернерса-Ли [Semantic Web], проект международного общественного ресурса *Scheme.org* сообщества разработчиков *Google*, *Microsoft*, *Yahoo* и *Yandex* [Schema.org Vocabulary …]), превращение интернета в «глобальный искусственный интеллект» (GGG [1]) с одновременным представлением возможности подключения к нему автоматических систем управления (проекты «умный дом», «умный город» и т. д.); 2) оперирование большими данными (Big Data) для создания локальных и глобальных информационных ресурсов как основы цифровизации экономики и перевода ее на 7-й технологический уклад; 3) машинное обучение, включая нейронные сети и иные алгоритмы статистической обработки контента, в том числе и большие языковые модели (LLM [2]).

К сожалению, по всем трем направлениям Республика Беларусь и Российская Федерация значительно отстают от развитых стран мира, что отрицательно сказывается на инновационной интеллектуальной деятельности и, как следствие, на инновационном продукте, от которого зависит научно-техническое и промышленное развитие стран. Уровень инновационной интеллектуальной деятельности определяется прежде всего объемом зарегистрированной в стране интеллектуальной собственности, долей подаваемых страной патентных заявок в общей численности подаваемых патентных заявок в мире и динамикой регистрации интеллектуальной собственности за определенный период (см. табл. 1–2).

Таблица 1

Объем зарегистрированных изобретений в мире (2013–2017 годы, ед.)

Страна	2013	2014	2015	2016	2017
КНР [3]	825 136	928 177	1 101 864	1 338 503	1 381 594
США [4]	571 612	578 802	589 410	605 571	606 956
Япония [5]	328 436	325 989	318 721	318 381	318 479
РФ [6] и РБ [7]	50 115	52 564	50 684	48 304	49 740

Таблица 2

Прогноз удельного количества подаваемых патентных заявок
в общей численности подаваемых патентных заявок в мире (1980–2030 годы, %)

Страна	1980	1990	2000	2009	2020	2030
КНР	–	0,9	3,1	18,2	25,0	35,0
США	12,4	13,4	20,0	21,7	15,0	12,0
Япония	33,1	49,2	46,6	30,9	22,0	17,0
РБ и РФ	33,0	16,7	2,8	2,6	2,0	2,0

Приведенные данные свидетельствуют о критическом отставании Республики Беларусь и Российской Федерации в мировой патентной активности, утративших с начала 80-х годов прошлого столетия лидирующие позиции в этой сфере. Наблюдаемая и прогнозируемая тенденция к уменьшению абсолютных и удельных показателей не дает оснований для оптимистических выводов. Однако шанс у нас все же есть, и заключается он в значительном опережении зарубежных исследований в области формализации естественно-языковой семантики и конструктивного онтологического проектирования.

[1] *Giant Global Graph* ‘гигантский глобальный граф’ — глобальная семантическая сеть на базе Всемирной паутины.

[2] См., например, большую языковую модель БЕРТ *(Bidirectional Encoder Representations from Transformers)*, которая основана на архитектуре глубоких нейронных сетей, представленной разработчиками *Google Brain* в 2017 году, или вызвавший в 2022 году ажиотаж *ChatGPT*, который, правда, к разочарованию энтузиастов, увидевших в нем рабочий прототип искусственного интеллекта, в 2023 году вдруг «резко поглупел» в области математических вычислений [Chen, Zaharia, Zou]. Проблема интерпретируемости нейронных сетей известна давно [Tseng], однако к ней добавился «дрейф», когда попытка усовершенствования одной части модели приводит к ухудшению работы других ее частей [Котов].

[3] См.: [Официальный сайт Всемирной организации …].

[4] См.: [Годовой отчет 2017 Национального центра …].

[5] См.: Там же.

[6] См.: [Годовой отчет 2017 Федеральной службы …].

[7] См.: [Годовой отчет 2017 Национального центра …].

Основная часть

Комбина́торная семантика [8]

Непреодолимым препятствием на пути реализации проекта Сематического веба, настойчиво продвигаемого главой Консорциума *W3C* Т. Бернерсом-Ли с 2001 года в целях превращения интернета в Глобальный искусственный интеллект, стала онтология верхнего уровня, которую не удалось построить с помощью нейросетей, равно как и подменить технологией блокчейн (см.: [«Это позор» …]). Альтернативные же решения упирались в проблему автоматической семантической разметки естественно-языкового контента.

Главным достижением Минской семантической школы является разработанный профессором В. В. Мартыновым *Универсальный семантический код (УСК)* [Мартынов, 2009], адаптированный в рамках *Теории автоматического порождения архитектуры знаний (ТАПАЗ)* профессора А. Н. Гордея к исчислению семантики предметных областей [Hardzei, 2017]. В ТАПАЗ не только свойства элементарных понятий заданы точным аксиоматическим способом, но также точно определен метаязык. Вторая версия обновленной редакции теории непосредственно предназначена для компьютерного моделирования интеллектуальной деятельности человека (искусственного интеллекта) и решения изобретательских задач. Обратим внимание, что «субъект», «инструмент», «медиатор», «объект» или «продукт» и их разновидности в ТАПАЗ — это ролевые отношения, то есть роли индивидов, участвующих в событии [Hardzei, 2020, p. 182], вне зависимости от того, как воспринимает данное событие наблюдатель или описывает его с помощью предложений любого естественного языка: в основание метааппарата (терминосистемы) ТАПАЗ положены независимые от точки зрения наблюдателя семантические категории [Гордей, 2008 ; Гордей, Овчинникова, 2009]. Роли индивидов в ТАПАЗ составляют закрытый векторный список, они исчислены ТАПАЗ-алгеброй, поэтому каждая роль имеет свою алгебраическую формулу, из структуры которой данная роль выводится при помощи строгих правил интерпретации типовых совмещений индивидов и чтения алгебраических формул ТАПАЗ [Гордей, 2014, с. 57–58 ; Hardzei, 2017, pp. 27–28], то есть ***ролевая семантика не приписывается формулам, а выводится из них***. Мало того, в закрытом списке ролей индивидов ТАПАЗ указан порядок следования ролей, равно как и порядок преобразования одной роли в другую. Такую возможность предоставляет семантический код ТАПАЗ, который аналогичным образом кодирует и декодирует все макропроцессы и процессы специализированных предметных областей, одновременно исчисляя их. Код ТАПАЗ объединяет алгебраическую формулу с выводимым из ее структуры *семантическим двойником* [Wolniewicz, 1982]. Именно через декодирование стереотипов модели мира, а не категорий языковой картины мира [Мартынов, 1998, с. 5], код ТАПАЗ декодирует значения слов, словосочетаний, предложений и текстов на естественном языке, то есть естественно-языковую семантику. Закрытый список ролей индивидов и составляет ролевой лист ТАПАЗ [9], но это – только маленький фрагмент системы, вся мощь которой заключена в графе знаний ТАПАЗ [Hardzei, Udovichenko 2019].

---

[8] *Комбина́торная семантика* занимается изучением отображения естественным языком динамики ролей индивидов в событии. Ее основоположником мы считаем З. Харриса, выдвинувшего ядерную семантическую цепочку *субъект — акция — объект* в качестве отправного пункта формализации предложения [Harris, 1962]. Исследования в этом направлении были продолжены Минской семантической школой под руководством доктора филологических наук, профессора В. В. Мартынова. Комбина́торную семантику не следует смешивать с комбинато́рной, изучающей совместную встречаемость знаков при помощи статистических методов, основателем которой также является З. Харрис [Harris, 1957].

[9] В прогрессе дешифрования алгебраических формул ролевого листа ТАПАЗ и степени новизны проводимого исследования можно убедиться, сопоставив первый список с девятью дешифрованными формулами ролей индивидов [Гордей, 1998, с. 39] с нынешним, в котором дешифрованы все 32 формулы [Гордей, 2021, с. 15–20], тогда как, повторим, у ближайшего зарубежного аналога ТАПАЗ — технологии Активного словаря (Active Vocabulary), преимущественно опирающейся на теорию семантических падежей Ч. Филлмора [Fillmore, 1968, 1976, 1982, 1994] и ранние работы Р. Джекендоффа [Jackendoff, 1972, 1977], которая была стандартизирована и одобрена в 2017 году Консорциумом *W3C* в рамках проекта «Семантической паутины» (*Semantic Web*) и затем проекта «Схема.орг» (*Schema.org*), выделены только 6 ролей, причем эмпирически, то есть вручную без опоры на какую-либо алгебру [Aarts, 2001 ; Activity Vocabulary … ; Schema.org Vocabulary … ; Semantic Web ; Stowell, 1981], поэтому невозможно установить их непротиворечивость, независимость и полноту, тем самым избежать парадокса Рассела, неизбежно возникающего при смешении теории и метатеории, языка и метаязыка, семантики и метасемантики. Именно из-за этого разработчикам «Семантической паутины», несмотря на титанические усилия по стандартизации технологии, до сих пор не удалось свести разнообразные предметные онтологии к онтологии верхнего уровня, которая, как подчеркивают многие комментаторы, является «критической для всей концепции» [Риппа, Ляшенко, 2013, с. 94], что было частично признано самим Т. Бернерс-Ли в совместной с Н. Шадболтом и В. Холл статье «Семантическая паутина: пересмотр», опубликованной в журнале *IEEE Intelligent Systems* в 2006 году: «Семантическая паутина есть сеть информации действий — информации, полученной из данных с помощью семантической теории интерпретации символов. Семантическая теория дает представление о “значении”, в котором логическая связь терминов устанавливает возможность взаимодействия между системами. Это не новая точка зрения. Тим Бернерс-Ли высказал ее на самой первой конференции по Всемирной паутине в 1994 году. Однако эта простая идея остается в значительной степени нереализованной» [Berners-Lee, 2006, p. 96]. Как видим, мощность семантической разметки ТАПАЗ только в части типовых ролей индивидов, не говоря уже о ТАПАЗ-алгебре и порождаемых ею парадигмы акций и графа знаний, ***в 5 раз превосходит*** мощность теории семантических падежей Ч. Филлмора и технологии Активного словаря Консорциума *W3C*.

Подчеркнем, что роли индивидов в ТАПАЗ–2 исчислены исчерпывающим образом — ТАПАЗ как формализованная теория полностью соответствует требованиям, предъявляемым к аксиоматике, а именно: *непротиворечивости*, *независимости* и *релевантности*. ***Ролевой лист ТАПАЗ не может быть изменен произвольным образом***, например, путем введения какой-либо дополнительной роли индивида или заменены одной роли на другую, поскольку это сразу приведет к пересмотру всей формализованной теории. Такой вариант, конечно, не исключается, учитывая теорему К. Гёделя о неполноте (см.: [Успенский, 1982]), но до этого еще очень далеко. Количество формул семантического кода ТАПАЗ составляет 8.2×10^{245}, тогда как заявленный объем «Большого академического словаря русского языка» насчитывает 150 000 слов, а совокупные электронные ресурсы Института лингвистических исследований РАН аккумулируют 1,4 млрд словоупотреблений около 5 млн русских слов XVIII– XXI веков, включающих в том числе все термины, описывающие все известные на данный момент носителям русского языка технологические циклы во всех предметных областях [Кругликова, 2012].

ТАПАЗ–2 никогда не позиционировалась в качестве «семантического языка для текстового представления» и не является таковым, во всяком случае, как это могут понимать некоторые исследователи, подобно тому, как не являются семантическим языком фреймы М. Минского для представления и преобразования знаний [Минский, 1979]. Формальный аппарат ТАПАЗ–2, будучи финализацией Универсального семантического кода (УСК) В. В. Мартынова, предназначен для алгебраического кодирования семантики, то есть значения знаков (причем не только языковых), смысла предложений и содержания стереотипов модели мира, конструирования архитектуры знаний, то есть исчисления предметных областей и семантики предметных областей, а также автоматической семантической разметки структурированного и неструктурированного контента.

Повторим, главное отличие семантического кода ТАПАЗ–2 от «семантических языков» состоит в том, что в нем семантический двойник не приписывается алгебраическим выражениям, а выводится, исходя из их алгебраической структуры на основании специальных правил интерпретации [Гордей, 2014], то есть семантический код ТАПАЗ–2 является неконвенциональным и в этой части ***не имеет мировых аналогов***.

Нет никакой возможности заново воспроизвести в одной статье все, что было опубликовано с 90-х годов прошлого века в ведущих отечественных и зарубежных научных журналах и сборниках на русском и английском языках по алгебраическому аппарату ТАПАЗ, включая свойства операций и индивидных переменных, правила построения, ограничения, сокращения и преобразования формул, правил интерпретации типовых совмещений индивидов, векторов макропроцессов в основании семантического классификатора, математических свойств графа знаний и ролевого листа индивидов и т. д., поэтому в тексте статьи даются подробные библиографические ссылки на предыдущие публикации и называются адреса сайтов, прежде всего официальный сайт ТАПАЗ–2 (tapaz.by [Hardzei, 2017]), где эти публикации размещены; приглашаем его посетить.

Рекурсивная реконструкция

Предобработка текста выполнятся методом рекурсивной реконструкции в строгом соблюдении требований *очередности*, *наглядности* и *простоты*, когда пропущенные члены предложения восстанавливаются на первом или, максимум, на втором вхождении, потому что, чем глубже рекурсия и сложнее реконструкция, тем большая вероятность ошибки [10]. При этом эксперт должен руководствоваться инструкцией по семантической предобработке текста выделенной предметной области для сопряжения специализированного процесса с макропроцессом. Приведем основные ее положения.

1. Предложение описывает событие путем отображения (предицирования) своей ролевой структуры (кортежа членов предложения) на ролевую структуру события (кортеж ролей индивидов в выделенном фрагменте модели мира). Отображения могут быть *прямыми*, когда подлежащее отображается в субъект («Конструктор разрабатывает спутник»), *частично прямыми*, когда подлежащее отображается в инструмент («Спутник фотографирует наземный объект»), *частично обратными*, когда подлежащее отображается в медиатор («Металл проводит электричество»), и *обратными*, когда подлежащее отображается в объект («Карта лежит на столе диспетчера») [11]. Поэтому первый этап предобработки текста экспертом сводится к преобразованию частично прямой, частично обратной и обратной предикаций в прямую так, чтобы при семантической развертке (реконструкции) предложения в роли сказуемого оказался знак, обозначающий прямое воздействие субъекта на объект: «Оператор при помощи спутника фотографирует наземный объект», «Испытатель при помощи источника питания проводит через металл электрический заряд», «Диспетчер при помощи поверхности стола удерживает карту».

[10] Подробнее о рекурсивной реконструкции см.: [Гордей, 2011].

[11] О лингвистической и металингвистической операциях см.: [Гордей, 2007б].

Таблица 3

Таблица семантических примитивов (макропроцессов), или парадигма акций

		I	II	III	IV
A	*a*	1 воспринимание	2 запоминание	3 осмысливание	4 понимание
		притягивание 57	скапливание 58	ужимание 59	присоединение 60
	b	5 перенимание	6 заучивание	7 обдумывание	8 усваивание
		вбирание 61	накапливание 62	центрирование 63	ассимилирование 64
	c	9 прочувствование	10 созерцание	11 переживание	12 изведывание
		перевбирание 65	концентрирование 66	центрифугирование 67	диссимилирование 68
	d	13 отвергание	14 изглаживание	15 переосмыливание	16 изживание
		выделение 69	разуплотнение 70	отжимание 71	отъединение 72
B	*a*	17 сообщение	18 рекламирование	19 внушение	20 констатирование
		подведение 73	наращивание 74	прижимание 75	подсоединение 76
	b	21 объяснение	22 пропагандирование	23 доказывание	24 удостоверивание
		введение 77	нагнетание 78	вжимание 79	соединение 80
	c	25 ниспослание	26 вещание	27 просветление	28 явление
		проведение 81	распространение 82	выжимание 83	разъединение 84
	d	29 затемнение	30 шифрование	31 уверение	32 дезавуирование
		выведение 85	осаживание 86	оттеснение 87	отсоединение 88
C	*a*	33 информирование	34 заинтересовывание	35 уверение	36 предрасположение
		затрагивание 89	обволакивание 90	обжимание 91	формование 92
	b	37 наставление	38 обучение	39 убеждение	40 воспитание
		вскрывание 93	наполнение 94	сжимание 95	формирование 96
	c	41 пронимание	42 преисполнение	43 преображение	44 перевоплощение
		пронизывание 97	переполнение 98	разжимание 99	выхолащивание 100
	d	45 донимание	46 зомбирование	47 умопомрачение	48 умалишение
		пробивание 101	вздымание 102	распускание 103	аннигилирование 104
D	*a*	49 воспоминание	50 воссоздание	51 возобновление	52 воспроизведение
		рекристаллизирование 105	реинтегрирование 106	регенерирование 107	реформование 108
	b	53 репродуцирование	54 рекультивирование	55 возрождение	56 воскрешение
		рекуперирование 109	реабилитирование 110	реактивирование 111	реанимирование 112

Примечание: A — группа активации, *B* — группа эксплуатации, *C* — группа трансформации, *D* — группа нормализации; *a* — подгруппа *среда-оболочка*, *b* — подгруппа *оболочка-ядро*, *c* — подгруппа *ядро-оболочка*, *d* — подгруппа *оболочка-среда*; *I* — ряд инициации, *II* — ряд аккумуляции, *III* — ряд амплификации, *IV* — ряд генерации.

2. Все трансформы предложений приводятся к исходному виду, которым является повествовательное утвердительное положительное и нейтральное предложение, например: «Разве бортовая аппаратура навигации не работает?!» → «Оператор запрашивает тестирование бортовой аппаратуры навигации».

3. Во время семантической реконструкции ролевой структуры предложения эксперт должен учитывать, что роль субъекта могут играть только живые индивиды, что исходной точкой описания события в ТАПАЗ является инструмент, поскольку субъект для наблюдателя часто неизвестен или неважен, и что частично прямая предикация не приводит к затемнению описания события (метафоризации акции), поэтому предобработка текста экспертом в обязательном порядке требует восстановление инструмента. Например: «Спутник выводится на орбиту» → «Ракета-носитель доставляет спутник на орбиту».

4. Макропроцессы кодируют детерминированные этапы векторной развертки акции, отсутствие в специализированных текстах описаний процессов, сопрягаемых с макропроцессами, отнюдь не означает отсутствие таковых в выделенной предметной области. Опущенные в описании процессы восстанавливаются на основе семантического классификатора ТАПАЗ (табл. 3) в строгом соответствии с заданной очередностью смены макропроцессов векторной развертки акции [12].

5. Все макропроцессы, равно как и сопрягаемые с ними специализированные (привязанные к конкретным предметным и подпредметным областям) процессы, обозначают воздействие субъекта на объект при помощи инструмента через медиатор, поэтому все технические описания, содержащие воздействие индивида на процесс или процесса на процесс, должны быть заменены описаниями воздействия индивида

[12] Парадигму акций составляют физические и информационные макропроцессы, упорядоченные ТАПАЗ-алгеброй, физические макропроцессы заштрихованы (см. табл. 3). Отметим отдельно, что построение Универсального решателя задач ТАПАЗ [Гордей, 2014 ; Hardzei, 2017, 2020] осуществляется при помощи ТАПАЗ-алгебры и семантического классификатора ТАПАЗ, то есть комбина́торными методами, а не статистическими.

на индивида. Например: «Прибор может считывать данные» → «Прибор считывает данные», поскольку раз прибор считывает данные, то он может это делать; «Использование дополнительного оборудования понижает коэффициент полезного действия системы на 10 %» → «Дополнительное оборудование понижает коэффициент полезного действия системы на 10 %».

6. В алгебре ТАПАЗ макропроцесс описывается тернарной функцией, которая, соответственно, задается кватернарным кортежем, поэтому предобработка текста экспертом предполагает заполнение как минимум трех полей специфицированного процесса (специализированного процесса выделенной предметной области, сопряженного с макропроцессом), с учетом того, что первое поле субъекта в дополнение к трем можно заполнять виртуальным *некто*.

7. Наличие в медиаторе материала означает производственный цикл.

8. Формализация текста автором (использование любых формул из любых предметных областей) свидетельствует об описании информационных процессов и производстве информационного продукта.

9. Если акция информационная (субъект воздействует на объект посредством своей среды), то и все участники акции тоже являются информационными.

10. Вопрос «Что субъект делает с объектом?» применяется для нахождения макропроцесса в физическом фрагменте модели мира и в информационном фрагменте заменяется на «Что субъект делает с информацией?». Например, в предложении «Белорусский космический аппарат похож на российский» устойчивое сочетание «белорусский космический аппарат» играет роль подлежащего, но при этом не отображается в субъект, потому что белорусский космический аппарат с российским космическим аппаратом ничего не делает. Правильная семантическая реконструкция ролевой структуры предложения: «Некто что делает с информацией о белорусском космическом аппарате? Сравнивает ее с информацией о российском космическом аппарате и констатирует тождество»; макропроцесс ТАПАЗ — *(20) констатирование,* субъект — виртуальный *некто,* объект — *информация о белорусском космическом аппарате*, ориентир — *информация о российском космическом аппарате*, продукт — *совпадение информации.*

11. Производство каждого нового физического или информационного продукта (смена событий) автоматически означает повторение цикла физических или информационных макропроцессов.

12. Все индивиды взаимодействуют между собой через среду, оболочку и ядро, поэтому представленные в семантическом классификаторе макропроцессы (табл. 3) отнесены к разным группам, подгруппам и рядам. Группа A (активизации) представляет макропроцессы в подсистеме инструмента, группа B (эксплуатации) — медиатора, группы C (трансформации) и D (нормализации) — объекта. Ряды I (инициации), II (аккумуляции), III (амплификации) и IV (генерации) описывают повторяющиеся стандартные циклы возрастающего воздействия на объект в разных группах.

13. Макропроцессы и специализированные процессы в текстах любой предметной области обозначаются переменными предикативами. Во время их поиска в тексте эксперт должен учитывать, что все глаголы являются переменными предикативами, но не все переменные предикативы — глаголы. В случае, когда переменный предикатив не имеет глагольного словоизменительного форманта, используются три различительные процедуры:

1) ***семантическая*** — если в результате подстановки диагностируемого элемента слева от *…вызывает…* получается отмеченное предложение, то он — предикатив, если неотмеченное — то субстантив, например: «Бег вызывает усталость», но «*Город вызывает…?» [Мартынов,1982, с. 17–19]; для повышения надежности теста и исключения метафор типа «Город вызывает восхищение» рекомендуем использовать встречную процедуру: если справа от *…тогда, когда…* диагностируемый элемент в роли сказуемого превращает предложение в правильное и семантически тождественное предложению с *…вызывает…*, то он — предикатив, в противном случае — субстантив, причем допускается любое переписывание аффиксов, например: «Я устаю тогда, когда бегаю», но в случае «*Я восхищаюсь тогда, когда горожу?» правильное предложение — «Я восхищаюсь тогда, когда нахожусь в городе» с диагностируемым элементом в роли обстоятельства, следовательно, *бег* — предикатив, а *город* — субстантив [Гордей, 2006б, с. 71];

2) ***синтаксическая*** — в развернутом предложении предикативы занимают центральные позиции, субстантивы — маргинальные [Мартынов, 1982, с. 17–25], например: «Спутник меняет орбиту»;

3) ***парадигматическая*** — предикативы имеют степень, субстантивы — нет. Переменные предикативы *первой степени* обозначают переменный признак индивида, то есть процесс, в котором он участвует (например, *сжимать*); *второй степени* — признак признака индивида (например, *быстро → быстро бежать*) [13]; *третьей степени* — признак признака признака индивида (например, *очень → быстро →*

[13] К переменным предикативам второй степени подходит название ***оценочные***, поскольку их семантика поддается измерению: *быстро, быстрее, очень быстро*.

бежать). Вторая и третья степень у предикативов бывает положительной или отрицательной. Предикативы *второй* и *третьей положительной степени* уточняют значения предикативов первой степени (например, *очень быстро бежать*), а предикативы первой степени — значения предикативов *второй* и *третьей отрицательной степени* (*очень* → *любить* ← *бегать* [14]). Знак третьей степени у предикативов определяется синтагматически: если предикатив третьей степени относится к предикативу второй положительной степени (*очень быстро бежать*), то он имеет положительный знак, если к предикативу второй отрицательной (*очень любить читать*) — отрицательный [Гордей, 2006б, с. 74–75].

14. Предикативы, обозначающие макропроцессы старших порядковых номеров семантического классификатора ТАПАЗ (табл. 3), включают в себя семантику предикативов, обозначающих макропроцессы младших порядковых номеров, однако обратное неверно: предикативы, обозначающие макропроцессы младших порядковых номеров, не включают в себя семантику предикативов, обозначающих макропроцессы старших порядковых номеров.

15. Продолжение векторной развертки акции после макропроцессов IV ряда подгруппы *d* групп *A, B, C* семантического классификатора ТАПАЗ (табл. 3) означает переход физического макропроцесса в информационный. Такой переход возможен лишь раз, и если он произошел в IV ряду предшествующей подгруппы *d*, например, группы *A*, то в последующих подгруппах *d* IV ряда групп *B* или *C* он исключается, в таком случае на макропроцессах IV ряда подгруппы *d* групп *B* или *C* векторная развертка акции прекращается и развитие события останавливается.

Рекурсивная реконструкция снимает проблемы не только неполных, но и так называемых «эргативных» предложений, поскольку реализуется преимущественно с опорой на модель мира, а не языковую картину мира [15]. Приведем несколько примеров из английского, китайского и русского языков, различающихся генеалогическими, типологическими, ареальными и графическими характеристиками:

What? → What *are you talking about*? (англ.) — Что? → Что *ты говоришь*?;

下雨了→天下雨了 Xià yǔ le → *Tiān* xià yǔ le (кит.), букв. ‘Сыплет дождем’ → *Небо* сыплет дождем [16];

Гостей понаехало (рус.) → *Много* гостей понаехало, где числовой предикатив *много* играет роль подлежащего, субстантив *гостей* — определения [17], а переменный предикатив *понаехало* — сказуемого.

Рекурсивная реконструкция позволяет установить одно-однозначное соответствие не только между именными группами и тематическими ролями, как того требовал Н. Хомский [Chomsky, 1981], но и одно-однозначное соответствие между ролями индивидов в событии, членами предложения, описывающего это событие [18], и частями языка (субстантивами и предикативами) [19] в роли членов данного предложения, без чего невозможно использование алгоритмов машинного обучения, например, таких как *искусственная нейронная сеть* или *случайный лес*, для автоматической семантической разметки коллекции текстов в базе знаний.

Облегчить работу экспертов в построении ТАПАЗ-юнитов на основе обновленного ролевого листа ТАПАЗ для китайского, английского и русского секторов ИТ-индустрии призвана новая версия программного инструмента *ExpertTool 1.0.0.0*, разработанная инженером А. А. Мацко (см. рис.). Алгоритм извлечения специализированной терминологии из интернет-контента выделенной предметной области и построения ТАПАЗ-юнитов предполагает ответы на следующие ключевые вопросы:

---

[14] Предикативы второй отрицательной степени удобно называть ***модальными*** по аналогии с модальными глаголами в греко-латинской классификации.

[15] О различии языковой картины мира (презумпции) и модели мира (пресуппозиции) см.: [Гордей, 2006а].

[16] Метод позволяет объяснить синтаксическое и семантическое различие двух китайских предложений, одинаково переводимых на литературный русский язык: 雨下了 Yǔ xià le и 下雨了 Xià yǔ le ‘Пошел дождь’ — в первом случае *дождь,* действительно, *сам пошел* (точнее, *западал*), во втором случае — *им пошли*; ср. с русскими фразами «Он ушел» и «Его ушли». Аналогично: 客人来了 Kèrén láile ‘Гости пришли’ и 来了客人 Láile kèrén, букв. ‘Гостей прислали’, то есть 天派来了客人 *Tiān* pàiláile kèrén ‘*Небо* прислало гостей’. Еще более сложным оказывается для семантико-синтаксического анализа высказывание 他死了父亲 Tā sǐle fùqīn, которое начинающие переводчики, руководствуясь стандартным китайским синтаксисом (подлежащее + сказуемое + прямое дополнение), неправильно переводят как ‘Он убил отца’. Ошибка связана с незнанием семантических категорий переменного предикатива 死 sǐ ‘умирать’, во-первых, являющегося результативным, во-вторых, обозначающего либо весь процесс, либо его пассивную фазу (состояние); для обозначения активной фазы ‘убить’ используется, например, предикатив 打死 dǎsǐ. Таким образом, высказывание 他死了父亲 Tā sǐle fùqīn означает не ‘Он убил отца’, а 他*那儿*死了父亲 Tā *nàr* sǐle fùqīn ‘У него умер отец’ — смысл фразы проясняется при рекурсивной реконструкции локализатора 那儿 nàr ‘там’, то есть 他那儿 Tā nàr ‘У него там’.

[17] После рекурсивной реконструкции русская фраза приобретает стандартный синтаксический вид, ср.: «Три товарища пошли в кино». Попутно отметим, что синтаксическую связь с так называемыми «несогласованными» определениями или приложениями в русском языке следует характеризовать как ***изафет***, широко распространенный в подобного рода атрибутивных синтагмах в семитских, персидских и тюркских языках.

[18] Синтаксические правила для модуля динамического синтаксического анализа (парсера) с алгоритмом рекурсивной реконструкции структуры предложения см.: [Гордей, 2007а, 2017].

[19] Определения частей языка, их парадигму и процедуры семантического разграничения см.: [Гордей, 2003, 2006б].

Кто? При помощи чего? В отношении кого/чего? Находясь где? Прибыв на чем? Приспосабливая чем? Улавливая чем? Запасшись чем? Сортируя чем? Изготавливая из чего? На примере чего? Фиксируя чем? Расходуя что? Стимулируя чем? Руководствуясь чем? В периоде каком? Зная откуда? При параметре каком? Воздействуя на кого/что? Производит кого/что?

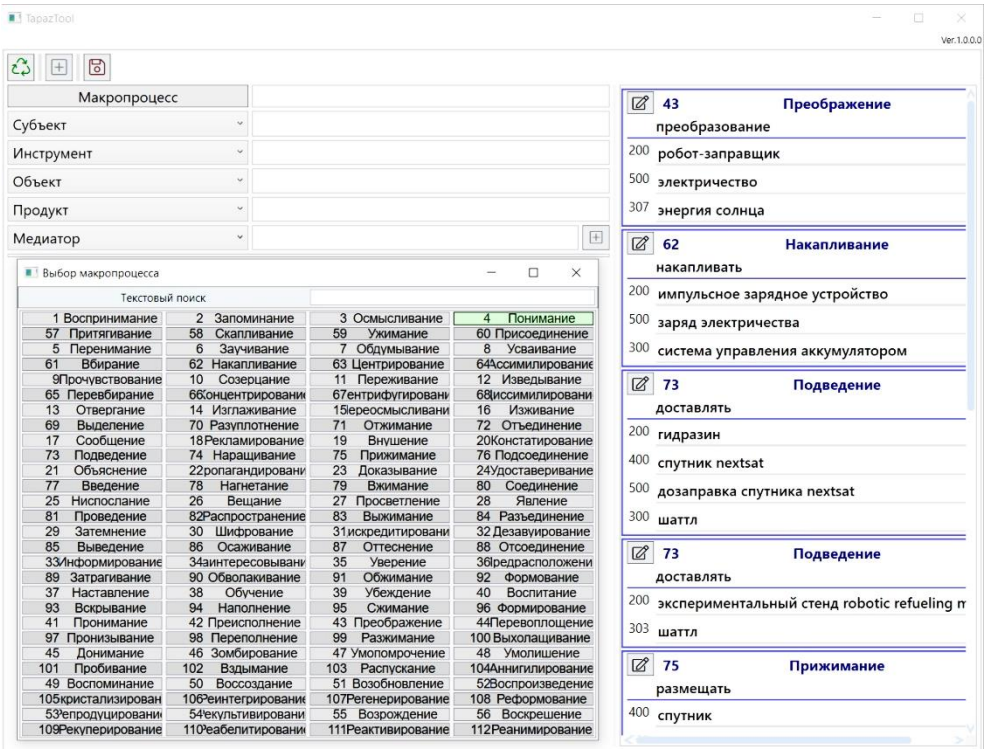

Рис. Рабочее окно программного инструмента с развернутой вкладкой

Заключение

Семантический код ТАПАЗ–2 имеет разнообразные приложения: он может использоваться в интерфейсе, универсальном решателе задач, поисковых машинах, машинном обучении и, конечно же, в автоматической семантической разметке контента на русском, английском и китайском языках, проблеме которой, собственно, и посвящена настоящая статья. Именно на этой проблеме сконцентрировано представленное исследование, а не на анализе онтологий, претендующих на «верхний уровень». Однако семантический код ТАПАЗ–2 способен решить ряд центральных проблем Семантического веба, хотя эти проблемы очень сложные и многие из них, так сказать, «с бородой» (см.: [Berners-Lee, Hendler, Lassila, 2006]). Если бы цель была достигнута, то интернет уже бы сейчас был превращен в Глобальный искусственный интеллект. Однако прежде придется решить проблему автоматической семантической разметки естественно-языкового контента.

Почему семантический классификатор, граф знаний и ролевой лист индивидов ТАПАЗ–2 могут быть использованы в качестве онтологии верхнего уровня в Семантическом вебе? Опирающийся на семантический классификатор и дополняемый ролевым листом индивидов граф знаний ТАПАЗ–2 является онтологией верхнего уровня, поскольку, во-первых, оперирует алгебраическими формулами, кодирующими и декодирующими значения знаков и смысл предложений в языковой картине мира, а также содержание стереотипов в модели мира, во-вторых, исчисляет как сами предметные области, так и семантику каждой отдельно взятой предметной области, в-третьих, обладает факториальной мощностью семантических вычислений, причем настолько высокой, что приходится применять специальные методы сокращения, разделения или ограничения глубины детализации графа, чтобы сделать его пригодным для генерации, обработки и хранения с помощью современных вычислительных средств [Hardzei, Udovichenko, 2019]. Нам неизвестны примеры других онтологий верхнего уровня с подобными свойствами.

Завершая статью, очертим более выпукло значение автоматической семантической разметки, используя в качестве аналогии задачу «Ханойских башен», когда нужно переложить 64 упорядоченных

по размеру кольца с пирамиды «источник» на пирамиду «задание» через пирамиду «запас» при условии, что кольцо большего размера нельзя класть на кольцо меньшего размера.

Пирамида источник — исходный текст: «Производство творога кислотным способом включает в себя: приемку молока, нормализацию молока до жирности 15 %, очистку и пастеризацию молока, охлаждение молока до температуры заквашивания, внесение закваски в молоко, сквашивание молока, разрезку сгустка, подогрев и обработку сгустка, отделение сыворотки, охлаждение творога».

Пирамида запас — предобработанный экспертом текст: «Некто принимает молоко, затем окисляет молоко, а именно: нормализует молоко до 15-процентной жирности, затем очищает молоко, затем пастеризует молоко, затем охлаждает молоко до определенной температуры, затем вносит закваску в молоко, затем сквашивает молоко, затем режет сгусток, затем подогревает сгусток, затем обрабатывает сгусток, затем отделяет сыворотку, затем охлаждает сгусток и, в итоге, производит творог».

Пирамида задание — семантически размеченный текст: «Инженер-технолог (S_1 = вершитель) принимает ($A_{imp\,(57)}$ = притягивание) молоко (O_1 = сердцевина) в молокоприемный пункт (M_1 = локус), затем проверяет ($A_{inf\,(24)}$ = удостоверивание) качество (M_2 = индикатор объекта) молока (O_1 = сердцевина), а именно: осматривает ($A_{inf\,(1)}$ = воспринимание) (M_3 = индикатор объекта) молоко (O_2 = покрытие), затем в лаборатории (M_4 = локус) определяет ($A_{inf\,(4)}$ = понимание) качество (M_5 = индикатор объекта) молока (O_1 = сердцевина), затем сверяет ($A_{inf\,(24)}$ = удостоверивание) параметры (M_6 = индикатор объекта) молока (O_1 = сердцевина) с допустимыми (соответствующими ГОСТу) (M_7 = ориентир), затем сортирует ($A_{imp\,(84)}$ = разъединение) молоко (O_1 = сердцевина), затем принимает ($A_{imp\,(73)}$ = подведение) соответствующее ГОСТу (M_7 = ориентир) молоко (O_3 = сердцевина), затем заливает ($A_{imp\,(77)}$ = введение) соответствующее ГОСТу молоко (O_3 = сердцевина) в резервуар (M_8 = локус), затем окисляет ($A_{imp\,(100)}$ = выхолащивание) молоко (O_3 = сердцевина), а именно: вначале нормализует ($A_{imp\,(96)}$ = формирование), т. е. обогащает ($A_{imp\,(92)}$ = формование) или обедняет ($A_{imp\,(100)}$ = выхолащивание) молоко (O_3 = сердцевина) до 15-процентной жирности (M_9 = ориентир), для этого добавляет ($A_{imp\,(77)}$ = введение) в молоко (M_{10} = локус) или удаляет ($A_{imp\,(85)}$ = выведение) из молока (M_{10} = локус) сливки (O_4 = сердцевина) и таким образом получает нормализованное молоко (P_1 = заготовка), затем транспортирует ($A_{imp\,(77)}$ = введение) нормализованное молоко (O_5 = сердцевина) в сепаратор (M_{11} = локус), затем в сепараторе (M_{11} = локус) при помощи центробежного насоса (I_1 = супрессор) смешивает ($A_{imp\,(80)}$ = соединение) нормализованное молоко (O_5 = сердцевина), в результате чего получает ($A_{imp\,(96)}$ = формирование) однородное нормализованное молоко (P_2 = заготовка) и т. д.» [20].

Задача: перейти от пирамиды «источник» в пирамиду «задание» через пирамиду «запас» в полуавтоматическом (автоматизированном) или, еще лучше, автоматическом режиме, используя ***любые алгоритмы машинного обучения, включая искусственные нейронные сети.***

Решение этой задачи и станет решающим шагом в создании работающей системы искусственного интеллекта, так как позволит действительно превратить базу данных в базу знаний.

В 60-х годах XX века задача «Ханойских башен» была изящно решена при помощи перцептрона — прообраза современных искусственных нейронных сетей. С появлением в 2007 году алгоритмов глубокого обучения многослойных нейронных сетей, предложенных Джеффри Хинтоном [Hinton, 2006, 2007], появилась возможность решения задач современных «Ханойских башен». Однако еще раз обращаем отдельное и особое внимание: ***главным камнем преткновения автоматической семантической разметки естественно-языкового контента стал лексический анализатор, некорректная работа которого порождала критические ошибки в синтаксическом анализе и катастрофические ошибки в семантическом.*** Проводимые нами научные исследования нацелены на создание принципиально иного лексического анализатора (тэггера), основанного на семантических категориях (частях языка), а не на морфологических (частях речи).

Список источников

1. Годовой отчет 2017 Национального центра интеллектуальной собственности Республики Беларусь // Спартан : веб-студия. — URL : http://belgospatent.by/files/ Report_2017.pdf (дата обращения: 20.07.2023).

2. Годовой отчет 2017 Федеральной службы по интеллектуальной собственности. — URL : https:// rupto.ru/ru/pdfdocuments/2#book/ (дата обращения: 20.07.2023).

3. Гордей А. Н. Дедуктивная теория языка. — Минск : Беларуская навука, 1998. — 46 с.

[20] Конечную семантическую разметку данного текста, включая погружение ее в программную среду, см. в: [Hardzei, Svyatoshchik, Bobyor, Nikiforov, 2022].

4. Гордей А. Н. Парадигма частей языка // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках : материалы VIII Междунар. науч. конф. — Гродно : Гроднен. гос. ун-т, 2003. — С. 173–179.

5. Гордей А. Н. Модель мира как основание перевода // Язык. Знание. Коммуникация. Культура : аутентичные материалы для самостоятельной работы : в 3 ч. — Минск : МГЛУ, 2006а. — Ч. 3. — С. 45–49.

6. Гордей А. Н. Части языка и процедуры их разграничения // Пути Поднебесной. — Минск : Белорус. гос. ун-т, 2006б. — Вып. 1, ч. 1. — С. 69–75.

7. Гордей А. Н. Виртуальная цепь как синтаксический код предложения (на примере китайского языка) // Язык, общество и проблемы межкультурной коммуникации : материалы Междунар. науч. конф. : в 2 ч. / отв. ред. Л. М. Середа. — Гродно : Гроднен. гос. ун-т, 2007а. — Ч. 2. — С. 349–358.

8. Гордей А. Н. Лингвистическая и металингвистическая операции // Чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова. — Минск : Изд. центр БГУ, 2007б. — С. 12–18.

9. Гордей А. Н. Метасемантика языковых категорий // Вторые чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова, Минск, БГУ, 28 марта 2008 г. — Минск : Изд. центр БГУ, 2008. — С. 19–24.

10. Гордей А. Н. Реконструкция и рекурсия в синтаксическом анализе предложения // Карповские научные чтения : сб. науч. ст. : в 2 ч. / редкол. : А. И. Головня [и др.]. — Минск : Бел. дом печати, 2011. — Ч. 1. — С. 18–26.

11. Гордей А. Н. Теория автоматического порождения архитектуры знаний (ТАПАЗ–2) и дальнейшая минимизация семантических исчислений // Открытые семантические технологии проектирования интеллектуальных систем = Open Semantic Technologies for Intelligent Systems (OSTIS — 2014) : материалы IV Междунар. науч.-техн. конф., Минск, 20–22 февр. 2014 г. — Минск : БГУИР, 2014. — С. 49–64.

12. Гордей А. Н. Динамический синтаксис в семантическом представлении // Иностранные языки в высшей школе. — 2017. — Вып. 4 (43). — С. 26–34.

13. Гордей А. Н. Семантическая разметка события и ее отображение средствами китайского и русского языков // Иностранные языки в высшей школе. — 2021. — Вып. 2 (57). — С. 5–26.

14. Гордей А. Н., Овчинникова А. Н. Методология изучения китайского языка с опорой на универсальные языковые категории // Третьи чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова, Минск, БГУ, 13–14 марта 2009 г. — Минск : РИВШ, 2009. — С. 53–64.

15. Котов П. Интеллектуальные способности ChatGPT деградировали из-за попыток его улучшить, выяснили ученые. — URL : https://3dnews.ru/1091179/u-neyrosetey-obnarugen-fenomen-dreyfa-degradatsii-intellektualnih-sposobnostey (дата обращения: 20.07.2023).

16. Кругликова Л. Е. «Большой академический словарь русского языка» как продолжатель традиций русской академической лексикографии (“el gran diccionario académico de la lengua rusa” como continuador de las tradiciones de la lexicografía académica rusa) // Cuadernos de Rusística Española. — 2012. — № 8. — С. 177–198.

17. Мартынов В. В. Категории языка. — М. : Наука, 1982. — 192 с.

18. Мартынов В. В. О книге А. Н. Гордея «Дедуктивная теория языка» // Гордей А. Н. Дедуктивная теория языка. — Минск : «Беларуская навука», 1998. — С. 3–5.

19. Мартынов В. В. В центре сознания человека. — Минск : БГУ, 2009. — 272 с.

20. Минский М. Фреймы для представления знаний. — М. : Энергия, 1979. — 152 с.

21. Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности. — URL : https://www3.wipo.int/ (дата обращения: 20.07.2023).

22. Риппа С. П., Ляшенко О. Н. Семантические платформы программного обеспечения баз знаний в информатике // Праці Одеського політехнічного університету. — Одесса : Одесский политехн. ун-т, 2013. — Вип. 1 (40). — С. 91–96.

23. Успенский В. А. Теорема Гёделя о неполноте. — М. : Наука, 1982. — 110 с.

24. «Это позор»: создатель Всемирной паутины Бернерс-Ли раскритиковал Web3 и назвал идею чушью // devby.io : интернет-издание. — URL : https://devby.io/news/eto-pozor-sozdatel-vsemirnoi-pautiny-berners-li-raskritikoval-web3-i-nazval-ideu-chushu (дата обращения: 08.11.2022).

25. Aarts B. English syntax and argumentation. — 2nd ed. — Houndmills : Basingstoke : Hampshire ; NY : Palgrave (Macmillan), 2001. — 312 p.

26. Activity Vocabulary. W3C Recommendation. — URL : https://www.w3.org/TR/activity streams-vocabulary/#dfn-activity (дата обращения: 20.07.2023).

27. Berners-Lee T., Hendler J., Lassila O. The Semantic Web: A new form of Web content that is meaningful to computers will unleash a revolution of new possibilities // Scientific American. — 2001. — Vol. 284, iss. 5. — Pp. 34–43.

28. Berners-Lee T., Shedbolt N., Hall W. Semantic Web Revisited // IEEE Intelligent Systems. — 2006. — Vol. 21, iss. 3. — Pp. 96–101.

29. Chen, L., Zaharia M., Zou J. How Is ChatGPT’s Behavior Changing over Time? — URL : https://arxiv.org/pdf/2307.09009v2.pdf (дата обращения: 20.07.2023).

30. Chomsky N. Lectures on Government and Binding : The Pisa Lectures // Studies in Generative Grammar. — New Jersey : Foris Publications, Dordrecht and Cinnaminson, 1981. — No. 9. — Pp. 1–371.

31. Fillmore Ch. J. The Case for Case // Universals in Linguistic Theory. — NY : Holt, Rinehart and Winston, 1968. — Pp. 1–88.

32. Fillmore Ch. J. Frame semantics and the nature of language // Annals of the New York Academy of Sciences : Conference on the Origin and Development of Language and Speech. — 1976. — Vol. 280. — Pp. 20–32.

33. Fillmore Ch. J. Frame semantics // Linguistics in the Morning Calm. — Seoul : Hanshin Publishing Co., 1982. — Pp. 111–137.

34. Fillmore Ch. J., Atkins B. T. S. Starting where the dictionaries stop: The challenge for computational lexicography // Computational Approaches to the Lexicon. — Oxford : Oxford University Press, 1994. — Pp. 349–393.

35. Hardzei A. Theory for Automatic Generation of Knowledge Architecture: TAPAZ–2 / Transl. from Rus. I. M. Boyko. — Rev. English edn. — Minsk : Republ. Inst. of High School, 2017. — 50 p. — URL : http://tapaz.by (дата обращения: 20.07.2023).

36. Hardzei A., Udovichenko A. Graph of TAPAZ-2 Semantic Classifier // Golenkov V. V. et al. (eds.) Open Semantic Technologies for Intelligent Systems (OSTIS) : Conference. — Minsk : Belarussian State University of Informatics and Radioelectronics Publ., 2019. — Iss. 3. — Pp. 281–284. — URL : http://tapaz.by/#/articles (дата обращения: 20.07.2023).

37. Hardzei A. Plagiarism Problem Solving Based on Combinatory Semantics // Communications in Computer and Information Science (CCIS). — Switzerland : Springer Nature Switzerland AG, 2020. — Vol. 1282. — Pp. 176–197. — URL : https://link.springer.com/book/10.1007%2F978-3-030-60447-9 (дата обращения: 20.07.2023).

38. Hardzei A., Svyatoshchik M., Bobyor L., Nikiforov S. Processing and Understanding of the Natural Language by an Intelligent System // Open Semantic Technologies for Intelligent Systems. — Minsk : BSUIR, 2021. — Iss. 5. — Pp. 123–140

39. Hardzei A., Svyatoshchik M., Bobyor L., Nikiforov S. Universal Semantic Markup and Top-level Ontology Representation // Communications in Computer and Information Science (CCIS). — Switzerland : Springer Nature Switzerland AG, 2022. — Vol. 1625. — Pp. 192–221. — URL : https://link.springer.com/ chapter/10.1007/ 978-3-031-15882-7_11#citeas (дата обращения: 20.07.2023).

40. Harris Z. Co-occurrence and transformation in linguistic structure // Language. — 1957. — Vol. 33, no. 3. — Pp. 283–340.

41. Harris Z. S. String Analysis of Sentence Structure. — The Hague : Mouton, 1962. — 251 p.

42. Hinton G. E., Salakhutdinov R. R. Reducing the dimensionality of data with neural networks // Science. — 2006. — Vol. 313, no. 5786. — Pp. 504–507.

43. Hinton G. E. Boltzmann machine // Scholarpedia. — 2007. — No. 2 (5). — P. 1668. — URL : http://www.scholarpedia.org/article/Boltzmann_machine (дата обращения: 20.07.2023).

44. Jackendoff R. Semantic Interpretation in Generative Grammar. — Cambridge, MA : MIT Press., 1972. — 400 p.

45. Jackendoff R. X–bar Syntax : A Study of Phrase Structure. — Cambridge, MA : MIT Press., 1977. — 249 p.

46. Schema.org Vocabulary, version 8.0. — URL : https://schema.org. (дата обращения: 20.07.2023).

47. Semantic Web. — URL : https://www.w3.org/standards/semanticweb (дата обращения: 20.07.2023).

48. Stowell T. A. Origins of phrase structure. Thesis (Ph. D.) Massachusetts Institute of Technology, Dept. of Linguistics and Philosophy, 1981. — 496 p. — URL : http://www.ai.mit.edu/projects/dm/theses/stowell81.pdf (дата обращения: 20.07.2023).

49. Tseng G. Interpretable Neural Networks. — URL : https://towardsdatascience.com/ interpretable-neural-networks-45ac8aa91411 (дата обращения: 20.07.2023).

50. Wolniewicz B. A Formal Ontology of Situations // Studia Logica. — 1982. — T. 41, no. 4. — S. 381–413.

References

1. Annual Report 2017 of the Belarus Republic National Centre of Intellectual Property. *Spartan: veb-studiya* [Spartan Web-Studio]. Available at: http://belgospatent.by/files/Report_2017.pdf (accessed 20.07.2023). (In Russian and English).

2. *Godovoy otchet 2017 Federal'noy sluzhby po intellektual'noy sobstvennosti* [Annual Report the Federal Service of intellectual property]. Available at: https://rupto.ru/ru/pdfdocuments/2#book/ (accessed 20.07.2023). (In Russian).

3. Hardzei A. *Deduktivnaya teoriya yazyka* [Deductive Theory of Language]. Minsk, Belarusian Science Publ., 1998, 46 p. (In Russian).

4. Hardzei A. The Paradigm of Parts of the Language. *Materially VIII Mezhdunarodnoy konferentsii "Slovoobrazovaniye i nominativenaya derivatsiya v slavyanskikh yazykakh"* [Proceedings of VIII International Research

Conference “Word-Building and Nominative Derivation in Slavik Languages”]. Grodno, Grodno State University Publ., 2003, pp. 173–179. (In Russian).

5. Hardzei A. The model of the world as the basis for translation. *Yazyk. Znaniye. Kommunikatsiya. Kul’tura: autentichnyye materialy dlya samostoyatel’noy raboty: v 3 ch.* [Language Knowledge. Culture: Authentic materials for independent work]. Minsk, Minsk State Linguistic University Publ., 2006a, p. 3, pp. 45–49. (In Russian).

6. Hardzei A. Parts of Language and the Procedures of Its Delineation. *Puti Podnebesnoi* [The Paths of the Middle Kingdom]. Minsk, Belarusian State University Publ., 2006b, iss. 1, pt. 1, pp. 69–75. (In Russian).

7. Hardzei A. Virtual String as a Syntactical Code of a Sentence (by the examples of the Chinese language). *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “Yazyk, obshchestvo i problemy mezhkul’turnoy kommunikatsii”* [Proceedings of International Research Conference “Language, society and problems of intercultural communication”]. Grodno, Grodno State University Publ., 2007a, pt. 2, pp. 349–358. (In Russian).

8. Hardzei A. Linguistic and metalinguistic operations. *Chteniya, posvyashchonnyye pamyati professora V. A. Karpova* [Research readings in memory of V. A. Karpov]. Minsk, BGU Publ., 2007b, pp. 12–18. (In Russian).

9. Hardzei A. Metasemantics of Language Categories. *Vtorye chneniya, posvyshchennye pamyati professor V. I. Karpova* [Second Readings Dedicated to the Memory of Professor V. A. Karpov]. Minsk, Belarussian State University Publ., 2008, pp. 19–24. (In Russian).

10. Hardzei A. Reconstruction and recursion in syntactical analysis of the sentence. *Karpovskiye nauchnyye chteniya: sb. nauch. st.: v 2 ch.* [Research readings in memory of V. A. Karpov]. Ed. by A. I. Golovnya & o. Minsk, Belorussian Publ. House. 2011, p. 1, pp. 18–26. (In Russian).

11. Hardzei A. Theory for Automatic Generation of Knowledge Architecture (TAPAZ–2) and Further Minimization of Semantic Calculus. *Otkrytyye semanticheskiye tekhnologii proyektirovaniya intellektual’nykh sistem (OSTIS)* [Open Semantic Technologies for Intelligent Systems (OSTIS)]. Minsk, Belarussian State University of Informatics and Radioelectronics Publ., 2014, pp. 49–64. (In Russian).

12. Hardzei A. Dynamic Syntax: A Semantic View. *Inostrannyye yazyki v vysshey shkol*e [Foreign languages in Higher School]. 2017, iss. 4 (43), pp. 26–34. (In Russian).

13. Hardzei A. Semantic Markup of the Event and its Display by Means of the Chinese and Russian Languages. *Inostrannyye yazyki v vysshey shkol*e [Foreign languages in Higher School]. 2021, iss. 2 (57), pp. 5–26. (In Russian).

14. Hardzei A., Auchynnikava A. Methodology of Studying the Chinese Language Based on Universal Language Categories. *Tret’i chteniya, posvyashchennyye pamyati professora V. A. Karpova* [Third Readings Dedicated to the Memory of Professor V. A. Karpov]. Minsk, The Republican Institute of Higher School Publ., 2009, pp. 53–64. (In Russian).

15. Kotov P. *Intellectual abilities of ChatGPT have degraded due to attempts to improve it, scientists have found*. Available at: https://3dnews.ru/1091179/u-neyrosetey-obnarugen-fenomen-dreyfa-degradatsii-intellektualnih-sposobnostey (accessed 20.07.2023). (In Russian).

16. Kruglikova L. E. “The Big Academic Dictionary of the Russian Language” as a follower of the traditions of Russian academic lexicography (“el gran diccionario académico de la lengua rusa” como continuador de las tradiciones de la lexicografía académica rusa). *Cuadernos de Rusística Española.* 2012, no. 8, pp. 177–198. (In Russian).

17. Martynov V. V. *Kategorii yazyka* [Categories of Language]. Moscow, Science Publ., 1982, 192 p. (In Russian).

18. Martynov V. V. About A. Hardzei’s book “The Deductive Theory of Language”. Hardzei A. *Deduktivnaya teoriya yazyka* [Deductive Theory of Language]. Minsk, Byelorussian Science, 1998, pp. 3–5. (In Russian).

19. Martynov V. V. *V tsentre soznaniya cheloveka* [In the Center of Human Consciousness]. Minsk, Belarussian State Univ. Publ., 2009, 272 p. (In Russian).

20. Minsky M. *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [A Framework for Representing Knowledge]. Moscow, Energy Publ., 1979, 152 p. (In Russian).

21. *Ofitsial’nyy sayt Vsemirnoy organizatsii intellektual’noy sobstvennosti* [The Official Site of World Organization of Intellectual Property]. Available at: https://www3.wipo.int/ (accessed 20.07.2023). (In Russian).

22. Rippa S. P., Lyashenko O. M. Semantic platforms of knowledge bases software in informatics. *Pratsi Odes’koho politekhnichnoho universytetu* [Proceedings of Odessa Polytechnic University]. Odessa, Odessa Polytechnic University Publ., 2013, vol. 1 (40), pp. 91–96. (In Russian).

23. Uspensky B. L. *Teorema Godelya o nepolnote* [Gödel’s Theorem on Incompleteness]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 110 p. (In Russian).

24. It’s a shame: Berners-Lee, The World-Web creator, criticizes Web3 and calls the idea nonsense. *devby.io: internet-izdaniye* [devby.io: internet edition]. Available at: https://devby.io/news/eto-pozor-sozdatel-vsemirnoi-pautiny-berners-li-raskritikoval-web3-i-nazval-ideu-chushu (accessed 08.11.2022). (In Russian).

25. Aarts B. English syntax and argumentation. 2nd edn. Houndmills, Basingstoke, Hampshire, NY, Palgrave (Macmillan), 2001, 312 p.

26. Activity Vocabulary. W3C Recommendation. Available at: https://www.w3.org/TR/ activitystreams-vocabulary/#dfn-activity (accessed 20.07.2023).

27. Berners-Lee T., Hendler J., Lassila O. The Semantic Web: A new form of Web content that is meaningful to computers will unleash a revolution of new possibilities. *Scientific American*. 2001. Vol. 284, iss. 5, pp. 34–43.

28. Berners-Lee T., Shedbolt N., Hall W. Semantic Web Revisited. *IEEE Intelligent Systems*. 2006, vol. 21, iss. 3, pp. 96–101.

29. Chen L., Zaharia M., Zou J. *How Is ChatGPT's Behavior Changing over Time?* Available at: https://arxiv.org/pdf/2307.09009v2.pdf (accessed 20.07.2023).

30. Chomsky N. Lectures on Government and Binding: The Pisa Lectures. *Studies in Generative Grammar*. New Jersey, Foris Publications, Dordrecht and Cinnaminson, 1981, no. 9, pp. 1–371.

31. Fillmore Ch. J. The Case for Case. *Universals in Linguistic Theory*. NY, Holt, Rinehart and Winston, 1968, pp. 1–88.

32. Fillmore Ch. J. Frame semantics and the nature of language. *Annals of the New York Academy of Sciences: Conference on the Origin and Development of Language and Speech.* 1976, vol. 280, pp. 20–32.

33. Fillmore Ch. J. Frame semantics. *Linguistics in the Morning Calm.* Seoul, Hanshin Publishing Co., 1982, pp. 111–137.

34. Fillmore Ch. J., Atkins B. T. S. Starting where the dictionaries stop: The challenge for computational lexicography. *Computational Approaches to the Lexicon.* Oxford, Oxford University Press, 1994, pp. 349–393.

35. Hardzei A. *Theory for Automatic Generation of Knowledge Architecture: TAPAZ-2*. Transl. from Rus. I. M. Boyko. Rev. English edn. Minsk, The Republican Institute of Higher School Publ., 2017, 50 p. Available at: http://tapaz.by (accessed 20.07.2023).

36. Hardzei A., Udovichenko A. Graph of TAPAZ–2 Semantic Classifier. *CONFERENCE 2019, Open Semantic Technologies for Intelligent Systems (OSTIS).* Golenkov V. V. et al. (eds.). Minsk, Belarussian State University of Informatics and Radioelectronics Publ., 2019, iss. 3, pp. 281–284. Available at: http://tapaz.by/#/articles (accessed 20.07.2023).

37. Hardzei A. Plagiarism Problem Solving Based on Combinatory Semantics. *Communications in Computer and Information Science (CCIS).* Switzerland, Springer Nature Switzerland AG, 2020, vol. 1282, pp. 176–197. Available at: https://link.springer.com/book/10.1007%2F978-3-030-60447-9 (accessed 20.07.2023).

38. Hardzei A., Svyatoshchik M., Bobyor L., Nikiforov S. Processing and Understanding of the Natural Language by an Intelligent System. *Open Semantic Technologies for Intelligent Systems*. Minsk, BSUIR Publ., 2021, iss. 5, pp. 123–140.

39. Hardzei A., Svyatoshchik M., Bobyor L., Nikiforov S. Universal Semantic Markup and Top-level Ontology Representation. *Communications in Computer and Information Science (CCIS)*. Switzerland, Springer Nature Switzerland AG, 2022. Vol. 1625. Pp. 192–221. Available at: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-15882-7_11#citeas (accessed 20.07.2023).

40. Harris Z. Co-occurrence and transformation in linguistic structure. *Language*. 1957, vol. 33, no. 3, pp. 283–340.

41. Harris Z. S. *String Analysis of Sentence Structure*. The Hague, Mouton, 1962, 251 p.

42. Hinton G. E., Salakhutdinov R. R. Reducing the dimensionality of data with neural networks. *Science*. 2006, vol. 313, no. 5786, pp. 504–507.

43. Hinton G. E. Boltzmann machine. *Scholarpedia*. 2007, no. 2 (5), p. 1668. Available at: http://www.scholarpedia.org/article/Boltzmann_machine (accessed 20.07.2023).

44. Jackendoff R. *Semantic Interpretation in Generative Grammar*. Cambridge, MA, MIT Press., 1972, 400 p.

45. Jackendoff R. *X–bar Syntax: A Study of Phrase Structure.* Cambridge, MA, MIT Press., 1977, 249 p.

46. *Schema.org Vocabulary, version 8.0*. Available at: https://schema.org (accessed 20.07.2023).

47. *Semantic Web*. Available at: https://www.w3.org/standards/semanticweb (accessed 20.07.2023).

48. Stowell T. A. *Origins of phrase structure*. Thesis (Ph.D.) Massachusetts Institute of Technology, Dept. of Linguistics and Philosophy, 1981, 496 p. Available at: http://www.ai.mit.edu/ projects/dm/theses/stowell81.pdf (accessed 20.07.2023).

49. Tseng G. Interpretable Neural Networks. Available at: https://towardsdatascience.com/ interpretable-neural-networks-45ac8aa91411 (accessed 20.07.2023).

50. Wolniewicz B. A Formal Ontology of Situations. *Studia Logica*. 1982, vol. 41, no. 4, pp. 381–413.

Информация об авторе

Гордей Александр Николаевич — доктор филологических наук, профессор, директор Минского городского научно-педагогического центра «Тайген», заведующий кафедрой теории и практики китайского языка Минского государственного лингвистического университета; профессор кафедры языкознания и страноведения Востока Белорусского государственного университета.

Information about the author

Hardzei, Aliaksandr — doctor of philology, professor, director of Minsk City Scientific and Pedagogic Center “Taigen”, head of the Department of Theory and Practice of Chinese Language at Minsk State Linguistic University; professor of Oriental Language & Country Studies’ Department of Belarusian State University.

Статья поступила в редакцию 02.08.2023;
одобрена после рецензирования 12.08.2023;
принята к публикации 12.08.2023.

Submitted 02.08.2023;
approved after reviewing 12.08.2023;
accepted for publication 12.08.2023.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 3 (66). С. 18–24.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;3(66):18–24.

Научная статья
УДК 81’37
DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.002

Семантическая аттракция и окказиональное смыслообразование [*]

Сурен Тигранович Золян
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия;
Российско-Армянский университет, Ереван, Армения
surenzolyan@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы создания новых смыслов. Предполагается, что связь между означаемым и означающим есть динамический процесс, который может привести к одновременной актуализации нескольких означаемых. Данное явление предлагается рассматривать как развитие принципа асимметричного дуализма языкового знака С. И. Карцевского, для него предлагается термин «семантическая аттракция». На примере окказионализма змеи в значении «таксисты фирмы “Кобра”» описаны операции и условия, приводящие к появлению новых значений.

Ключевые слова: С. И. Карцевский, асимметричный дуализм языкового знака, семантическая аттракция, окказионализм, семантическая деривация.

Для цитирования: Золян С. Т. Семантическая аттракция и окказиональное смыслообразование // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 3 (66). С. 18–24. DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.002.

Original article

Semantic attraction and production of occasional meaning

Suren T. Zolyan
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia:
Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia
surenzolyan@gmail.com

[*] Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования», осуществляемого в Балтийском федеральном университете имени Иммануила Канта.

© Золян С. Т., 2023

Abstract. We address some mechanisms of meaning production. The relationship between a signified and its signifier is a dynamic process that can lead to the simultaneous actualization of multiple "signifieds" (meanings). We suggest considering this phenomenon as a development of the principle of asymmetric dualism of the linguistic sign (Karcevski); the term "semantic attraction" is introduced for it. Drawing on the example of the occasionalism snakes (in the meaning: the taxi drivers of the Cobra company), we describe the operations and conditions leading to the emergence of new meanings.

Keywords: S. Karcevski, asymmetric dualism of a linguistic sign, semantic attraction, occasionalism, semantic derivation.

For citation: Zolyan S. T. Semantic attraction and production of occasional meaning. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 2(65):18–24. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.002.

Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно
появляющиеся, не суть повторение лексикона.
А. С. Пушкин

1. Смыслопорождение: сопряжение знака и контекста

Новые слова и смыслы приходят не только из других языков, но прежде всего из сопряжения языковой системы и контекста. В свое время, иронизируя над критиками, А. С. Пушкин иронично спрашивал: «Смѣшно как вѣруютъ у насъ каждой шуткѣ. К.<нязь> В.<яземскій>, оправдывая излишество эпитетовъ, [дѣлающих] столь вялыми русскиіе стихи, сказалъ очень забавно: что всѣ существ<ительные сказаны> и что намъ остается <заново оттѣнивать ихъ прилагательными> и проч. Добро<совѣстные?> люди задумались и важно стали доказывать, что и глаголы, и дѣепричас<тия> и проч.<ия> части рѣчи давно уже сказаны. Если все уже сказано, зачѣм же вы пишете? чтобы сказать красиво то, что было сказано просто? жалкое занятіе! нѣт, не будем клеветать разума человѣческого — неистощимого в соображеніяхъ понятій, какъ языкъ неистощимъ въ соображеніи словъ» [цит. по: Эйхенбаум, 1937, с. 14–15].

Уже во второй половине XX века системная теория Никласа Лумана дает общетеоретическое обоснование той проблемы, которую интуитивно сформулировал Пушкин: «Смысл — это исключительно историческая форма операций, и лишь ее применение связывает в единый узел случайное возникновение и неопределенность будущих применений... В коммуникативном порождении смысла эта рекурсивность обеспечивается, прежде всего, благодаря словам языка, которые в некотором множестве ситуаций могут использоваться как одни и те же» [Луман, 2004, с. 26].

Как видим, по Луману, слова языка — это скорее узлы, скрепляющие различные семантические операции и позволяющие удостоверить рекурсивность различных вхождений смысла. При всей справедливости такого подхода нам представляется, что тем самым сужается диапазон смыслообразования. Говоря о языковых механизмах, Луман, видимо, имеет в виду только «смыслосохраняющие», поскольку смыслоформирующую функцию относит уже к внелингвистическим механизмам, возможно, не найдя в лингвистике их описания (подробнее о применении идей Лумана к семантике языка см.: [Золян, 2020, 2021]).

Между тем именно «смыслопорождающие» аспекты языка, вероятно, и имел ввиду Пушкин («языкъ неистощимъ въ соображеніи словъ»). Каковыми могут быть языковые механизмы подобного *соображения* и какими металингвистическими инструментами они могут быть описаны? Уже позднее (в 1836 году) Пушкин даст ответ: это *сочетаемость* слов и смыслов («мыслей»), благодаря чему создается новое: «Это уж не ново, это было уж сказано — вот одно из самых обыкновенных обвинений критики. Но все уже было сказано, все понятия выражены и повторены в течение столетий: что ж из этого следует? Что дух человеческий уже ничего нового не производит? Нет, не станем на него клеветать: разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона. Мысль отдельно никогда ничего нового не представляет; мысли же могут быть разнообразны до бесконечности...» [Пушкин, 1949, с. 100]. Можно добавить — это сопряжение не только смыслов и знаков, но и контекстов. Значение возникает как результат взаимоналожения языковых и внелингвистических систем в процессе социального взаимодействия. Это может быть описано как механизм корреляции между текстом и множествами: с одной стороны, множеством актуальных и имплицитных контекстов, а с другой — с множествами его возможных значений (это интерпретации, миры, метатексты) (подробнее см.: [Золян, Тульчинский, 2021]).

2. Семантическая аттракция как механизм смыслопорождения

В развитие понятия транспозиции С. Карцевского и одновременно расширяя предложенное В. П. Григорьевым понятие паронимической аттракции [Григорьев, 1977], мы предлагаем понятие семантической аттракции, под которым понимаем одновременную актуализацию нескольких значений

(так эта проблема поставлена нами в: [Золян 2022а, 2023]). Тем самым мы предлагаем дополнить понимание аттракции. Паронимическая аттракция основана на фонетическом подобии означающих, благодаря чему происходит сближение их означаемых. Под семантической аттракцией мы понимаем одновременную актуализацию нескольких значений, возникающих в результате метонимического или метафорического переноса значений, имеющих одно и то же означающее. Примером фонетической аттракции может послужить сближение смыслов слов «море», «мера», «мор» и неназванного (анаграммированного) слова «мора» — единица длительности древнегреческой просодии, равная краткому слову, как это представлено в стихотворении О. Э. Мандельштама «Флейты греческой тэта и йота»:

И когда я наполнился морем —
Мором стала мне мера моя...

В данном случае семантической аттракции к одному и тому же означающему притягиваются различные означаемые. Это явление может проявляться по-разному: это коннотация, мемы, блендинг, каламбур, клички, имена социальных институтов, ругательства, крылатые выражения и т. п. Разумеется, каждое из них обладает своей спецификой, но, растаскивая их по раздельным рубрикам, можно упустить объединяющие их те глубинные механизмы смыслопорождения, которые вытекают из основных характеристик языкового знака. Напомним, что, как проницательно указывал С. И. Карцевский, «нельзя создать одно-единственное слово», поскольку «создается как минимум два слова сразу одновременно» [Карцевский, 2004, с. 240]. Единое означающее служит как средство создания связи внутри цепочки взаимоотсылающих друг к другу значений, каждое из которых может быть реализовано в других означаемых, всякий раз отсылая ко всей цепочке [1].

Такие соотнесения позволяют закрепить за знаками языка новые окказиональные смыслы. Им также может быть приписана очень важная психолингвистическая функция ad hoc категоризации: в повседневной жизни возникает потребность каким-либо образом охарактеризовать необычные, возможно, уникальные явления и ситуации и представить их как некоторый класс (например, подарки на Рождество, маршруты, которыми можно доехать на автобусе до работы, людей, которых не стоит приглашать на вечеринку, и т. д.) [Barsalou, 1983]. Часто они остаются нелексикализованными, но могут быть обозначены окказионализмами, опирающимися на некоторые прототипические смыслы данного языка; в противном случае они окажутся непонятными, даже будучи привязанными к некоторой конкретной ситуации (например: «Не сажай свиней в машину; Жена пригласила динозавров на обед; Не забудь фиговины для пикника» [Hofstadter, Sander, 2013]). При подобной ad hoc категориализации особенно наглядно взаимодействие системы языка и контекста: только зная оба компонента, можно определить правильное значение окказионализма. Гибкость означаемого языкового знака создает возможность как различных смысловых преобразований, так и окказиональной (ad hoc) лексикализации постоянно возникающих ad hoc категорий.

3. Окказиональное смыслообразование как результат семантической аттракции

Вышеприведенные теоретические положения требуют конкретизации. Мы попытаемся рассмотреть случай, демонстрирующий само возникновение новых смыслов и позволяющий понять, откуда появляются новые значения, которые уже потом фиксируют лексикографы. В описании одного из подобных случаев заключается цель нашей статьи: мы рассмотрим встретившийся нам окказионализм, который никак не был и вряд ли будет когда-либо закреплен в словарях новых слов, и уже, вероятно, будет позабыт, поскольку изменилась сама ситуация, породившая это новое значение. Тем не менее этот окказионализм в силу его прозрачности и недолговечности может продемонстрировать сам процесс сопряженности словоупотребления и семантического словоизменения. Как мы убедимся, существующие лексикологические понятия оказываются недостаточными и требуют новых методов, концепций и концептов описания.

Сказанное может быть проиллюстрировано описанием следующего случая. Будучи в Калининграде, по дороге из города в аэропорт автор данной статьи спросил у таксиста: «Вы будете ждать клиента

[1] Подобная модель была описана нами на примере употребления лексемы «гандон» в украинском политическом дискурсе [Золян, 2022б]: отталкиваясь от фонетического сходства имени французского фантаста, контрацептива и пейоратива, лексема стало использоваться как обозначение лживого политика, из-за чего в качестве ругательства стало возможным употребление таких слов, как «французский фантаст» — в соответствующем контексте применительно к политику это одновременно и ругательство, и обвинение в лживости.

в аэропорту или поедете обратно в город?», на что таксист ответил: «Сразу поеду в город. В аэропорту — змеи». На тот момент знания русского языка, подтвержденного дипломом профессора по кафедре русского языка, автору статьи явно было недостаточно, из-за чего не получилось понять, какие змеи водятся в расположенном в болотистой местности аэропорту и неужели их так много, что они делают стоянку такси местом повышенной опасности. На уточняющий вопрос таксист пояснил, что «змеи» — это не настоящие змеи, а метонимические; это — таксисты фирмы «Кобра». Так удалось узнать, что в социолекте калининградских таксистов слово *змеи* приобрело новый смысл.

Попытаемся реконструировать динамику операций, приведших к такому новому значению. Безусловно, в данном случае на метонимию (перенос по смежности) наслаивается и метафора (перенос по подобию), указывающая на исходящую от змей-таксистов опасность и коварство. Метонимия (таксисты фирмы «Кобра» => кобры => змеи) послужила средством для создания метафоры, которая и создает основной смысловой эффект (это не люди, а змеи, то есть опасны и коварны). Уже само подобное именование объясняло причину, по которой обычному таксисту опасно оставаться в аэропорту: «там — змеи».

Особый интерес представляет преобразование «Кобры» => змеи. Высказывание «там — кобры» было бы слишком прямолинейным: оно прямо соотносится с названием фирмы. Дополнительная операция кобры => змеи уводит от исходного смысла «таксисты фирмы “Кобра”», но, тем не менее, в силу своей тривиальности сохраняет референцию к ним. Наложение метонимии на конвенциональную метафору, зафиксированную в словарях как переносное значение слова «змея», приводит к блендингу: *змея — человек.* Тривиальность (системность) связей обеспечивает процесс интеграции (блендинга), в результате чего возникают смысловые связи, которых изначально не было ни в одном из исходных смыслов. Как это и предусмотрено в [Fauconnier, Turner, 2003], два ментальных пространства на входе (таксисты фирмы «Кобра» и змеи) оказываются соединены тем, что в результате их соположения создается общее генерическое пространство (коварные существа, от которых исходит опасность). Это в свою очередь приводит к созданию результирующего бленда — обитающих в аэропорту особых змей-таксистов, от которых обычным таксистам стоит держаться подальше.

Между тем высказывание «там — кобры» подобного эффекта бы не вызвало. Вероятно, особый эффект имеет недостаточно изученное условие: для актуализации метафоры важно, чтобы ее прямое значение также могло быть актуализовано. Так, весьма трудно предположить наличие кобр в окрестностях Калининграда, поэтому высказывание «там — кобры» будет соотносить слово *кобра* не со змеями, а с их метонимической репрезентацией — таксистами фирмы «Кобра», не создавая ни метафоры («опасные существа»), ни блендинга («змеи-таксисты») [2].

Наименование таксистов фирмы «Кобра» не кобрами, а змеями создает многоплановость и вместе с тем обеспечивает смысловую устойчивость. Во-первых, оно опирается на базовую концептуальную метафору «люди — змеи», тогда как «люди — кобры» будет лишь одной из ее реализаций. Эта замена создает также и системность, поскольку опирается на конвенциональную метафору и в то же время расширяет ее значение — происходит снятие специфичности, связанной со значением «кобра». Кобры слишком экзотичны для балтийского побережья, они могут вызвать неуместные в данном случае ассоциации, тогда как в данном случае актуализации подлежит только ассоциируемый со змеями признак *опасность*, а все остальные признаки, в том числе и характерные только для кобр, могут помешать сфокусироваться на нужном значении. Метонимия препятствует и необходимой для блендинга определенной дегуманизации (в данном случае — нейтрализации признака “+ human”), которая возникает уже при метафоризации. Но метонимическое значение тем не менее вновь актуализируется уже в блендинге, и тогда дегуманизация относится к тому, что люди-таксисты отождествляются со змеями, то есть они перестают быть людьми, но в то же время остаются таксистами. Возникает образ таксистов-змей. Они представляют опасность, которую связывают со змеями, поэтому в этом наименовании можно увидеть еще один троп — персонификацию: концепт *опасность* персонифицирован в дежурящих в аэропорту таксистах-змеях.

Выделяемые нами как отдельные операции метафору (люди как змеи), метонимию (таксисты фирмы «Кобра») и блендинг (змеи-таксисты) правильнее представить не как операции, отменяющие предыдущую стадию, а как взаимодействие, одновременную связь, или рекурсивную петлю. Нелепо думать, что таксист-собеседник верил в существование змей, которые умеют водить автомашину, — созданный им бленд неотделим от породившей его метонимии и не отменяет ее. Подтверждая и несколько уточняя вышеприведенную формулировку Никласа Лумана, можно утверждать, что идентичность используемого знака «змея» обеспечивает как рекурсивность операций, так и одновременность их смысловых разрешений.

[2] Эти эффекты возможны, но только как опосредованные родо-видовым отношением «змеи — кобры»: как принято в когнитивной семантике, видовые фреймы наследуют семантику родового.

Поэтому уместным для обозначения всего этого комплекса представляется вышеназванный термин *семантическая аттракция*, под которой мы понимаем имеющую различные проявления одновременную актуализацию нескольких значений. Все они остаются актуализованными, поскольку результаты каждой из операций не отменяют предыдущего, и, более того, в процессе циклической рекурсии постоянно его поддерживают (в этом состоит отличие семантической аттракции от так называемых переносных значений, «мертвых метафор», а также идиом и фразеологизмов, когда актуализация прежних значений может вызвать негативный эффект (ср. пример Дж. Оруэлла: «Фашистский спрут пропел свою лебединую песню», в оригинале: “The Fascist octopus has sung its swan song” [Orwell, 1946].

Скажем также несколько слов о наименовании, ставшем источником рассмотренного случая, — названии фирмы «Кобра». Оно также представляет пример семантической аттракции, дошедшей до нежелательных семантических операций. Есть особый класс имен собственных, которые опровергают устоявшуюся доктрину о том, что имена собственные произвольны и непосредственно указывают на референт. Это наименования различных организаций, ассоциаций, местностей и т. д. Помимо указания на референт, эти имена осуществляют сильно выраженную символическую функцию и призваны, подобно платоновским этимонам, раскрыть сущность обозначаемого явления, указав на связь с владельцем, товаром, основателем, но в первую очередь с концептом, определяющим деятельность данного учреждения. При подобной двуплановости существенной оказывается смысловая гармонизация между референтом и концептом.

Поэтому возникает вопрос: с чем связано столь странное и вряд ли уместное наименование для названия такси-сервиса? Дело в том, что такси-сервис — это лишь позднейшее расширение деятельности фирмы. Она была создана как частная охранная компания. Ее официальный лозунг: «Сегодня “Кобра” — это надежный щит и гарант безопасности для жителей Калининградской области!» [О компании].

Однако почему как воплощение *щита и гаранта безопасности* был выбран не сам щит, а кобра? Конечно, щит (и меч) уже «заняты» как ассоциирующиеся с государственными органами КГБ (ФСБ) и МВД, но можно было найти нечто, более связанное с охранной деятельностью (овчарка, кольчуга и т. п.). Видимо, выбор пал на заимствованный скорее из мультипликационного фильма, нежели из сказки «Маугли» образ хранительницы сокровищ — матери Кобры, который для нескольких поколений стал мемом (см. рис. 1, 2).

Рис. 1. Кадр из мультипликационного фильма «Маугли»

Рис. 2. Лого группы компаний «Кобра» [О компании]

На лого изображена повторяющая кобру из мультфильма змея, которая, скорее всего, должна отпугивать потенциальных грабителей и тем самым привлекать желающих надежно защитить свои сокровища. Лого и имя обращены не на «своих», а на «чужих», и, видимо, в отличие от обычных сторожей, часовых и собак, с коброй связана не просто повышенная, а смертельная опасность для «чужих» (не-клиентов). Предполагается, что кобра не только сторожит и отпугивает чужих, но и убивает их при контакте. Кроме того, с коброй связана экзотичность и некоторая элегантность: так, изящную женщину можно с бóльшим на то пониманием (с ее стороны) назвать коброй, нежели змеей. Правда, основатели фирмы не учли, что Мать-кобра в «Маугли» вследствие старости перестала быть опасной.

Лого и имя фирмы ориентированы на устрашение «чужих», и это, безусловно, вряд ли удачный выбор для такси. Переход из сферы охраны (от «чужих») в сферу предоставляемых услуг (для других)

требовал иных концептов и коннотаций [3]. Кобра может служить сигналом «лучше не связываться», и именно это сообщение адекватно выразил путем трансформации «кобры — змеи» повстречавшийся автору статьи таксист, во избежание неприятностей не пожелавший оставаться в аэропорту. Оба примера демонстрируют, что создание новых смыслов, сопряжение знака, смысла и контекста обладает собственной логикой, должно удовлетворять особым условиям и может быть как удачным, так и неадекватным.

Список источников

1. Григорьев В. П. Паронимия // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия / отв. ред. А. Д. Григорьева. — М. : Наука, 1977. — С. 186–239.

2. Золян С. Т. Смысл и языковой знак в системной теории Никласа Лумана // Критика и семиотика. — 2020. — № 2. — С. 34–51. — DOI: 10.25205/2307-1737-2020-2-34-51.

3. Золян С. Т. Как примирить Лумана с Соссюром: принцип внутрисистемной дифференциации как основа неоструктуралистского подхода // Вопросы языкознания. — 2021. — № 1. — С. 121–141. — DOI: 10.31857/0373-658X.2021.1.121-141.

4. Золян С. Т. Смыслотворчество и его лингвистические механизмы: семантическая аттракция // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2022а. — № 1. — С. 82–92. — DOI: 10.31912/pvrli-2022.1.9.

5. Золян С. Т. Асимметричный дуализм языкового знака как политический инструмент: метаморфозы французского фантаста на Украине // Иностранные языки в высшей школе. — 2022б. — № 2 (61). — С. 15–22. — DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.002.

6. Золян С. Т. О семантике языкового знака в свете теории асимметричного дуализма: возможные расширения // Вопросы языкознания. — 2023. — № 1. — С. 151–168. — DOI: 10.31857/0373-658X.2023.1.151-168.

7. Золян С. Т., Тульчинский Г. Л. Между миром и языком: смысл и текст в коммуникативном пространстве. — Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2021. — 435 с.

8. Карцевский С. И. Об асимметричном дуализме языкового знака // Из лингвистического наследия. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — Т. 2. — С. 239–245.

9. Луман Н. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. — М. : Логос, 2004. — 232 с.

10. О компании // Группа компаний «Кобра». — URL : https://www.kobra-plus.ru/company/ (дата обращения: 20.07.2022).

11. ООО «Такси Кобра» // Эксчек Про. — URL : https://excheck.pro/company/3906176087-taksi-kobra (дата обращения: 22.07.2022).

12. Пушкин А. С. Об обязанностях человека: сочинение Сильвио Пеллико // Полное собрание сочинений : в 16 т. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1959. — Т. 12 : Критика. Автобиография. — 1949. — С. 99–100.

13. Эйхенбаум Б. М. Набросок критической заметки. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. — Вып. 3. — С. 14–15.

14. Barsalou Lawrence W. Ad hoc categories // Memory and Cognition. — 1983. — No. 11. — Pp. 211–227.

15. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think. Conceptual Blending and The Mind's Hidden Complexities. — NY, 2003. — xvii + 440 p.

16. Hofstadter D., Sander E. Basic surfaces and essences. Analogy as the fuel and fire of thinking. — NY : Basic Books, the Perseus Books Group, 2013. — 578 p.

17. Karcevski S. Du dualisme asymétrique du signe linguistique // Travaux du Cercle linguistique de Prague. — 1929. — T. I. — Pp. 88–93.

18. Orwell G. Politics and the English language. — 1946. — URL : https://www.orwellfoundation.com/the-orwell-foundation/orwell/essays-and-other-works/politics-and-the-english-language/ (дата обращения: 22.07.2022).

References

1. Grigoryev V. P. Paronyms. *Yazykovye processy sovremennoj russkoj hudozhestvennoj literatury. Poeziya* [Language processes inmodern Russian literary works. Poetry]. Ed. by A. D. Grigoryeva. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 186–239. (In Russian).

2. Zolyan S. T. Meaning and the language sign in the systemic theory of Niklas Luhmann. *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics]. 2020, no. 2, pp. 34–51. DOI: 10.25205/2307-1737-2020-2-34-51. (In Russian).

[3] Оговорим, что, хотя лого кобры можно увидеть на листках с информацией о такси-сервисе, официально эти услуги оказывают другие юридические компании: ООО «Такси Кобра», а также «ООО "КОБРА-АВТО"».

3. Zolyan S. T. How to strike a balance between Luhmann and Saussure: the principle of intrasystemic differentiation as the basis of neo-structuralism. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of Linguistics]. 2021, no. 1, pp. 121–141. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.1.121-141. (In Russian).

4. Zolyan S. T. Meaning-making and its linguistic mechanisms: semantic attraction. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the Institute of the Russian Language named after V. V. Vinogradov]. 2022a, no. 1, pp. 82–92. DOI: 10.31912/pvrli-2022.1.9. (In Russian).

5. Zolyan S. T. Asymmetrical Dualism of a Linguistic Sign as a Political Tool: The Metamorphoses of a French Fantasy Author in Ukraine. *Inostrannye yazyki v v ysshei shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2022b, no. 2 (61), pp. 15–22. DOI: 10.37724/RSU.2022.61.2.002. (In Russian).

6. Zolyan S. T. On the semantics of a language sign in the light of the theory of asymmetrical dualism: possible expansion. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of Linguistics]. 2023, no. 1, pp. 151–168. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.1.151-168. (In Russian).

7. Zolyan S. T., Tulchinsky G. L. *Mezhdu mirom i yazykom: smysl i tekst v kommunikativnom prostranstve* [Between the world and language: meaning and text in the communicative space]. Kaliningrad, Baltic Federal University named after I. Kant Publ., 2021, 435 p. (In Russian).

8. Karcevsky S. I. On the asymmetrical dualism of a lan guage sign. *Iz lingvisticheskogo naslediya* [From linguistic Heritage]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2004, vol. 2, pp. 239–245. (In Russian).

9. Luhmann N. *Obshchestvo kak social'naya sistema* [Society as a social system]. Transl. from German by A. Antonovsky. Moscow, Logos Publ., 2004, 232 p. (In Russian).

10. About the Company. *Gruppa kompaniy "Kobra"* [Group of Companies "Cobra"]. Available at: https://www.kobra-plus.ru/company/ (accessed 20.07.2022). (In Russian).

11. Taxi "Cobra" LLC. *Ekschek Pro* [Excheck Pro]. Available at: https://excheck.pro/company/3906176087-taksi-kobra (accessed 22.07.2022). (In Russian).

12. Pushkin A. S. On the Duties of Man: a Composition of Silvio Pellico. *Polnoye sobraniye sochineniy, v 16 t.* [Complete Works, in 16 vols.]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1937–1959, vol. 12. Criticism. Autobiography, 1949, pp. 99–100. (In Russian).

13. Eihenbaum B. M. Outline of a critical note. *Pushkin. Vremennik Pushkinskoi komissii* [Pushkin: Annals of the Pushkin Commission]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1937, iss. 3, pp. 14–15. (In Russian).

14. Barsalou Lawrence W. Ad hoc categories. *Memory and Cognition*. 1983, no. 11, pp. 211–227.

15. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think. Conceptual Blending and The Mind's Hidden Complexities*. NY, 2003, xvii + 440 p.

16. Hofstadter D., Sander E. *Basic surfaces and essences. Analogy as the fuel and fire of thinking.* NY, Basic Books, the Perseus Books Group, 2013, 578 p.

17. Karcevski S. Du dualisme asymétrique du signe linguistique. *Travaux du Cercle linguistique de Prague*. 1929, t. I, pp. 88–93.

18. Orwell G. *Politics and the English language*. 1946. Available at: https://www.orwellfoundation.com/the-orwell-foundation/orwell/essays-and-other-works/politics-and-the-english-language/ (accessed 22.07.2022).

Информация об авторе

Золян Сурен Тигранович — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта; профессор Российско-Армянского университета.

Information about the author

Zolyan, Suren — Dr. Habil, professor of the Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University; professor, Russian-Armenian University.

Статья поступила в редакцию 28.07.2023;
одобрена после рецензирования 10.08.2023;
принята к публикации 10.08.2023.

Submitted 28.07.2023;
approved after reviewing 10.08.2023;
accepted for publication 10.08.2023.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 3 (66). С. 25–33.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;3(66):25–33.

Научная статья
УДК 80+81`22
DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.003

Интертекстуальность, интердискурсивность, интермедиальность: как описывать взаимоотношения знаков в художественной коммуникации

Елена Георгиевна Логинова
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия
e.loginova@365.rsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются разного рода внутри- и межсемиотические взаимодействия в художественной коммуникации. В качестве материала используются драматургические произведения С. Беккета, Л. Андреева, В. Маяковского, Е. Шварца, Д. Данилова и др., театральные и киноинтерпретации пьес. Анализ референциальной области терминов «интертекстуальность», «интердискурсивость», «интермедиальность», используемых в научных работах для описания внутри- и межсемиотических взаимодействий, проводится с учетом того, что становится предметом изучения в каждом конкретном случае. В статье обосновывается использование термина «интермедиальность» в отношении театральных и кинопостановок пьес, включающих визуальные и текстовые цитаты для создания образности; уточняются контекстуальные возможности использования соположенных терминов «интертекстуальность» и «интердискурсивность».

Ключевые слова: интертекстуальность, интердискурсивность, интермедиальность, театральный дискурс, конструирование смысла, межсемиотическое взаимодействие.

Для цитирования: Логинова Е. Г. Интертекстуальность, интердискурсивность, интермедиальность: как описывать взаимоотношения знаков в художественной коммуникации // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 3 (66). С. 25–33. DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.003.

Original article

Intertextuality, Interdiscursivity, Intermediality: how to describe intra and intersemiotic interactions in the arts as communication

Elena G. Loginova
Ryazan State University named for S. A. Yesenin, Ryazan, Russia
e.loginova@365.rsu.edu.ru

Abstract. The article focuses on different types of intra and intersemiotic interactions that take place in the arts as communication. The aim of the research is to specify three notions used to describe intra and intersemiotic transformations, references and parallels, namely: intertextuality, interdiscursivity, intermediality. The author makes an attempt to define similar, as well as unique, characteristics of intertextual, interdiscursive and intermedia processes in the theatrical performance viewed as one more modelling system after a play as a secondary modelling system according to Yu. Lotman. The theoretical assumptions are illustrated with the help of plays written by Russian and British playwrights of the 20th and the 21st c. (S. Beckett, V. Mayakovskij, L. Andreev, E. Shwarts, D. Danilov, etc.), theatrical and cinematic performances based on these plays. The results prove that the notion of intermediality can be used in relation to theatrical discourse in which different semiotic systems (theatrical codes, media) are interconnected in order to enhance semantic projections and achieve desirable pragmatic and aesthetic effects. The notions of intertextuality and interdiscursivity have similar reference domains, intertextuality having a wide scope of meaning.

Keywords: intertextuality, interdiscursivity, intermediality, theatrical discourse, meaning construal, intersemiotic interactions.

For citation: Loginova E. G. Intertextuality, Interdiscursivity, Intermediality: how to describe intra and intersemiotic interactions in the arts as communication. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 2(65):25–33. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.003.

Введение: постановка исследовательских вопросов

Художественная коммуникация, включая литературные эксперименты представителей авангарда, постмодернистские произведения в разных сферах искусства, современные театральные и кино-

© Логинова Е. Г., 2023

практики с использованием мультимедийных технологий и культуру ремейков в целом, стремится включить адресата в игру со смыслами. Формируется эстетический опыт словесно-визуально-образного воздействия. Ключевым элементом такого воздействия выступает особый механизм смыслового генезиса, предполагающий разного рода внутри- и межсемиотические отношения (интертекстуальные, интердискурсивные, интермедиальные), в основе которых лежит идея М. М. Бахтина об ответности понимания (диалогичности) и отражения этой характеристики в структуре высказывания [Бахтин, 1986].

Общим для интересующих нас терминов «интертекстуальность», «интердискурсивность», «интермедиальность» является сопряжение смыслов и форм, которое становится источником разного рода прагматических эффектов и одновременно может усиливать концептуальные связи и (или) порождать новые. Воспользовавшись понятиями конденсации и экспансии, которые применяют Ж. Греймас и Ж. Курте для описания «эластичности» дискурса [Греймас, Курте, 1983, с. 550], можем говорить не только о «сгущении» («конденсации») смыслов, результирующем семиотические взаимодействия разного рода, но и о расширении смыслового пространства, его «экспансии». Отсюда вопросы синхронного и диахронного соотнесения «языков» разных художественных форм при создании «вторичных моделирующих систем», к которым Ю. М. Лотман относит искусство в целом [Лотман, 2002], и последующих моделирующих систем, например таких, как театральная постановка пьесы, балетный или оперный спектакль по литературному произведению, киноадаптация и пр. Рассмотрим некоторые примеры.

Так, Л. Андреев в пьесах «Жизнь Человека» (1907) и «Царь Голод» (1908) использует цветопись, благодаря чему создается эффект картинности. Связь с произведениями других видов искусства (в частности с сериями офортов «Капричос» и «Бедствия войны» Ф. Гойи) реализуется не путем вербализации последних, а за счет создания разнонаправленных и одновременно взаимодействующих концептуальных связей. Можно ли в таких случаях говорить об интермедиальности как репрезентации традиции живописи? Или мы имеем дело с интертекстуальностью в лотмановском широком понимании культуры как текста (см., напр., термин «синкретическая интертекстуальность» в [Арнольд, 1997])?

Другой пример — композиционное решение спектакля по пьесе Е. Шварца «Дракон» (МХТ имени А. П. Чехова, 2017), которое «отсылает» к пьесе «Пять вечеров» А. Володина (1958): события на сцене разворачиваются на протяжении нескольких вечеров; титры с указанием последовательности вечера («Вечер первый» и т. д.) проецируются на экран, последовательно подводя зрителя к разрешению драматического конфликта. Является ли подобное «наложение» проявлением интертекстуальных или интердискурсивных взаимодействий?

Еще один вопрос: идет ли речь об интертекстуальности, когда встречаем поэтические или песенные включения? Например, в пьесе С. Беккета «Последняя лента Крэппа» (*Krapp's Last Tape*, 1958) главный герой начинает петь, и песня отсылает к церковному гимну *Now the day is over*, написанному английским священником С. Беринг-Гулдом. Строки в гимне — аллюзия к библейскому тексту (Книга премудрости Соломона, 3:24). В кинофильме Э. Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром!» (экранизация 1975 года пьесы «С легким паром! или Однажды в новогоднюю ночь…») звучат несколько песен на стихи поэтов Серебряного века русской культуры и советских поэтов-шестидесятников: М. Цветаевой, Б. Пастернака, Б. Ахмадулиной Е. Евтушенко и др. Музыка, на которую положены стихи (автор музыки — М. Таривердиев), выступает своеобразным медиатором поэтического текста, сама при этом не является источником межсемиотических параллелей.

Ответы на поставленные выше вопросы предполагают рассмотрение возможных взаимоотношений разных художественных форм как неотъемлемой составляющей художественной коммуникации, к особенностям которой относится формирование многопланового динамического художественного пространства. В настоящей статье мы обратились к театральному дискурсу с тем, чтобы обосновать использование термина «интермедиальность» для описания взаимодействия гетерогенных семиотических систем и произведений этих систем, их взаимопроникновения и интеграции, а также разного рода эстетических трансформаций, возникающих при «переводе» пьесы на другую медийную площадку.

Итак, почему именно интермедиальность, и в чем ее отличие (если оно есть) от интертекстуальности и интердискурсивности?

Основная часть: ответы на поставленные вопросы

Вариативность форм корреляций между разнородными видами искусства (литература, живопись, музыка, пластические искусства и другие виды, каждый раз представляющие собой художественные дискурсивные практики) обусловливает разные подходы к описанию и систематизации таких форм.

Особое внимание следует обратить на использование исследователями большого количества коррелирующих терминов, отличающихся не только префиксами (*интер-*, *поли-*, *транс-*, *кросс-*, *ре-*), но и корневой морфемой, например: *интер-* текстуальность / дискурсивность / медиальность / модальность и пр.

Обзор исследований, посвященных осмыслению внутри- и межсемиотических отношений в разных типах дискурса, а также анализу и обоснованию используемой терминологии (см., напр.: [Фатеева, 1997, 1998 ; Арнольд, 1999 ; Чернявская, 2007, 2009 ; Белоглазова, 2009 ; Ханзен-Лёве, 2016 ; Кремнева, 2017 ; Зыкова, 2021]) дает возможность наметить некоторые критерии разграничения близких по своей природе терминов «интертекстуальность», «интердискурсивность», «интермедиальность».

Основным критерием, на наш взгляд, является предмет исследования: изучаются ли средства, с помощью которых создается художественный образ, усиливается выразительность, или же рассматривается предшествующая художественная традиция как источник для актуального контекста. В первом случае речь пойдет об интермедиальности; во втором — интердискурсивности или интертекстуальности. При этом интертекстуальность может выступать также «зонтичным» термином, включающим остальные. Обратимся к трудам ученых.

В большинстве научных работ термин «интердискурсивность» используется недифференцированно, как синоним интертекстуальности, что можно объяснить общей природой текста и дискурса (о текстах-дискурсах, образующихся как результат языковой коммуникации, см., напр.: [Кибрик, Федорова, 2018, с. 180]). При этом интертекстуальность как тексто- и смыслообразующая категория имеет более длительную историю изучения, упоминается в трудах древнегреческих философов, а само явление, как замечает А. В. Кремнева, наблюдается уже в текстах берестяных грамот [Кремнева, 2017, с. 57]. Истоки интертекстуального подхода к описанию разного рода семиотических взаимодействий находим в концепции диалогичности и «чужого слова» М. М. Бахтина, работах Р. Барта, Ю. Кристевой, М. Фуко и других представителей французского структурализма и постструктурализма; значительный вклад внесла русская школа формальной поэтики, в которую входили ученые ОПОЯЗа и Московского лингвистического кружка: В. Шкловский, Ю. Тынянов, Б. Томашевский и др.

Так, Ю. Н. Тынянов вводит понятия «автофункции» и «синфункции», понимая под этим соотнесение каждого элемента литературного произведения с элементами «других произведений-систем и других рядов» (например, с элементами внелитературных, бытовых систем), а также с другими элементами этой же системы [Тынянов, 1977, с. 272–273]. Идея Ю. Н. Тынянова ценна тем, что открывает новые горизонты интертекстуальности, дает возможность выйти за рамки взаимоотношений однородных текстов.

В трактовке Р. Барта объем интертекстуальности включает в себя значение «воплощения множества других текстов» [Барт, 1994, с. 428], которые связывают в единое целое разнообразные смысловые проекции, выводящие в общекультурный контекст (см. также основанные на идеях Р. Барта и Ю. Кристевой работы И. В. Арнольд, Н. А. Фатеевой, Л. Н. Луньковой и др.). В частности, И. В. Арнольд отмечает, что интертекстуальные связи обусловливают «двойственность знака», поскольку он одновременно принадлежит и новому тексту, и ранее созданному [Арнольд, 1999, с. 376]. Н. А. Фатеева типологизирует интертекстуальные связи, характерные для художественного текста, выделяя паратекстуальность, метатекстуальность, гипертекстуальность, архитекстуальность и др. [Фатеева, 1998]. Л. Н. Лунькова в своем диссертационном исследовании и научных статьях разрабатывает возможные модели интертекстового взаимодействия, в основе которых лежат понятия моно-/поливекторной, моно-/полигенетичной, прогрессивной/регрессивной интертекстуальности [Лунькова, 2019].

В рамках современной научной парадигмы лингвистического знания, базирующейся на синтезе когниции и коммуникации, понимание интертекстуальности переосмысляется, что обусловлено задачей описать когнитивно-коммуникативное семиотическое пространство, большее, чем текст. В частности, В. Е. Чернявская предлагает более узкую трактовку интертекстуальности, подводя под это понятие такого рода диалогические отношения, при которых «текст содержит конкретные и явные отсылки к отдельным предтекстам (группам предтекстов) и/или лежащим в их основе смысловым кодам» [Чернявская, 2007, с. 17]. Характерный маркер интертекстуальности заключается в том, что исследовательский акцент лежит на взаимодействии гомогенных семиотических систем (см. также работы Ж. Женетта, М. Риффатера, Н. Фэрклафа и др.). Так, Н. Фэрклаф отводит интертекстуальности роль реконструкции последовательности предтекстов в новом тексте [Fairclough, 1992]. Значимо, что рестриктивное проявление одного текста в другом, их смысловая «перекличка» создается автором с тем, чтобы читатель мог воспринять и осознать отношения между данным произведением и другими, выстроить смысловую перспективу («намеренно маркированная интертекстуальность» в терминологии В. Е. Чернявской [Чернявская, 2007, с. 17]). Собственно, именно такого рода отношения, как представляется, возникают в приведенном выше примере из пьесы С. Беккета *Krapp's Last Tape*: песня функционирует в роли знака (предтекста),

смысловая емкость которого увеличивается по мере «подключения» интертекстуальных связей; происходит семантическое «приращение».

Ориентации на адресата характерна и для интердискурсивности. Однако, как замечает Е. В. Белоглазова, ее отличие от интертекстуальности в том, что интердискурсивность не предполагает обязательное наличие точечного маркера в виде конкретной языковой единицы [Белоглазова, 2009, с. 69]. Скорее, речь идет о межжанровой адаптации, о соотнесенности нового с тем, что уже есть в опыте, и, как следствие, о соотнесенности текстов-дискурсов. Для сравнения приведем цитирование стихотворного текста в фильме «Формула любви» (режиссер М. Захаров, 1984) — вольной экранизации повести А. Толстого «Граф Калиостро». Молодой барин декламирует эпигонские строки с набором клишированных фраз о возвышенном чувстве, и именно такое клишированное мышление развенчивается по ходу развития действия. Цитируемый текстовый фрагмент сам по себе не несет информации для зрителя, так как происходит отсылка не к конкретному поэтическому произведению и не к конкретному автору, а к жанровой традиции тяжеловесной высокопарной поэзии, посвященной любви, оторванной от реальности. Подобное текстовое включение «работает» на репрезентацию общей идеи фильма, поэтому может рассматриваться как интердискурсивность и одновременно как интермедиальность, если исходить из функции цитаты, о чем пойдет речь ниже.

Соотнесенность отдельных текстов и жанровых традиций может быть на основе контраста (расхождение сходства) и, наоборот, на основе уподобления (придание схожих черт), что задает особую смысловую перспективу. Последнее, на наш взгляд, иллюстрирует композиционное решение спектакля по пьесе Е. Шварца «Дракон» (о котором мы упоминали выше), когда наблюдается смещение одного текста по отношению к другому. Согласно классификации Ю. Н. Тынянова, в данном случае происходит «стилизация» как тип интертекстуальных отношений: «…за планом произведения стоит другой план, стилизуемый». Иной тип отношений — пародия, принципиальное значение в которой имеет «неувязка обоих планов», запускающая механизм конструирования смысла [Тынянов, 1977, с. 201]. Примером может служить спектакль по пьесе Д. Данилова «Человек из Подольска» (театр «Приют комедианта», 2020). В кульминационной сцене задержанный для выяснения личности житель Подольска слушает, в каких правонарушениях его обвиняют. Приведем соответствующий фрагмент из пьесы, опубликованной во втором номере журнала «Новый мир» за 2017 год:

ЖЕНЩИНА-ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Николай, милый… Мне вас так жаль… Так жаль… Прямо до слез. (Подходит к Человеку из Подольска, гладит его по голове) Бедный мой, бедный… (Прижимает голову Человека из Подольска к своей груди) Бедный…

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДОЛЬСКА (в совершенном смятении, сначала не знает, куда деть свои руки, держа их на весу, потом все же решается обнять Женщину-полицейского за талию) [Данилов].

В спектакле задержанный Николай стоит на коленях на авансцене. Женщина-полицейский подходит и кладет ему руки на плечи, воспроизводя центральный фрагмент полотна Рембрандта «Возвращение блудного сына» и апеллируя, тем самым, к сложившимся оценкам и интерпретациям содержания, которое есть в опыте зрителя. Сходное режиссерское решение можем увидеть в финале спектакля по пьесе А. Вампилова «Старший сын» (театральная компания «Свободная сцена», 2012). Заимствование библейского сюжета происходит на уровне организации мизансцены в целом, включая проксемику, позы персонажей (Сарафанов; юноша, назвавшийся его внебрачным сыном; члены семьи Сарафанова), положение рук, направление взгляда, мимику. Приведенные примеры иллюстрируют интертекстуальность в широком значении. Вместе с тем, если исследовательская задача не ограничивается реконструкцией предтекстов и самого процесса создания высказывания в обратном направлении (от линейного текста к разветвленной сети идей), а предполагает имманентную оптику (выяснение, с помощью каких семиотических средств конструируется значение), то справедливо говорить об интермедиальности, понимая под медиа систему знаков, кодирующую некое сообщение и функционирующую как средство передачи информации (слово, цвет, звук, линия, аранжировка видеоряда, организация пространственных объемов в скульптуре и архитектуре и пр.).

Подведем промежуточные итоги: интертекстуальность и интердискурсивность имеют в своей основе диалогические отношениями между текстами-дискурсами и могут использоваться синонимически. Однако при узкой трактовке интертекстуальности прослеживается диахроническая связь между семиотически гомогенными предтекстом и текстом, который возникает позже, а сам процесс межтекстовых отношений сводится к точному воспроизведению отрывков «чужого текста» или парафразу исходной (узнаваемой и в новой форме) цитаты. Когда же в исследовательском фокусе оказываются процессы межжанровой адаптации и сюжетных отношений, мы имеем дело с интердискурсивностью. В таком случае, как отмечает В. Е. Чернявская, происходит «переключение» на другую систему знания, кодов, на другой тип

мышления: «Это — не диалог “своего” и “чужого” текстов в форме цитат, аллюзий, реминисценций, но взаимоналожение различных ментальных, т. е. над- и предтекстовых, структур, операций, кодовых систем, фреймов» [Чернявская, 2007, с. 23]. Добавим, что «включение» визуальных, просодических, графических и других маркеров того или иного дискурса в новый дискурсивный формат — это всегда реконтекстуализация, которая имплицирует некий фрагмент знания, влияющий на инференцию при восприятии высказывания в новом контексте.

Термин «интермедиальность» в отечественную науку вошел сравнительно недавно, преимущественно в связи с появлением новых медиа и возникновением отношений между ними. Исследователи предлагают модели и стратегии интермедиальности, классификации интермедиальных отношений (см., напр., работы О. Хазен-Лёве, И. Раевски, В. Вульф, Г. Риппл и др.), относя к случаям интермедиальности прежде всего цитацию одного вида искусства другим, например, вербальными средствами передается содержание и форма произведения живописи (ср. с понятием экфрасис). Интересно заметить, что явление «художественной цитации» (собственно интермедиальность) З. Г. Минц описывает как создание полихудожественного пространства, отсылающего не только к литературной, но и к изобразительной предшествующей культурной традиции. Обращаясь к анализу творчества А. Блока, З. Г. Минц указывает на особую роль «полигенетичных» цитат — функционально сближенных и приравненных к цитатам образов, имеющих принципиально различное происхождение: реалии («цитаты из языка жизни») и любые виды «чужого слова», функционирующие как сигнал обращения к «чужому тексту» [Минц, 1999].

Другой распространенной трактовкой является определение интермедиальности как синкретизма искусств (сплава в единое целое разнородных элементов), восходящее к аристотелевскому определению драмы. Именно этот подход получает развитие в работе А. А. Хаминовой и Н. Н. Зильберман, которые предлагают детальную классификацию типов интермедиальности, выделяя отдельно типы «внутрикомпозиционного» взаимодействия искусств (оперный, балетный, театральный спектакль; книжные иллюстрации и пр.) и «внекомпозиционного» (визуальная поэзия, палиндромы, экфрасис и пр.) [Хаминова, Зильберман, 2014, с. 43]. В представленной концепции понятие интермедиальности встраивается в общее терминологическое поле в очень расширенном значении (см. также обзорные работы А. Ю. Тимашкова, И. В. Зыковой и др.). Например, Н. А. Фатеева относит к проявлениям интермедиальности компьютерные аббревиатуры как часть языковой игры в стихах А. Вознесенского [1]:

Пусть кURLычат они, улетая,
На бескрайнем трубят миру —
Три журавлика вечной стаи —
W
W
W.
ru

Как видим, термин «интермедиальность», отчасти связанный с ситуацией активного распространения информационных технологий, фактически включает в свою семантику две трактовки: технологическую (канал передачи сообщения) и семиотическую (система знаков, кодирующая сообщение). С таких позиций интермедиальность может выступать частичным синонимом интердискурсивности. Например, интерпретация приведенных выше стилизованных пьес Л. Андреева происходит с учетом общекультурного пространства, связывающего разные жанры и художественные традиции (интердискурсивность). Одновременно в классификации А. А. Ханзен-Лёве такие случаи относятся к одному из уровней интермедиальности, когда литературное произведение моделирует материальную фактуру другого вида искусства. Два других уровня включают перенос мотивов и проекцию концептуальных моделей [Hansen-Löve, 1983 ; Ханзен-Лёве, 2016]. И. Раевски трактует подобные примеры музыкализации или живописизации литературного произведения как интермедиальную отсылку, то есть отсылку к специфике другого медиума. Отдельно исследователь выделяет перевод произведения в иную медиасреду и соединение разных произведений в составе общей художественной практики [Rajewsky, 2005]. Особенность последней в том, что все составляющие конструируемого художественного пространства сохраняют свою собственную материальность. Иллюстрацией такого рода интермедиальных отношений может служить телевизионный спектакль по пьесе В. Маяковского «Баня» (режиссер Д. Карасик, 1967). Один из персонажей хочет взглянуть на новую мебель для своего учреждения. Ему на выбор предлагают три варианта, соответствующие стилям «разных Луёв»: Луи Каторз Четырнадцатый; Луи Жакоп

[1] Пример из выступления Н. А. Фатеевой на конференции «Между поэтическим и повседневным: дискурс — медиа — коммуникация» [Видеозаписи докладов конференции …].

и (наиболее современный стиль) Луи Мове Гу. В спектакле актеры представляют разные стили с помощью танцевальной пластики; для каждого танцевального эпизода подобрана соответствующая музыка. Сначала звучит камерная мелодия времен придворных музыкантов короля Людовика XIV (музыка западноевропейского барокко). Затем — французская музыка XVIII—XIX веков, поскольку фамилия Жакоп отсылает к французскому художнику Луи Жакобу, пейзажи которого отличает приглушенная палитра, настраивающая на созерцание и умиротворение. В финальной части звучат более динамичные ритмы XX века, репрезентируя Мове Гу (от фр. mauvais goût ‘плохой, дурной вкус’).

Возникающие межсемиотические (кодовые) переходы активируют внутреннюю связь между содержанием, по-разному означенным в пьесе и спектакле. Более того, при рекуррентном означивании в спектакле, который разворачивается в конкретных пространственно-временных координатах, исходное содержание модифицируется, обрастает смысловыми обертонами. В качестве еще одного примера приведем фрагмент спектакля по пьесе Е. Шварца «Дракон» (МХТ имени А. П. Чехова), рассматриваемый выше. После поражения странствующего рыцаря Ланцелота в битве с Драконом на сцене возникает метафорический «монтаж» цитат, имеющих разное происхождение. Сначала проецируются кадры из черно-белого фильма «Летят журавли» по пьесе В. Розова «Вечно живые» (режиссер М. Калатозов, 1957). На сценическом экране зритель видит последние минуты жизни Бориса, которого играет А. Баталов. В голове героя чередой проносится то, что уже никогда не произойдет: возвращение к любимой, их свадьба. Затем начинает звучать стихотворение К. Симонова «Жди меня, и я вернусь...» и одновременно на экране возникает фрагмент распятия Христа и картина Ганса Гольбейна-младшего «Мертвый Христос в гробу». Тем самым изменяется сложившееся восприятие симоновских строк: речь идет не о возвращении с войны, а о втором пришествии Христа.

Рассмотренный фрагмент из спектакля «Дракон» представляет собой конструирование многоуровневого смысла за счет отбора дополняющих друг друга текстовых и визуальных цитат. Думается, что приведенный выше пример песенных включений в фильме Э. Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром!» также может соотноситься с интермедиальностью, маркеры которой «работают» не на создание символа (как в спектакле «Дракон»), а на создание контекста эпохи «застоя»: период «постоттепели», переоткрытия поэзии Серебряного века, творчество шестидесятников, развитие авторской песни и «неофициального» общения.

Подытоживая, можем заключить, что по своей сути механизм внутри- и межсемиотических взаимодействий (воплощение одного и того же сюжета с помощью знаков разных видов искусств, переложение одной культурной практики в формат другой, включения-отсылки и пр.) имеет результатом усиление смысловых проекций, эстетического воздействия и прагматического эффекта. Центральным вопросом, по справедливому замечанию Г. Риппл, является вопрос: как посредством разноплановых наложений, пересечений и взаимодействий порождается значение [Rippl, 2015]. Поэтому, в зависимости от характера взаимодействующих систем, теоретических установок исследования и научной традиции, могут задействоваться все три рассматриваемых нами термина, актуализирующие культурное наследие и сигнализирующие о новых форматах. По отношению к внутри- и межсемиотическим взаимодействиям в театральном дискурсе наиболее точным представляется термин «интермедиальность», позволяющий описывать различные системы знаков как составляющие единого механизма смыслопорождения. Отметим вклад интермедиальности в создание художественного образа, когда при включении в сценическую постановку произведений разных искусств ментальное и художественное пространство, смоделированное драматургом, переосмысляется, проецируя на зрителя модифицированные версии исходных концептов.

Заключение

В настоящей статье нашей задачей было обоснование термина «интермедиальность» для описания особого рода связей между «языками» разных художественных форм, когда читатель или зритель имеет дело не с конкретной текстовой цитатой и не с отсылкой к жанровой традиции, а с содержанием, которое создается совокупностью семиотически гетерогенных интерпретант, контекстуально обусловлено и в то же время обладает способностью к семантическому, прагматическому и эстетическому «наращиванию» в широком культурном пространстве. Заимствованная форма обозначает нечто иное (большее) в условиях читательской/зрительской интерпретации, которая происходит с опорой на культурную память и предусматривает значительную когнитивную нагрузку: активную работу мысли и воображения.

Разнообразие внутри- и межсемиотических связей демонстрировалось нами на материале драматургических текстов, их театральных и киноинтерпретаций. При выборе термина для описания разного рода семиотических взаимодействий в такого рода художественном пространстве нами учитывались:

полимодальный (поликодовый) характер материала; стремление режиссера к максимальному эстетическому воздействию на зрителя и усилению прагматического эффекта; вмешательство опыта «коллаборативного» интерпретатора (режиссера, актеров, костюмеров, декораторов, осветителей, зрителя); метапрагматический потенциал интервключений.

Думается, что сделанные обобщения и выводы применимы также к кинематографическим и телевизионным адаптациям литературных произведений, кинопереложениям анимационных фильмов и пр., что может стать перспективным направлением дальнейшего изучения проблемы, в том числе в аспекте поэтичности, выразительности и семиотической креативности.

Список источников

1. Арнольд И. В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста) : лекции к спецкурсу. — СПб. : Образование, 1997. — 59 с.
2. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / науч. ред. П. Е. Бухаркин. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. — 448 с.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — М. : Прогресс : Универс, 1994. — 616 с.
4. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Литературно-критические статьи / сост. С. Бочаров, В. Кожинов. — М. : Худож. лит., 1986. — С. 473–500.
5. Белоглазова Е. В. Полидискурсивность как особый исследовательский фокус // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. — 2009. — Вып. 3 (59). — С. 66–71.
6. Видеозаписи докладов конференции «Между поэтическим и повседневным: дискурс — медиа — коммуникация» // Институт языкознания Российской академии наук. — 2023, 16–17 июня (день 2). — URL : https://iling-ran.ru/web/index.php/ru/news/230627_poetry_discourse_video (дата обращения: 14.07.2023).
7. Греймас А. Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика / пер. с фр. В. П. Мурат ; сост., вступ. ст., общ. ред. Ю. С. Степанова. — М. : Радуга, 1983. — С. 483–550.
8. Данилов Д. Человек из Подольска // Новый мир. — URL : http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2017_2/Content/Publication6_6548/Default.aspx (дата обращения: 19.04.2023).
9. Зыкова И. В. Интердискурсивность как лингвокреативная апроприация дискурсов: авангард и Андрей Тарковский // Слово.ру: балтийский акцент. — 2021. — Т. 12, № 4. — С. 65–85.
10. Зыкова И. В. Интермедиальность в моделировании поэтики кинодискурса // Славистический сборник матицы сербской (Матице српске за славистику). — 2022. — № 102. — С. 251–268.
11. Кибрик А. А., Федорова О. В. О структуре мультиканального дискурса // Образы языка и зигзаги дискурса : сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Фещенко. — М. : Культурная революция, 2018. — С. 180–191.
12. Кремнева А. В. Интертекстуальность, интердискурсивность, интермедиальность: точки соприкосновения // Филология и человек. — 2017. — № 2. — С. 57–70.
13. Лотман Ю. М. Тезисы к проблеме «Искусство в ряду моделирующих систем» // Статьи по семиотике культуры и искусства. — СПб. : Акад. проект, 2002. — С. 274–293.
14. Лунькова Л. Н. Интертекстуальные свойства вторичного текста // Иностранные языки в высшей школе. — 2019. — Вып. 2 (49). — С. 20–33.
15. Минц З. Г. Функция реминисценций в поэтике Ал. Блока // Блок и русский символизм. Избранные труды : в 3 кн. — СПб. : Искусство — СПб., 1999. — Кн. 1 : Поэтика Александра Блока. — С. 362–388.
16. Тимашков А. Ю. Интермедиальность как авторская стратегия в европейской художественной культуре рубежа XIX–XX веков : автореф. дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.09. — СПб., 2012. — 23 с.
17. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. — М. : Наука, 1977. — 574 с.
18. Фатеева Н. А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. — 1997. — Т. 56, № 5. — С. 12–21.
19. Фатеева Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. — 1998. — Т. 57, № 5. — С. 25–38.
20. Хаминова А. А., Зильберман Н. Н. Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 389. — С. 38–45.
21. Ханзен-Лёве О. А. Интермедиальность в русской культуре: от символизма к авангарду. — М. : РГГУ, 2016. — 503 с.
22. Чернявская В. Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность — дискурсивность — интердискурсивность // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы : сб. науч. тр. — СПб. : Санкт-Петербургский гос. ун-т экономики и финансов, 2007. — С. 11–26.
23. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность. — М. : Либриком, 2009. — 248 с.

24. Fairclough N. Discourse and Social Change. — Cambridge : Polity, 1992. — 259 p.

25. Hansen-Löve Aage A. “Intermedialität und Intertextualität. Probleme der Korrelation von Wort und Bildkunst: Am Beispiel der russischen Moderne” // Dialog der Texte: Hamburger Kolloquium zur Intertextualitat / Wolf Schmid and Wolf-Dieter Stempel (ed.). — Vienna : Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 1983. — Pp. 291–360.

26. Rajewsky I. Intermediality, Intertextuality, and Remediation: A Literary Perspective on Intermediality // Intermedialites. — 2005. — Iss. 6. — Pp. 43–64.

27. Rippl G. Introduction // Handbook of Intermediality: Literature — Image — Sound — Music. — Berlin : Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2015. — Pp. 1–31.

28. Wolf W. Relations between Literature and Music in the Context of a General Typology of Internediality // Comparative literature: sharing knowledges for preserving cultural diversity. — 2009. — Vol. I. — Pp. 133–155.

References

1. Arnol’d I. V. *Problemy dialogizma, intertekstual’nosti i germenevtiki (v interpretacii hudozhestvennogo teksta): lekcii k speckursu* [Problems of dialogism, intertextuality and hermeneutics (in the interpretation of a literary text: lectures for a special course)]. Saint Petersburg, Obrazovanie Publ., 1997, 59 p. (In Russian).

2. Arnol’d I. V. *Semantika. Stilistika. Intertekstual’nost’* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. P. E. Buharkin (ed.). Saint Petersburg, SPbGU Publ., 1999, 448 p. (In Russian).

3. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected papers: Semiotics. Poetics]. G. K. Kosikova. (ed.). Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994, 616 p. (In Russian).

4. Bahtin M. M. The problem of text in linguistics, philology and other humanities. A philosophical analysis. *Literaturno-kriticheskie stat’i* [Literary and critical articles]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1986, pp. 473–500. (In Russian).

5. Beloglazova E. V. Polydiscursivity as a special research focus. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov* [Proceedings of the Saint Petersburg University of Economics and Finance]. 2009, iss. 3 (59), pp. 66–71. (In Russian).

6. Video recordings of the conference reports “Between the poetic and the everyday: discourse — media — communication”. *Institut yazykoznaniya Rossiyskoy akademii nauk* [Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences]. 2023, June, 16–17 (day 2). Available at: https://iling-ran.ru/web/index.php/ru/news/230627_poetry_discourse_video (accessed 14.07.2023). (In Russian).

7. Grejmas A. Zh., Kurte Zh. Semiotics. Explanatory Dictionary of Language Theory. *Semiotika* [Semiotics]. Yu. S. Stepanov (ed.). Moscow, Raduga Publ., 1983, pp. 483–550. (In Russian).

8. Danilov D. Man from Podolsk. *Novyy mir* [New world]. Available at: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2017_2/Content/Publication6_6548/Default.aspx (accessed 19.04.2023). (In Russian).

9. Zykova I. V. Interdiscursivity as a linguocreative appropriation of discourses: Andrey Tarkovsky and the avant-garde. *Slovo.ru: baltijskij akcent* [Slovo.ru: baltic accent]. 2021, vol. 12, no. 4, pp. 65–85. (In Russian).

10. Zykova I. V. Intermediality in modeling the poetics of cinematic discourse. *Slavisticheskij sbornik maticy serbskoj (Matice srpske za slavistiku)* [Matica Serbska for Slavic Studies]. 2022, no. 102, pp. 251–268. (In Russian).

11. Kibrik A. A., Fedorova O. V. On the structure of multichannel discourse. *Obrazy yazyka i zigzagi diskursa* [Images of language and zigzags of discourse: The collection of papers]. V. V. Feshchenko (ed.). Moscow, Kul’turnaya revolyuciya Publ., 2018, pp. 180–191. (In Russian).

12. Kremneva A. V. Intertextuality, interdiscursivity, intermediality: points of contact. *Filologiya i chelovek* [Philology and Man]. 2017, no. 2, pp. 57–70. (In Russian).

13. Lotman Yu. M. Theses on the problem “Art in a series of modeling systems”. *Stat’i po semiotike kul’tury i iskusstva* [Articles on the semiotics of culture and art]. Saint Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2002, pp. 274–293. (In Russian).

14. Lun’kova L. N. Secondary Text Intertextuality. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign languages in tertiary education]. 2019, iss. 2 (49), pp. 20–33. (In Russian).

15. Minc Z. G. The function of reminiscences in the poetics of Al. Blok. *Blok i russkij simvolizm. Izbrannye Trudy* [Al. Block and Russian symbolism. Selected works. Book 1]. Saint Petersburg, Iskusstvo — SPb Publ., 1999, pp. 362–388. (In Russian).

16. Timashkov A. Yu. *Intermedial’nost’ kak avtorskaya strategiya v evropejskoj hudozhestvennoj kul’ture rubezha XIX—XX vekov* [Intermediality as an author’s strategy in the European Artistic culture of the turn of the XIX—XX centuries]. Abstract of dissertation, 17.00.09. Saint Petersburg, 2012, 23 p. (In Russian).

17. Tynyanov Yu. N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 574 p. (In Russian).

18. Fateeva N.A. Intertextuality and its functions in artistic discourse. *Izvestiya Rossijskoj Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language]. 1997, vol. 56, no. 5, pp. 12–21. (In Russian).

19. Fateeva N. A. Typology of intertextual elements and connections in artistic speech. *Izvestiya Rossijskoj Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language]. 1998, vol. 57, no 5, pp. 2–38. (In Russian).

20. Haminova A. A., Zil'berman N. N. The theory of intermediality in the context of modern humanities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. 2014, no. 389, pp. 38–45. (In Russian).

21. Hanzen-Leve O. A. *Intermedial'nost' v russkoj kul'ture: ot simvolizma k avangardu* [Intermediality in Russian culture: From symbolism to the avant-garde]. Moscow, RGGU Publ., 2016, 503 p. (In Russian).

22. Chernyavskaya V. E. Open text and open discourse: intertextuality — discoursivity — interdiscoursivity. *Lingvistika teksta i diskursivnyj analiz: tradicii i perspektivy* [Text linguistics and discourse analysis: traditions and perspectives]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskij gos. un-t ekonomiki i finansov Publ., 2007, pp. 11–26. (In Russian).

23. Chernyavskaya V. E. *Lingvistika teksta: Polikodovost'. Intertekstual'nost'. Interdiskursivnost'* [Text linguistics: Polycode. Intertextuality. Interdiscursivity]. Moscow, Librikom Publ., 2009, 248 p. (In Russian).

24. Fairclough N. *Discourse and Social Change*. Cambridge, Polity, 1992, 259 p.

25. Hansen-Löve Aage A. "Intermedialität und Intertextualität. Probleme der Korrelation von Wort und Bildkunst: Am Beispiel der russischen Moderne". *Dialog der Texte: Hamburger Kolloquium zur Intertextualitat.* Wolf Schmid and Wolf-Dieter Stempel (ed.). Vienna, Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 1983, pp. 291–360.

26. Rajewsky I. Intermediality, Intertextuality, and Remediation: A Literary Perspective on Intermediality. *Intermedialites*. 2005, iss. 6, pp. 43–64.

27. Rippl G. Introduction. *Handbook of Intermediality: Literature — Image — Sound — Music*. Berlin, Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2015, pp. 1–31.

28. Wolf W. Relations between Literature and Music in the Context of a General Typology of Intermediality. *Comparative literature: sharing knowledges for preserving cultural diversity*. 2009, vol. I, pp. 133–155.

Информация об авторе

Логинова Елена Георгиевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германских языков и методики их преподавания института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Information about the author

Loginova, Elena — doctor of philology (habil.), associate professor, professor of the Germanic Languages and Language Teaching Methodology Department, Institute of Foreign Languages at Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Статья поступила в редакцию 19.07.2023;
одобрена после рецензирования 26.07.2023;
принята к публикации 28.07.2023.

Submitted 19.07.2023;
approved after reviewing 26.07.2023;
accepted for publication 28.07.2023.

РАЗДЕЛ II

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАММАТИКИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 3 (66). С. 34–41.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;3(66):34–41.

Научная статья
УДК 811.581.11
DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.004

Синтаксическое отсутствие в китайском языке

Елена Николаевна Емельченкова
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
emelchenkovae@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена обсуждению вопросов синтаксического отсутствия на материале китайского языка. Это явление относится к одному из наиболее часто встречающихся феноменов живой речи, однако его изучение началось не так давно и по-прежнему далеко от принятия единой универсальной теории, тем более в приложении к восточным языкам, в нашем случае к китайскому. В статье обсуждаются сложившиеся в лингвистике подходы к дифференциации эллипсиса и синтаксического нуля. Принято считать, что системы полного и неполного предложений существуют в качестве альтернативных способов представления одной и той же информации о фрагменте внеязыковой действительности в любом естественном языке. При формировании неполных синтаксических структур в высказывании эксплицитно выражается наиболее актуальная информация, тогда как менее важная, менее актуальная информация или уже известная имплицируется. Синтаксическая неполнота может также обуславливаться формализованностью ситуации, в которой реализуются такие высказывания. Представляется актуальным в свете теории синтаксической неполноты обсудить проблемные моменты предлагаемой в китайской грамматической теории классификации односоставных предложений на предмет дифференциации эллиптических конструкций, являющихся по сути ситуативно-неполными, и теми структурами, в которых заполнение синтаксических позиций затруднено или даже невозможно.

Ключевые слова: китайский язык, грамматика китайского языка, синтаксис китайского языка, полное предложение, неполное предложение, типология односоставных предложений, синтаксическое отсутствие, эллипсис, синтаксический нуль, неполные синтаксические структуры.

Для цитирования: Емельченкова Е. Н. Синтаксическое отсутствие в китайском языке // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 3 (66). С. 34–41. DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.004.

Original article

Syntactic absence in Chinese

Elena N. Emelchenkova
Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
emelchenkovae@gmail.com

Abstract. The article aims at revealing the so-called “meaningful syntactic absence” in the Chinese language. This phenomenon belongs to one of the most common in live oral speech; however, its study began not so long ago and is still far from accepting a universal theory, especially when applied to languages not yet studied in depth, Chinese for instance. The article discusses the approaches that have developed in linguistics to the distinguishing of ellipsis and syntactic zero. It is generally believed that complete and incomplete sentences offer alternative ways of presenting the same information. When forming incomplete syntactic structures, the most relevant information is overtly expressed in the utterance, while less important, less relevant or familiar information is only implied, which allows the speaker to avoid redundant repetitions in particular syntactic contexts. Syntactic incompleteness can also be caused by the formalized features of the situation in which such statements are realized. It seems important to discuss the issues of the classification of minor sentences proposed in the Chinese grammatical theory, with a view to differentiating elliptic constructions which are, essentially, situationally incomplete and structures in which the filling of syntactic positions is difficult or even impossible.

© Емельченкова Е. Н., 2023

Keywords: Chinese, Chinese grammar, Chinese syntax, complete utterance, incomplete utterance, classification of minor sentences, syntactic absence, ellipsis, syntactic zero, incomplete syntactic structures.

For citation: Emelchenkova E. N. Syntactic absence in Chinese. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 2(65):34–41. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.004.

Введение

Любая теория синтаксиса, претендующая на обладание объяснительной силой, опирается на понятие правильно построенного предложения: в ней всегда имеется база в виде правил порождения грамматически правильных и осмысленных синтаксических структур, тогда как описание синтаксического отсутствия всегда носит вспомогательный характер. Причин тому несколько. С одной стороны, в естественных языках обязательность реализации составляющих правильно построенных предложений может быть разной, достаточно вспомнить эпическое Veni, vidi, vici с незамещенными субъектными позициями как яркую типологическую черту тяготеющей к такой неэксплицитности латыни или не раз обсуждавшуюся в отечественной литературе допустимость разной степени неполноты синтаксических построений на примере сравнения стихотворения «Клеопатры» А. Ахматовой и его перевода на английский язык. Та двусмысленность, которая присутствует в оригинальном тексте у Ахматовой, практически все предложения которого являют примеры синтаксического отсутствия, поскольку реализованы с нулевым подлежащим, дает художественный эффект соединения автора и героини. Такой эгоцентрической техники предъявления личной сферы не обнаруживается в англоязычном переводе, который в силу обязательности заполнения, пусть и формального, субъектной позиции теряет неоднозначность интерпретаций.

Основная часть

Теоретический фон исследования

Китайский язык, несмотря на отсутствие словоизменительной морфологии, с точки зрения допустимости неполноты синтаксических структур ближе к русскому варианту, что, естественно, осложняет задачу разрешения референциальной неоднозначности. По этом причине сам язык зачастую характеризуется как референциально непрозрачный, без опоры на контекст или знание коммуникативной ситуации снять эту неопределенность интерпретаций оказывается невозможно. Для переводчика при работе с художественным текстом на китайском языке это всегда вызов.

Эксплицитное выражение составляющих синтаксических структур может быть связано и с другими факторами. Так, например, в императивных контекстах заполнение субъектной позиции в русском языке не то что необязательно, оно оказывается вообще затруднено («Закрой окно!» вместо «Закрой ты окно!»), тогда как их китайские корреляты будут оба допустимы грамматически, но дифференцируются по степени ультимативности предъявляемого требования, ср.: 坐下！(zuò xià ‘Сядь!’) и 你坐下！(nǐ zuò xià ‘Ты садись!’).

Ключевыми для описания синтаксического отсутствия являются понятия эллипсиса (ellipsis) (удаления компонентов из структуры) и понятия синтаксического нуля (значимое отсутствие компонента).

Об эллипсисе мы говорим, когда удалены компоненты, изначально присутствовавшие в структуре. Подобное опущение чего-либо возможно только при условии изначального его материального присутствия, когда компонент имеется в полной синтаксической структуре и пропущен в неполном ее варианте: «У Петра пять за экзамен, а у меня — два». Для эллипсиса ключевым является возможность «достроить» недостающую часть как базовое условие восстановимости структуры, что предполагает семантическую очевидность заполнителя вплоть до определения конкретной лексической единицы — *два* (*за экзамен*). Опущенный в особых синтаксических условиях компонент по сути представляет собой нулевую анафору.

Понятие нулевого знака с подачи Ш. Балли [Ba11y, 1932] было развито Р. Якобсоном [Якобсон, 1985], И. Мельчуком [Мельчук, 1974] и др. О наличии синтаксического нуля в системе говорят, когда в синтаксической парадигме соответствующая позиция в других контекстах заполняется. Яркий пример синтаксического нуля в русском языке представляет собой нулевая словоформа глагола *быть.* Сравним:

Студент $_{Øбыть}$ в аудитории.	Студент отвечает.
Студент был в аудитории.	Студент отвечал.

В отечественной лингвистике характерные признаки нулевых единиц этого типа сформулировали Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев, предполагая, что для них «в системе языка нет полностью синони-

мического ненулевого способа выражения. В этом случае нулевой элемент необходимо включить в словарь языковых единиц соответствующего класса, с которыми он связан парадигматическими отношениями. Значения и референциальные свойства такого элемента не могут быть описаны через значение других единиц того же класса и требуют независимого изучения» [Булыгина, Шмелев, 1991, с. 43].

Впервые вопрос трактовки отсутствия материального выражения компонентов был озвучен как лингвистическая проблема еще младограмматиками в XIX веке, которые столкнулись с необходимостью системного описания предложений с метеорологическими глаголами типа рус. *светает*, лат. Pluit ‘идет дождь’, др.-исл. Rignir ‘идет дождь’. Уже тогда взгляды немецких лингвистов на синтаксическую природу предложений этого типа оказались несовпадающими. Так, Г. Пауль считал такие предложения двусоставными, постулируя в них нулевое подлежащее, тогда как Б. Дельбрюк отказался от поисков подлежащего в конструкциях этого типа, признав их безличными, поскольку древние индоевропейские языки не позволяли однозначно восстановить подлежащную именную группу (подробнее об этом см.: [Циммерлинг, 2008]).

Обсуждение синтаксических нулей на материале русского языка чаще всего затрагивает вопрос нулевого подлежащего и нулевой связки. Нулевое подлежащее, кроме метеорологических предикатов *светать*, *вечереть*, *подмораживать* и т. п., типично для небольшого числа глагольных лексем, встречающихся только в безличной конструкции (*лихорадить*, *развезти*, *скрючить*, *взгрустнуться*, *икаться* и др.). Эти единицы по своим грамматическим характеристикам представляют собой отдельный, численно небольшой подкласс глаголов, которые не принимают внешне выраженное подлежащее.

Нулевое дополнение и целесообразность его выделения обсуждается в литературе значительно реже, тогда как для китаеязычного материала абсолютивные конструкции или абсолютивные употребления переходных глаголов в русском языке представляют особый интерес при их сопоставлении с китаеязычными коррелятами. Речь идет о предикатах, описывающих вовлеченность человека в процесс (чтение, тренировка и т. п.) или занятие деятельностью, часто профессиональной, на регулярной основе: «Смотри, малыш читает»; «У них в семье готовит папа».

Эти контексты в отечественной лингвистике часто считаются неполными не только по форме, но еще и редуцированными семантически. В русском языке в абсолютивных конструкциях объект в силу своей предельной абстрактности не выражается, тогда как в соответствующих предложениях в китайском языке объектная позиция не может остаться незаполненной, поэтому для лексических заполнителей противопоставляется конкретно-референтное и родовое употребления. В первом случае речь идет об обозначении актуализированного предмета, во втором — о предметах этого класса вообще (любом представителе) либо, в случае отсутствия или нерелеванности соответствующей информации, наиболее вероятностном, обобщенном варианте. Такие единицы в описаниях китайского языка часто фигурируют как *empty object* или *dummy object*, отражая концепцию *syntactic dummies*, но вряд ли здесь можно говорить о полной семантической редукции (подробнее об этом см.: [Кисель, 2021]).

Рассмотрим представления китайских лингвистов в приложении к неполным синтаксическим структурам в собственном языке.

Классификации предложений в китайском языке

В языковедческой литературе Китая за не столь длительную историю существования теории синтаксиса, насчитывающую чуть более столетия, типология простых предложений стала складываться довольно поздно. Лингвисты расходились во взглядах как на количество типов полных элементарных синтаксических построений в языке, так и на их качественные характеристики и даже принципы их размежевания между собой.

Ранние грамматисты первой половины XX века, Ван Ли и Гао Минкай, различали три основных типа простых предложений в зависимости от категориальной принадлежности лексического заполнителя предикатной позиции. Классификации, предложенные грамматистами (см.: [Ван Ли, 1943/ 1985 ; Гао Минкай, 1948/ 1986]), включали следующие типы простых предложений, реализуемых как полные синтаксические структуры [1]:

1. Предложения с именным сказуемым 名词谓语句 (名谓句)

Сказуемое выражено существительным или именной группой:

[1] Примеры снабжены глоссированием в соответствии с правилами Лейпцигской системы поморфемной нотации. Список ярлыков: 1 — первое лицо; 2 — второе лицо; 3 — третье лицо; ATR — атрибут; COS — показатель изменения состояния; DEM — демонстратив; DUR — дуратив; F — женский род; M — мужской род; PL — множественное число; PTCL — фразовая частица; SG — единственное число.

(1) 今天星期四。
Jīntiān xīngqísi
Сегодня четверг
‘Сегодня — четверг’.

(2) 这孩子高高的鼻梁。
Zhè háizi gāogāo de bíliáng
DEM ребенок высокий ATR переносица
‘У ребенка высокий нос’.

2. Предложения с глагольным сказуемым (动词性谓语句, 动谓句)

Сказуемое выражено глаголом или глагольной группой:

(3) 门开着呢。
Mén kāi-zhe ne
Дверь открыть-DUR PTCL
‘Дверь открыта’.

(4) 孩子们睡了。
Háizi-men shuì le
Ребенок-PL спать COS
‘Дети уснули’.

3. Предложения с качественным сказуемым (形容词性谓语句)

Сказуемое выражено прилагательным или адъективной группой:

(5) 今天冷。
Jīntiān lěng
Сегодня холодный
‘Сегодня холодно’.

(6) 她房间干净得很。
Tā fángjiān gānjìng de hěn
3Sg.F комната чистый PTCL очень
‘У нее в комнате очень чисто’.

В «Лекциях по грамматике китайского языка», составленных отделением грамматики Института языка Академии наук Китая (中國科學院語言研究所語法小組) во главе с Дин Шэншу и печатавшихся в журнале «Чжунго юйвэнь» в 1952—1953 годах, к этим трем типам был добавлен четвертый — предложение, сказуемое которого выражено конструкцией, имеющей собственное подлежащее и сказуемое (主谓结构 zhǔ wèi jiégòu).

4. Предложения со сказуемым, выраженным подлежащно-сказуемостной группой (主谓谓语句)

Сказуемое выражено группой, включающей имя и глагол, трактуемые как (малые) подлежащее и сказуемое:

(7) 我头疼。
Wǒ tóu téng
1Sg голова болеть
‘У меня болит голова’.

(8) 他身材很高大。
Tā shēncái hěn gāodà
3Sg.M фигура очень высокий
‘Он высок ростом’.

Этот подход, зафиксировавший четыре вышеперечисленных типа как базовые простые предложения (см. [现代汉语语法讲话 [Лекции по грамматике китайского языка], 1961]), закрепился в системе преподавания в Китае и грамматических описаниях китайского языка.

Дальнейшее развитие взглядов шло по пути дробления базовых типов в зависимости от грамматических свойств отдельных компонентов в структуре предложения. Современная теория в целом придерживается этой же классификации, с некоторыми отклонениями у отдельных авторов. Так, предложения с глагольным и адъективным сказуемым могут фигурировать в классификациях как один обобщенный тип простых предложений с предикативным сказуемым (谓词谓语主谓句 wèicí wèiyǔ zhǔ wèi jù).

В целом подход китайских исследователей объединяет взгляд на грамматическую основу предложения, включающую подлежащее (主语 zhǔyǔ) и сказуемое (谓语 wèiyǔ), как выполняющую две функции — представления смыслового и грамматического центра синтаксической единицы, однако уже на ранних стадиях формирования синтаксического учения лингвисты обратили внимание на частотность предложений, которые содержали только один из этих компонентов. Применительно к ним в китайской науке того периода стал использоваться термин 零句 (líng jù) — «нулевое предложение» в противопоставлении с 整句 (zhěng jù) — «полное предложение» (китаеязычный аналог *full sentence*). Эту терминологию ввел в синтаксическую теорию китайского языка Чжао Юаньжэнь [赵元任 [Чжао Юаньжэнь], 1979], предложивший термин 零句 как перевод англоязычного термина *minor sentence*, заимствованного им из ставшего классическим учебника «Язык» Л. Блумфилда [Bloomfield, 1933]. Термином «нулевое предложение» охватывались и предложения без подлежащего, и предложения без сказуемого:

(9) 干杯！ (Gān bēi ‘Ура! На здоровье!’, букв. ‘Осушим чашку!’).
(10) 来了。 (Lái le ‘Пришли’).
(11) 是我。 (Shì wǒ ‘Это я’).
(12) 飞机！ (Fēijī! ‘Самолет!’).
(13) 好孩子！ (Hǎo háizi! ‘Хороший мальчик!’).

Согласно современному подходу, предложения, состоящие из одного слова или словосочетания непредикативной природы, трактуются как 非主谓句 fēi zhǔwèi jù — «предложения не подлежащно-сказуемостной структуры». В рамках этого типа выделяют следующие подтипы односоставных предложений:

– предложения без сказуемого (无谓语句 wú wèiyǔ jù) или односоставные предложения именного типа (名词性非主谓句 míngcíxìng fēi zhǔwèi jù, 体词句 tǐ cíjù);
– бесподлежащные односоставные предложения (无主句 wú zhǔ jù, 谓词非主谓句 wèicí fēi zhǔ wèi jù);
– иные (особые) односоставные предложения (特殊非主谓句 tèshū fēi zhǔ wèi jù).

Односоставные предложения с подлежащим в роли единственного члена соответствуют номинативным или назывным предложениям в отечественной традиции, они призваны указать на факт существования предмета, события или явления, обозначенного словом предметной природы или именной группой. Единственный материально реализованный компонент в предложении этого типа — подлежащее — может быть выражен различными единицами именной природы или предметными словами, что дает подтипы назывных предложений, а именно:

– с существительным (独词式非主谓句 dú cí shì fēi zhǔ wèi jù):
(14) 证件！ (zhèngjiàn! ‘Документы!’);
(15) 门！ (men ‘Дверь!’);

– с атрибутивной группой (偏正式非主谓句 piānzhèngshì fēi zhǔ wèi jù，定中句 dìng zhōng duǎnyǔ):
(16) 多好的孩子！ (Duō hǎo de háizi! ‘До чего же хороший ребенок!’);
(17) 一群极端分子 (Yīqún jíduān fènzǐ ‘Группа экстремистов!’);

– с сочинительной группой (联合式非主谓句 liánhéshì fēi zhǔ wèi jù):
(18) 老张和老李 (Lǎo Zhāng hé Lǎo Lǐ ‘Старик Чжан и старик Ли’);

– с конструкцией со структурной частицей 的 de (的字式非主谓句 de zì shì fēi zhǔ wèi jù):
(19) 卖菜的 (Mài cài de ‘Зеленщик’);
(20) 姓王的？ (Xìng Wáng de? ‘А Ван?’);

– с повторной номинацией (复指式非主谓句 fùzhǐshì fēi zhǔ wèi jù):
(21) 你们几个呢？ (Nǐmen jǐ gè ne? ‘А вы все?’ (букв. ‘несколько человек’)).

Типология односоставных предложений с единственным компонентом — глагольным сказуемым (动词性非主谓句 dòngcíxìng fēi zhǔ wèijù) — опирается на грамматическую природу предиката. Выделяют следующие подтипы, в зависимости от того, чем выражено сказуемое:

– глагол （独词式非主谓句 Dú cí shì fēi zhǔ wèi jù):
(22) 听！ (Tīng! ‘Послушай!’);
(23) 出发！ (Chūfā! ‘Выходим! В путь!’);
(24) 走！ (Zǒu! ‘Пошли’);

– результативная группа (偏正式谓词句 piānzhèngshì wèicíjù, 述补非主谓句 shù bǔ fēi zhǔ wèi jù):
(25) 吃完！ (Chī wán ‘Доедай!’);

– предикативно-объектная группа (述宾式谓词句 shù bīn shì wèi cíjù):
(26) 到点了。 (Dào diǎn le ‘Пора’);
(27) 说什么呀？ (Shuō shénme ya? ‘Что сказал?’);

– последовательно связанная группа (兼语式 jiānyǔ shì):
(28) 祝你健康！ (Zhù nǐ jiànkāng ‘Желаю тебе быть здоровым!’);
(29) 教校长看看你！ (Jiào xiàozhǎng kàn kàn nǐ! ‘Пусть директор школы посмотрит на тебя!’);

– сериальная группа сказуемого (连谓式 lián wèi shì):
(30) 开窗户通风。 (Kāi chuānghù tōngfēng ‘Откройте окна проветрить (помещение)’);

– сочинительная группа (联合式谓词句liánhé shì wèi cíjù):
(31) 唉唉，见面不见面呢？ (Āi āi, jiànmiàn bù jiànmiàn ne? ‘Увы, увидимся или нет?’);

– скомпрессированная (сжатая) группа (紧缩式谓词非主谓句 jǐnsuō shì wèi cí fēi zhǔ wèi jù):
(32) 住在这个地方还怕人？ (Zhù zài zhège dìfāng hái pàrén? ‘В таком месте жить, какого еще бояться?!’).

Среди односоставных предложений с главным компонентом — качественным сказуемым (形容词性非主谓句 xíngróngcíxìng fēi zhǔ wèi jù) — выделяют следующие подтипы в зависимости от того, чем выражено сказуемое:

– прилагательное (独词式非主谓句 Dú cí shì fēi zhǔ wèi jù):
(33) 好！ (Hǎo ‘Ладно’);
(34) 真懒！ (Zhēn lǎn! ‘Какой же ленивый!’);

– прилагательное с дополнительным элементом (адъективная группа) в сказуемом (偏正式谓词句 piānzhèngshì wèicí jù， 述补非主谓句 shù bǔ fēi zhǔ wèi jù):
(35) 好极了！ (Hǎo jí le ‘Отлично!’);
(36) 离这里不远啦！ (Lí zhèli bù yuǎn la! ‘Недалеко отсюда!’).

Как особые типы рассматриваются односоставные предложения, сказуемое которых выражено единицами других классов слов:

– наречные односоставные предложения (副词非主谓句 fùcí fēi zhǔ wèi jù):
(37) 不！ (Bù! ‘Нет!’);
(38) 确实！ (Quèshí! ‘Действительно’);

– местоименные односоставные предложения (代词非主谓句 dàicí fēi zhǔ wèi jù):
(39) 怎么啦？ (Zěnme la? ‘В чем дело?’);
(40) 哪儿啊？ (Nǎr a? ‘И где?’);

– междометные односоставные предложения (叹词非主谓句 tàncí fēi zhǔ wèi jù):
(41) 哦。 (Ó ‘Ой’);
(42) 哎哟！ (Āiyō! ‘Увы’);

– звукоподражательные предложения (拟声词非主谓句 nǐshēngcí fēi zhǔ wèi jù):
(43) 砰 (Pēng! ‘Бум!’);
(44) 满门抄斩— —嚓!嚓! (Mǎnmén chāo zhǎn — cā! cā! ‘Порубить всю семью — Чик! Чик!’).

Заключение

Как показывает анализ материала, в своих классификациях неполных предложений в китайском языке современные китайские исследователи используют и частеречный, и функциональный принципы выделения типов синтаксических структур, не всегда последовательно и системно применяя их к языковому материалу. Обозначим проблемные точки в этой области.

Употребление неполных синтаксических структур в большей степени характерно для определенных коммуникативных ситуаций. Неполносоставные предложения частотны в монологической речи, а также как ситуативные реплики и предложения-реплики в диалоге. Все они характеризуется как ситуативно неполные, поскольку тот или иной компонент синтаксической структуры не реализуется в силу его очевидности для коммуникантов, языковой экономии (или лени), трудностями с подбором подходящих лексических единиц и т. п. факторами. Они не имеют ограничений на семантику того компонента,

который не получает выражения. Очевидно, что для разных сфер реализации (письменная и устная формы), форм организации речи (монолог или диалог) встречаемость эллиптических предложений будет разной, опущение компонентов предложения типично для живой устной речи. И бóльшая часть представленных выше типов неполных синтаксических структур, по-видимому, относится к эллипсису. Тогда как с лингвистической точки зрения больший интерес представляют те предложения или, точнее, конструкции, в которых отсутствует возможность восполнить недостающие/опущенные компоненты, причем речь — не об эксплицитной реализации заполнителей, а именно об имплицитном ее варианте. Эти конструкции понятны вне контекста, в них невозможно заместить позицию никакой лексической группой.

Высказывания, подобные (15) (门！ (men ‘Дверь!’)), будут понятны и вне конкретной ситуации благодаря специфическим лексическим заполнителям, которые вслед за Е. Н. Ширяевым [Ширяев, 1973] в отечественной лингвистике называют функционально-ориентированной лексикой. Характерной особенностью таких высказываний является предопределенность предиката. Для коммуникантов очевидно, что с дверью базово может происходить только два действия — открытие и закрытие. Аналогичное свойство, по-видимому, обнаруживается и у тех конструкций, которые обозначают действия, реализуемые в стандартизированных ситуациях, например таких, как покупка билета в кассе, пожелание к празднику и т. п. Используемые в подобных контекстах высказывания с глаголами-перформативами реализуются с незаполненной субъектной позицией:

(45) 祝你生日快乐！ (Zhù nǐ shēngrì kuài lè — ‘(Поздравляю) С днем рождения!’).

В этом же ключе было бы интересно проанализировать пласт глагольной лексики китайского языка на предмет выявления подклассов глаголов, где заполнение субъектной или объектной позиции не просто затруднено, как в случае с перформативами, а в принципе невозможно, но поиск и инвентаризация таких единиц — предмет отдельного, более детального исследования.

В целом очевидно, что высказывания с синтаксическими нулями относятся к той области лингвистики, которую принято называть микросинтаксисом. Такие конструкции должны анализироваться в индивидуальном порядке с привлечением широкого языкового материала. Это позволит отделить ситуативно-неполные высказывания от тех, которые таковыми не являются, поскольку не могут быть восстановлены до полных, материально выраженных синтаксических структур.

Список источников

1. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенности и обобщенноличности // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. — СПб. : Наука, 1991. — С. 41–62.

2. Кисель П. О. К вопросу о «пустом дополнении» в раздельно-слитных словах лихэцы глагольно-именной модели в современном китайском языке // Вестник РГГУ. Сер. «Литературоведение. Языкознание. Культурология». — 2021. — № 2. — С. 32–63. — DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-32-63.

3. Мельчук И. А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги / под ред. А. А. Холодовича. — Л. : Наука, 1974. — С. 343–361.

4. Циммерлинг А. В. Нулевые лексемы в синтаксисе: догматика и типология // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. — 2008. — № 2. — С. 226–244.

5. Ширяев Е. Н. Лексико-семантические характеристики высказываний с нулевыми глаголами-предикатами (на материале разговорной речи) // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: респ. сб. — Горький : ГПИИЯ, 1973. — Сб. 4. — С. 152–161.

6. Якобсон Р. О. Избранные работы / пер. с англ., нем., фр. яз. ; сост. и общ. ред. В. А. Звегинцева. — М. : Прогресс, 1985. — 460 с.

7. Ba11y Ch. Linguistique générale et linguistique française. — Paris, 1932. — 411 p.

8. Bloomfield L. Language. — NY, 1933. — 564 p.

9. 高名凯。汉语语法论。北京:商务印书馆，1948/1986, 629 [Гао Минкай. Теория грамматики китайского языка. — Пекин : Шанъу иньшугуань, 1948/1986. — 629 с.].

10. 现代汉语语法讲话。丁声树等。北京，商务印书馆，1961年, 228 [Лекции по грамматике китайского языка / под ред. Дин Шэншу [и др.]. — Пекин : Шанъу иньшугуань, 1961. — 228 с.].

11. 王力。中国现代语法。北京: 商务印书馆，1943/1985, 402 [Ван Ли. Современная китайская грамматика. — Пекин : Шанъу иньшугуань, 1943/1985. — 402 с.].

12. 赵元任。汉语口语语法。北京，商务印书馆，1979年, 382 [Чжао Юаньжэнь. Грамматика разговорного китайского языка. — Пекин : Шанъу иньшугуань, 1979. — 382 с.].

References

1. Bulygina T. V., Shmelev A. D. Referential, communicative and pragmatic aspects of uncertainty and generalized personality. *Teoriia funktsionalnoi grammatiki. Personalnost. Zalogovost* [Theory of functional grammar. Personality. Voices]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1991, pp. 41–62. (In Russian).

2. Kisel P. O. On the issue of the "dummy object" in verb-object separable words liheci in modern Chinese. *Vestnik RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"* [RSUH Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series]. 2021, no. 2, pp. 32–63. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-32-63. (In Russian).

3. Melchuk I. A. About syntactic zero. *Tipologiya passivnyh konstrukcij. Diatezy i zalogi* [Typology of passive constructions. Diathesis and voices]. Ed. A. A. Kholodovich. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 343–361. (In Russian).

4. Zimmerling A. V. Zero tokens in syntax: dogma and typology. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskih issledovanij* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies]. 2008, no. 2, pp. 226–244. (In Russian).

5. Shiryaev E. N. Lexico-semantic features of statements with zero predicate verbs (on the colloquial speech). *Teoriya i praktika lingvisticheskogo opisaniya razgovornoj rechi* [Theory and practice of linguistic description of oral speech]. Gorky, 1973, sat. 4, pp. 152–161. (In Russian).

6. Jacobson R. O. *Selected works.* Ed. V. A. Zvegintsev. Moscow, Progress Publ., 1985. (In Russian).

7. Ba11y Ch. *Linguistique generale et linguistique française*. Paris, 1932, 411 p. (In French).

8. Bloomfield L. *Language*. NY, 1933, 564 p.

9. 高名凯。汉语语法论。北京:商务印书馆，1948/1986, 629 [Gao Mingkai. *Theory of Chinese Grammar*. Beijing, Shangwu yinshuguan, 1948/1986, 629 p.]. (In Chinese).

10. 现代汉语语法讲话。丁声树等。北京，商务印书馆，1961年, 228 [*Lectures on Chinese grammar*. Ed. Ding Shengshu [et al.]. Beijing, Shangwu yinshuguan, 1961, 228 p.]. (In Chinese).

11. 王力。中国现代语法。北京：商务印书馆, 1943/1985, 402 [Wang Li. *Modern Chinese grammar*. Beijing, Shangwu yinshuguan, 1943/1985, 402 p.]. (In Chinese).

12. 赵元任。汉语口语语法。北京，商务印书馆，1979年, 382 [Zhao Yuanren. *Grammar of spoken Chinese*. Beijing, Shangwu yinshuguan, 1979, 382 p.]. (In Chinese).

Информация об авторе

Емельченкова Елена Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры китайской филологии, заведующий кафедрой теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки Санкт-Петербургского государственного университета.

Information about the author

Emelchenkova, Elena — candidate of philology, associate professor, head of Department of theory and methods of studying languages and cultures of Asia and Africa, Faculty of Asian and African Studies, Saint-Petersburg State University.

Статья поступила в редакцию 27.07.2023;
одобрена после рецензирования 05.08.2023;
принята к публикации 06.08.2023.

Submitted 27.07.2023;
approved after reviewing 05.08.2023;
accepted for publication 06.08.2023.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 3 (66). С. 42–46.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;3(66):42–46.

Научная статья
811.581.11
DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.005

Выделение частей речи китайского языка в грамматиках русских миссионеров XIX века

Лебедева Александра Владимировна
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
aleksandra.lebedeva@spbu.ru

Аннотация. В данной статье говорится о частях речи китайского языка и принципах их выделения в грамматических сочинениях участников Российской духовной миссии: в грамматике «Хань-вэнь ци-мын» архимандрита Иакинфа (Бичурина), «Краткой китайской грамматике иеромонаха Исайи: с приложением о мерах, весах и деньгах (по Матусовскому)» иеромонаха Исайи (Поликина), «Начатках грамматики китайского разговорного языка приспособительно к формам языка русского» архимандрита Амфилохия (Лутовинова). Отдельно рассматриваются взгляды китайских лингвистов на проблему выделения частей речи китайского языка. На примере описания существительных, прилагательных, местоимений и глаголов показываются взгляды и подходы миссионеров в области грамматики китайского языка.

Ключевые слова: китайский язык, миссионерские грамматики, части речи китайского языка, Исайя (Поликин), Иакинф (Бичурин), Амфилохий (Лутовинов).

Для цитирования: Лебедева А. В. Выделение частей речи китайского языка в грамматиках русских миссионеров XIX века // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 3 (66). С. 42–46. DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.005.

Original article

The 19th century Russian missionary grammars and identification of Chinese parts of speech

Alexandra V. Lebedeva
Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia
aleksandra.lebedeva@spbu.ru

Abstract. The aim of the paper is to outline Chinese parts of speech and their description in Russian missionary grammar books, such as A Grammar of the Chinese Language by Archimandrite Iakinf (Hyacinth) Bichurin, A Reference Grammar of Chinese by Hieromonk Isaiah (Polikin) and The Basics of Chinese Grammar (adjusted to Russian) by Archimandrite Amphilochius (Lutovinov). The views and approaches of Russian missionaries in the field of Chinese grammar are compared with the views of modern Chinese linguists on Chinese grammar and illustrated by the description of nouns, adjectives, pronouns and verbs.

Keywords: Chinese, missionary grammars, parts of speech of Chinese, Isaiah (Polikin), Iakinf (Bichurin), Amphilochius (Lutovinov).

For citation: Lebedeva A. V. The 19th century Russian missionary grammars and identification of Chinese parts of speech. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 2(65):42–46. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.005.

Введение

Цель этой работы — описать подходы к выделению частей речи китайского языка (КЯ) в грамматиках русских миссионеров XIX века. В Китае издавна существовала традиция составления толковых словарей, необходимых для чтения и комментирования канонических книг, однако сочинений, посвященных грамматике китайского языка как структуре, не было. Они появляются только с приходом западных миссионеров, перед которыми стояла насущная проблема изучения и описания незнакомого языка. Первая грамматика классического КЯ вэньянь «Ма-ши вэнь-тун» (马氏文通), написанная китайским ученым Ма Цзяньчжуном, появляется только в 1898 году и во многом повторяет грамматики латинского языка того времени. На протяжении последующего столетия создавались грамматики современного КЯ, существовали разные взгляды на принципы выделения частей речи, поэтому языковой материал миссионерских грамматик представляет ценность как для истории языка, так и для истории науки.

© Лебедева А. В., 2023

Для этой работы специально были выбраны три грамматики, написанные и опубликованные в течение XIX столетия членами Российской духовной миссии; они были известны широкому читателю и активно использовались в обучении КЯ. Это «Китайская грамматика “Хань-вынь ци-мын”» архимандрита Иакинфа (Бичурина) (издана впервые в 1835 году, переиздавалась в 1838, 1908 годах), «Краткая китайская грамматика иеромонаха Исайи: с приложением о мерах, весах и деньгах (по Матусовскому)» иеромонаха Исайи (Поликина) (изначально служила введением к составленному им «Русско-китайскому словарю разговорного языка» 1869 года, затем отдельно издана в 1906 году), «Начатки грамматики китайского разговорного языка приспособительно к формам языка русского» архимандрита Амфилохия (Лутовинова) (1898). Далее для краткости они будут называться Грамматика Иакинфа, Грамматика Исайи и Грамматика Амфилохия.

Важно отметить, что грамматика Иакинфа посвящена описанию КЯ как литературного языка вэньянь (文言文) и разговорного языка байхуа (白话), грамматики Исайи и Амфилохия сопоставляют разговорный язык байхуа и русский язык. В отличие от западных миссионеров, традиционно оказывавшихся на юге Китая, Российская духовная миссия находилась в Пекине и поэтому занималась изучением в первую очередь северного официального языка гуаньхуа (北方官话) и пекинского диалекта КЯ (北京话).

Сочинения по грамматике КЯ русских миссионеров во многом повторяют западные работы того периода, однако они не лишены оригинального содержания, поэтому для изучения истории китайского языка ценен и тот языковой материал, который собрали российские миссионеры, и собственно их взгляды на китайский язык.

Основная часть

Современные подходы китайских лингвистов к выделению частей речи в китайском языке

Вопрос о выделении частей речи в КЯ не лишен актуальности до сих пор; за прошедшее столетие были различные дискуссии о терминологии и даже, например, о невозможности выделения частей речи КЯ. Помимо традиционного для китайского языкознания деления слов на знаменательные («полные») 实词 shící и служебные («пустые») 虚词 xūcí, в современной китайской лингвистике принято использовать терминологию, выработанную Чжу Дэси (朱德熙) и его последователями. Ими были проведены обширные статистические исследования о принадлежности слова к той или иной части речи, чтобы в дальнейшем применять данные для словарей КЯ, в первую очередь для «Словаря современного китайского языка» (现代汉语辞典). Об этом более подробно на русском языке можно посмотреть в работе Т. В. Ивченко «Китайский язык. Полная грамматика в схемах и таблицах» [Ивченко, 2021, с. 10].

Сколько же частей речи в современном КЯ? Научные дискуссии китайских исследователей по вопросам разграничения частей речи продолжаются, например, известна современная полемика знаменитых лингвистов Лу Цзяньмина (陆俭明) и Шэнь Цзясюаня (沈家煊) о возможности объединения существительных, глаголов и прилагательных в более крупный частеречный класс 名动包含 [陆俭明 [Лу Цзяньмин], 2022 ; 沈家煊 [Шэнь Цзясюань], 2023]. Количество выделяемых частей речи тоже не единообразно, к примеру, Син Фуи (邢福义) указывает 11 видов частей речи [邢福义 [Син Фуи], 2003, 66页], Чжу Дэси (朱德熙) — 17 видов [朱德熙 [Чжу Дэси], 1982, 40页], Го Жуй (郭锐) — 20 видов [郭锐 [Го Жуй], 2002, 298页].

Для понимания современных подходов к выделению частей речи обратимся к «усредненной» классификации профессора Ма Чжэнь (马真) в работе «Краткий практический курс грамматики китайского языка» (简明实用汉语语法教程, 2015). Это учебное пособие было составлено для подготовки филологов и преподавателей КЯ в Пекинском университете, дает базовые представления о грамматике, структуре предложения КЯ [马真 [Ма Чжэнь], 2015, 2页]. Ма Чжэнь выделяет следующие части речи: 名词 míngcí — существительное, 动词 dòngcí — глагол, 形容词 xíngróngcí — прилагательное, 状态词 zhuàngtàicí — слово со значением состояния, 区别词 qūbiécí — дифференцирующее слово, 数词 shùcí — числительное, 量词 liàngcí — счетное слово, 代词 dàicí — местоимение, 副词 fùcí — наречие, 介词 jiècí — предлог, 连词 liáncí — союз, 助词 zhùcí — частица, 语气词 yǔqìcí — модальная частица, 叹词 tàncí — междометие, 象声词 xiàngshēngcí — звукоподражание [Ibid., 15–29页].

Выделение частей речи КЯ в грамматиках русских миссионеров

Обрисовав современные взгляды на проблему частеречного выделения, вернемся к исходному материалу — к вышеуказанным миссионерским грамматикам. В отличие от грамматики Иакинфа, грамматики Исайи и Амфилохия строятся по принципу сопоставления КЯ с русским языком, что подчеркивает их практический характер. Обобщенно в этих грамматиках описываются следующие части речи: имя

существительное, местоимение, имя прилагательное, глагол, наречие, предлог, союз, междометие, числительное. В ходе изложения упоминаются счетные слова, которые Иакинф называет «числительные слова» [Иакинф, 1908, с. 52], Исайя — «числительные знаки» [Исайя, 1906, с. 44], Амфилохий — «числительные частицы» [Амфилохий, 1898, с. 24].

Некоторые части речи интересно рассмотреть подробнее, например, ***существительное***. У Иакинфа есть указание на образование существительных путем присоединения в разговорном языке показателей 子 zǐ, 头 tóu, 儿 ér [Иакинф, 1908, с.41]. Амфилохий подробно описывает деление имен существительных на собственные и нарицательные, китайские фамильные знаки и топонимы, указывает принципы словообразования [Амфилохий, 1898, с. 3–10]. Все авторы едины в отсутствии категории рода в КЯ, однако к категории числа у них наблюдаются разные подходы. Иакинф, рассматривая классический и разговорный языки, выделяет единственное и множественное число [Иакинф, 1908, с. 44]. Амфилохий пишет, что «для единственного (少数) и множественного (多数) чисел не имеется особых знаков. Множественное иногда обозначается приставкой числительного, иногда же просто смыслом фразы: 我念的书不少。*Wǒ niàn de shū bù shǎo*. ‘Мною прочитано книг немало’» [Амфилохий, 1898, с. 9]. Исайя считает, что «в китайском языке нет чисел единственного и множественного; они узнаются или по смыслу речи, или по частице *мынь* (们), которая ставится позади имен, или по числительному имени» [Исайя, 1906, с. 4].

Примечательно, что для исследователей XIX века характерно описывать синтаксические функции КЯ с помощью падежей, что похоже на традиции латинских грамматик того времени. Исайя пишет, что, хотя в КЯ «нет падежей, но в разговорном языке можем узнавать в словах и придавать значение наших падежей, смотря по месту, которое слово занимает в речи, и по некоторым частицам, поставляемым или впереди, или после слова» [Исайя, 1906, с. 1]. Амфилохий тоже проводит параллели с падежами: «…наши падежи склонения указываются или приставкой частиц, или положением слова в фразе» [Амфилохий, 1898, с. 10]. И только Иакинф не согласен с существованием падежей в КЯ, спорит с попыткой склонять китайские существительные, приводя в пример работу Жозефа Премара (Joseph Henri Marie de Prémare) *Notitia Linguae Sinicae*, которая была написана и издана на латинском языке (1831) и позднее переведена на английский язык (1847). Иакинф приводит из этой работы несколько примеров предлогов (於 yú в качестве родительного падежа) и служебных частиц (的 de как показатель родительного и творительного падежей), которые переводятся на латинский язык как показатели падежей КЯ, и доказывает, что при переводе на русский язык они передаются иначе, соответственно, им приписываются неподходящие функции и подобный подход неверен [Иакинф, 1908, с. 47].

В описании имени ***прилагательного*** Иакинф и Исайя не приводят примеров двусложных прилагательных, ограничиваясь лишь односложными и связанными с ними правилами употребления [Исайя, 1906, с. 4–5 ; Иакинф, 1908, с. 47–49]. Однако у Амфилохия указаны четыре способа словообразования прилагательных в КЯ и варианты употребления их в качестве разных членов предложения [Амфилохий, 1898, с. 16–19]. Примечательно, что к разделу о прилагательных Иакинф относит количественные и порядковые числительные, в том же разделе указаны счетные слова («числительные слова»), циклические знаки, информация о китайском календаре и обозначении времени [Иакинф, 1908, с. 50–55]. Все грамматики в главах о прилагательных уделяют внимание способам выражения сравнения в КЯ, сравнительной и превосходной степени прилагательного [Амфилохий, 1898, с. 19–22 ; Исайя, 1906, с. 5–9 ; Иакинф, 1908, с. 49–50].

К описанию ***местоимений*** все авторы подходят по-разному. Иакинф выделяет различные классы местоимений в классическом и разговорном языке, подробно описывает, как правильно обращаться к первому и второму лицу [Иакинф, 1908, с. 55–57], и дополнительно в конце книги приводит «Таблицу учтивых речений, употребляемых в разговорах вместо местоимений: я, мы, мой, наш, вы и ваш» [Иакинф, 1908, с. 114–118].

Амфилохий подробно классифицирует местоимения, указывает на традиции китайского общения и правила употребления личных местоимений [Амфилохий, 1898, с. 28–34]. Он считает, что у личных местоимений есть три падежа: именительный, винительный, выраженный «частицей» (предлогом) 把 bǎ, и дательный, выраженный «приставками» (предлогами) 给 gěi, 和 hé, 对 duì, 同 tóng, 跟 gēn [Амфилохий, 1898, с. 28]. В грамматике выделяется особенность перевода местоимений русского языка *все, всякий* на КЯ, где могут использоваться как местоимения, так и наречия [Амфилохий, 1898, с. 32–33]. Стоит отметить, что этот важный грамматический нюанс часто вызывает затруднение у изучающих КЯ, у которых родной язык — русский.

В грамматике Исайи местоимения описаны лаконично, даются единым списком без разделения на личные, указательные, вопросительные, возвратные и т. д. [Исайя, 1906, с. 9]. Изначально эта грамматика издавалась как приложение к русско-китайскому словарю для купцов и путешественников и не могла быть объемной, поэтому для первоначального знакомства с КЯ Исайя указывает только самые необходимые личные местоимения без подробных указаний вежливых обращений.

Описание ***глагола*** в указанных грамматиках занимает сравнительно большой объем, выполнено довольно подробно, однако подходы к описанию различаются. Иакинф выделяет пять залогов: действительный, страдательный, взаимный, возвратный, средний [Иакинф, 1908, с. 57]. Вызывает интерес, что Иакинф указывает средний залог, очевидно, подразумевая медиальный, привычный для древнегреческого языка. Как пишет Иакинф, «отличительное качество средних глаголов состоит в том, что они ни в каком другом залоге, кроме среднего, не употребляются», и к ним относит в том числе 有 yǒu ‘есмь (нахожусь)’, 是 shì ‘есмь’, 无 wú ‘нет (не находится)’, 不 bù ‘нет’ [Иакинф, 1908, с. 59]. Приведенный перевод показывает, как сильно отличается подход к этим словам с современных позиций, например, 无 wú и 不 bù считаются отрицательными наречиями и глаголами быть не могут. Указанные слова без определенного контекста не могут быть полноценными самостоятельными предложениями. Также, в зависимости от позиции в предложении («свойств употребления»), Иакинф делит глаголы на личные, безличные и вспомогательные. К личным относятся глаголы, у которых впереди стоит подлежащее, к безличным, соответственно, — у которых нет подлежащего [Иакинф, 1908, с. 59]. Вспомогательные глаголы определяются как показатели «залога, времени или действия, а свое собственное значение теряют». К ним Иакинф относит 见 jiàn ‘вижу’, 已 yǐ ‘перестаю’, 得 dé ‘приобретаю’, 来 lái ‘прихожу’, 被 bèi ‘одеваю’, 了 liǎo ‘исправляю’, 着 zhuó ‘надеваю’, 去 qù ‘отхожу’ [Иакинф, 1908, с. 59]. Как глаголы, чаще встречающиеся в разговорном языке, он указывает 被 bèi, 来 lái, 去 qù, которые в современных грамматиках, помимо своего этимологического значения, трактуются как маркер пассива и направительные морфемы.

Для сравнения интересно привести ту терминологию, которую использует Амфилохий. Он делит глаголы на действительные и средние, то есть «требующие прямого дополнения и не имеющие его», относя к средним глаголам 来 lái ‘приходить’, 去 qù ‘уходить’, 走 zǒu ‘ходить’ [Амфилохий, 1898, с. 34]. Очевидно, что, в отличие от «среднего глагола» у Иакинфа, в данном случае этот термин обозначает «непереходный глагол». Вслед за учебным пособием Имбо-Юара (Camille Imbault-Huart), Амфилохий делит глаголы на простые и сложные, и далее — на 12 классов. Примечательно, что к простым односложным глаголам он относит 是 shì ‘быть’, 有 yǒu ‘иметь’, 来 lái ‘приходить’, 去 qù ‘уходить’ [Там же, с. 35]. Учитывая особенности русского и китайского языков, в его грамматике сравнивается употребление русского вспомогательного глагола *быть* с китайскими глаголами 是 shì ‘быть’, 有 yǒu ‘иметь, обладать’, 在 zài ‘находиться’. Амфилохий придает важное значение вспомогательным глаголам, в которые, используя современную терминологию, входят модальные глаголы, дополнительные элементы результата и направления [Там же, с. 37–41].

В грамматике Исайи, в силу ее практического характера, нет пространных классификаций, есть указания, как образовывать настоящее, прошедшее, неоднократно прошедшее (过 guo), будущее время, действительное и страдательное причастия, повелительное наклонение, отрицание [Исайя, 1906, с. 10–14]. В тех случаях, где Исайя не может найти подходящее грамматическое объяснение, применяется исчерпывающий термин «идиотизм», для того, что не может «быть переводимо буквально по-русски» [Там же, с. 30]. Как один из примеров подобного необъяснимого «идиотизма» приводится словообразование при помощи глагола 打 dǎ ‘бить’, который в сочетании с существительным теряет свое этимологическое значение и принимает значение действия, связанного с существительным, например, 打水 dǎ shuǐ ‘черпать воду’, 打灯笼 dǎ dēnglong ‘зажечь фонарь’, 打酒 dǎjiǔ ‘покупать вино’ [Там же].

Заключение

Изучение материала миссионерских грамматик КЯ позволяет увидеть следующее:

1) фиксацию фонетической, лексической и грамматической нормы разговорного КЯ XIX века;
2) научный поиск, различные взгляды и постепенное формирование подходов к научному знанию и описанию структуры КЯ на примере выделения частей речи;
3) пример обучения грамматике КЯ с опорой на родной язык.

Список источников

1. Амфилохий (Лутовинов). Начатки грамматики китайского разговорного языка приспособительно к формам языка русского. — СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1898. — 69 с.
2. Иакинф (Бичурин). Хань-вынь ци-мын. Китайская грамматика, сочиненная монахом Иакинфом. — Пекин : Тип. Успенского монастыря при РДМ, 1908. — 118 с.
3. Ивченко Т. В. Китайский язык. Полная грамматика в схемах и таблицах. — М. : АСТ, 2022. — 736 с.
4. Исайя (Поликин). Краткая китайская грамматика иеромонаха Исайи: с приложением о мерах, весах и деньгах (по Матусовскому). — Пекин : Тип. Пекинской дух. миссии, 1906. — 50 с.

5. 郭锐。现代汉语词类研究。— 北京: 商务印书馆, 2002。— 333。[Го Жуй. Части речи современного китайского языка. — Пекин : Изд-во Шанъу, 2002. — 333 с.]

6. 陆俭明。再议“汉语名动包含说” // 外国语(上海外国语大学学报)。— 2022年, 45卷, 5期。— 2 – 14。 [Лу Цзяньмин. Дальнейшие рассуждения о концепции частей речи, предложенной Шэнь Цзясюанем // Журнал иностранных языков. — 2022. — № 5 (45). — С. 2–14].

7. 马真。简明实用汉语语法教程。— 北京: 北京大学出版社, 2015。— 176。[Ма Чжэнь. Краткий практический курс грамматики китайского языка. — Пекин : Изд-во Пекинского ун-та. — 2015. — 176 с.]

8. 沈家煊。名词的定义问题 // 现代外语。— 2023年, 46卷, 3期。— 293 – 305。[Шэнь Цзясюань. Класс существительных в китайском языке // Современные иностранные языки. — 2023. — № 3 (46). — С. 293–305]. — DOI: 10.20071/20230221.005.

9. 邢福义。现代汉语三百问。— 北京: 商务印书馆, 2002。— 264。[Син Фуи. Триста вопросов о грамматике современного китайского языка. — Пекин : Изд-во Шанъу, 2002. — 264 с.].

10. 朱德熙。语法讲义。— 北京: 商务印书馆, 1982。— 260。[Чжу Дэси. Лекции по грамматике китайского языка. — Пекин : Изд-во Шанъу, 1982. — 260 с.].

References

1. Amphilochius (Lutovinov). *Nachatki grammatiki kitaiskogo razgovornogo yazyka prisposobitel'no k formam yazyka russkogo* [The Basics of Chinese Grammar (adjusted to Russian)]. Saint Petersburg, Russian Academy of Sciences Publ., 1898, 69 p. (In Russian).

2. Iakinf (Bichurin). *Han-wen qi-meng. Kitaiskaya grammatika, sochinennaya monakhom Iakinfom* [Han-wen qi-meng. A Grammar of the Chinese Language (compiled by Iakinf)]. Beijing, Uspenskiy monastery Publ., 1908, 118 p. (In Russian).

3. Ivchenko T. V. *Kitaisky yazyk. Polnaya grammatika v shemakh i tablicakh* [The Chinese Language. Comprehensive Grammar in Schemes and Tables]. Moscow, AST Publ., 2022, 736 p. (In Russian).

4. Isaiah (Polikin). *Kratkaya kitaiskaya grammatika ieromonakha Isaii: s prilozheniem o merakh, vesakh i den'gakh (po Matusovskomu)* [A Reference Grammar of Chinese, with Extra Chapters on Measures, Weights and Currencies (according to Matusovky)]. Beijing, Russian Orthodox Ecclesiastical mission Publ., 1906, 50 p. (In Russian).

5. 郭锐。现代汉语词类研究。北京: 商务印书馆, 2002, 333。[Guo Rui. A Study on Parts of Speech in the Chinese Language. Beijing, The Commercial Press, 2002, 333 p.]. (In Chinese).

6. 陆俭明。再议“汉语名动包含说”。外国语 (上海外国语大学学报)。2022年, 45 卷, 5期, 2 – 14。[Lu Jianming. Further Discussions on “Chinese Noun-verb Inclusion Hypothesis”. Journal of Foreign Languages, 2022, vol. 45, no 5, pp. 2–14.]. (In Chinese).

7. 马真。简明实用汉语语法教程。北京: 北京大学出版社, 2015, 176。[Ma Zhen. A Practical Course of Chinese Grammar. Beijing, 2015, Beijing University Publ., 176 p.]. (In Chinese).

8. 沈家煊。名词的定义问题。现代外语。2023年, 46卷, 3期, 293 – 305。[Shen Jiaxuan. The Issue of Noun's Definition in Chinese. Modern Foreign Languages, vol. 46, no. 3, pp. 293–305.]. (In Chinese). DOI: 10.20071/20230221.005.

9. 邢福义。现代汉语三百问。北京: 商务印书馆, 2002, 264。[Xing Fuyi. Three Hundred Questions on Chinese Grammar. Beijing, The Commercial Press, 2002, 264 p.]. (In Chinese).

10. 朱德熙。语法讲义。北京: 商务印书馆, 1982, 260。[Zhu Dexi. Lections on Chinese Grammar. Beijing, The Commercial Press, 1982, 260 p.]. (In Chinese).

Информация об авторе

Лебедева Александра Владимировна — старший преподаватель кафедры китайской филологии восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Information about the author

Lebedeva, Alexandra — senior lecturer at the Department of Chinese Philology, Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg University.

Статья поступила в редакцию 06.08.2023;
одобрена после рецензирования 12.08.2023;
принята к публикации 13.08.2023.

Submitted 06.08.2023;
approved after receiving 12.08.2023;
accepted for publication 13.08.2023.

РАЗДЕЛ III

ЖАНРОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕКСТА В ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКОМ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТАХ

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 3 (66). С. 47–60.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;3(66):47–60.

Научная статья
УДК 81'25:654.197.001
DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.006

Жанровые параметры адекватности перевода в аудиовизуальных СМИ

Андрей Юрьевич Калинин
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
a_kalinine@mail.ru

Аннотация. На основе критического анализа гетерогенных подходов к определению содержания понятий «адекватность перевода», «переводческая норма», «аудиовизуальный жанр» в статье постулируется ряд гипотез, касающихся вопросов оценивания качества перевода в аудиовизуальных массмедиа. Адекватность рассматривается не только как факт соблюдения в процессе и результате перевода прескриптивных эквивалентностных, стилистических и прагматических норм, но и как интегральная характеристика текста и формы предъявления перевода реципиентам, ключевым параметром которой выступает соответствие переводного контента предполагаемым ожиданиям получателей. Среди последних значительную роль играют жанровые ожидания. Отмечается, что, несмотря на неоднозначность теории жанров применительно к типологизации отдельных массивов текстов, в том числе и артефактов телепублицистики, концепция жанра расценивается как продуктивная в транслатологической перспективе. Научная новизна исследования определяется тем фактом, что в его рамках впервые изучаются жанровые критерии адекватности перевода материалов аудиовизуальных СМИ (международных телеканалов). При этом лингвопереводческий анализ параллельных текстов ставит своей целью не оценку отдельных фрагментов перевода с эрратологических позиций, а выявление рекуррентных переводческих стратегий, тактик и приемов, которые предлагается рассматривать как решения, направленные на достижение адекватности. Тем самым реализуется дескриптивный подход к изучению практики аудиовизуального перевода. Эмпирическим материалом для наблюдений послужила выборка оригинальных аудиовизуальных медиатекстов телепрограмм жанра фичер и результатов их языковой локализации, а также аудиовидеозаписей синхронного перевода телевизионных пресс-конференций. Исследование показало, что в процессе межъязыкового перевода и подготовки материалов аудиовизуальных СМИ к трансляции осуществляется ряд переводческих и технологических операций, целью которых является сохранение или воссоздание жанровых особенностей произведения при переносе в иноязычную среду.

Ключевые слова: адекватность перевода, параметры адекватности, жанр речевого произведения, аудиовизуальные СМИ, аудиовизуальный жанр.

Для цитирования: Калинин А. Ю. Жанровые параметры адекватности перевода в аудиовизуальных СМИ // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 3 (66). С. 47–60. DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.006.

Original article

Genre parameters of adequate translation in audiovisual media

Andrei Y. Kalinin
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
a_kalinine@mail.ru

Abstract. Proceeding from a critical analysis of heterogeneous approaches to the definition of the concepts “translation adequacy”, “translation norm”, “audiovisual genre”, the author suggests a number of hypotheses concerning the assessment of adequate translation of audiovisual media content. Adequacy is considered not only as the fact of compliance with prescriptive

© Калинин А. Ю., 2023

equivalence, stylistic and pragmatic norms in the process and as a result of translation, but also as an integral characteristic of the text and the form of delivery of translation to recipients, the key feature of which is compliance of the translated content with the intended expectations of recipients. Genre expectations play a significant role among the latter. It is noted that, despite the ambiguity of genre theory in relation to the typology of individual text arrays, including artefacts of TV journalism, the concept of genre is regarded as productive in the translatological perspective. The novelty of the study is determined by the fact that genre criteria of adequacy of audiovisual media content translation (retrieved from some international TV channels workflow) are investigated within its framework for the first time. Furthermore, the linguo-translational analysis of parallel texts aims not at evaluating separate translation excerpts from an erratological perspective, but at identifying recurrent translation strategies, tactics and procedures, which are suggested as tentative solutions aimed at achieving adequacy. In this way, the present research adheres to a descriptive approach to the study of audiovisual translation practice. The empirical material for observations was compiled from original audiovisual media texts of feature TV programmes and the results of their linguistic localisation, as well as audio-video recordings of simultaneous interpretation of broadcasted press conferences. The study has shown that interlingual translation and preparation of audiovisual media materials for broadcasting involves a number of translation and technological operations, the purpose of which is to preserve or recreate the genre features of the item when transferring it into a foreign language environment.

Keywords: translation adequacy, adequacy features, genre of text, audiovisual mass media, audiovisual genre.

For citation: Kalinin A. Y. Genre parameters of adequate translation in audiovisual media. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 2(65):47–60. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.006.

Введение

Оценка качества перевода всегда считалась одной из центральных проблем переводоведения. В процессе развития транслатологической науки в метаязыке этой области знаний возник целый ряд терминов, используемых для номинации категорий оценивания: *адекватность, эквивалентность, точность, полнота, полноценность, равноценность, репрезентативность* и т. д. К этим понятиям отечественного переводоведения стоило бы добавить и английские *adequacy, equivalence, accuracy, faithfulness, completeness, acceptability, relevance* и т. п., которые не всегда совпадают по семантическому наполнению и узуальности с их, казалось бы, естественными словарными соответствиями в русском языке.

Среди вышеуказанных терминов *адекватность* (иногда наряду с *эквивалентностью*, а иногда и как альтернатива последней) стала без преувеличения общим местом в работах, в той или иной степени посвященных проблемам качества и критики перевода, и часто рассматривается как своеобразный гипероним по отношению к прочим нормативно-оценочным понятиям переводоведения. Так, К. Райс и Х. Фермеер расценивали эквивалентность исходного и переводного текстов (ИТ и ПТ) как частный случай адекватности перевода [Reiss, Vermeer, 1984], а В. Н. Комиссаров полагал, что *адекватный* — интегральная характеристика качества перевода, синоним «хорошего» перевода [Комиссаров, 1990]. В то же время, если адекватность — наиболее общее, недискретное свойство, решение о котором принимается умозрительно, на основании субъективных суждений реципиентов, чье мнение признается экспертным, возникает логичный вопрос: возможно ли идентифицировать более или менее стабильные параметры адекватности, и если да, то какие из них могут рассматриваться как универсальные, то есть применимые к переводческой деятельности в принципе, а какие варьируются в зависимости от типа, вида и сферы использования перевода.

В. Н. Комиссаров в указанной выше работе настаивает на том, что «качество перевода определяется степенью его соответствия переводческой норме и характером невольных или сознательных отклонений от этой нормы» [Комиссаров, 1990, с. 228], а среди компонентов нормативных требований выделяет степень смысловой близости перевода оригиналу (норму эквивалентности), жанрово-стилистическую принадлежность текстов оригинала и перевода, прагматические факторы, влияющие на выбор варианта перевода, соответствие нормам и узусу языка перевода и конвенциональной переводческой норме, принятой в том или ином хронотопе [Там же]. Наиболее вариативными из процитированных представляются жанровые критерии адекватности, поскольку жанры речевых произведений не являются всеобъемлющими, а напротив, принадлежат, как правило, определенной сфере социально-речевой коммуникации, области использования языка и, как возможное следствие, перевода.

В рамках настоящего исследования мы задались целью критически осмыслить, какой из подходов к определению понятия *адекватность перевода* может считаться наиболее целесообразным, а также проанализировать, какие жанровые параметры могут рассматриваться как узуальные и релевантные при оценке адекватности транслята в отдельно взятой сфере межъязыкового перевода. В качестве непосредственного материала наблюдений нами были избраны образцы параллельных аудиовизуальных текстов СМИ (телеканалов международного вещания). Выбор материала неслучаен. Бурное развитие технологий передачи и распространения информации привело к всемирному «аудиовизуальному буму», который

признается многими социологами как одна из ведущих глобальных тенденций начала XXI века [Ventrella, 2015]: почти по всему миру объемы производства как профессионального, так и пользовательского аудиовизуального контента непрерывно увеличиваются, все более вытесняя печатный текст как основной источник информации, а сегмент аудиовизуального перевода (который уже давно преодолел узкие рамки перевода кинофильмов) демонстрирует наиболее впечатляющие показатели роста на рынке лингвистических услуг. При этом важно понимать, что в качестве объекта аудиовизуального перевода (АВП) выступает особый полимодальный текст, представляющий собой сложный полисемиотический конструкт, в котором вербальные и невербальные компоненты взаимодействуют в создании общего смысла [Zabalbeascoa, 2008]. Это обстоятельство не может игнорироваться переводчиком, поэтому в известном смысле АВП является разновидностью «ограниченного» перевода [Mayoral, Kelly, Gallardo, 1988]. С другой стороны, как показывает большинство исследований АВП, именно в данной области межъязыкового трансфера все чаще ставятся под сомнение конвенциональные нормы, сложившиеся во второй половине XX века применительно к переводу письменных текстов, что, по всей вероятности, рано или поздно приведет к постепенной эволюции этих норм [Chaume, 2018].

Основная часть

Содержание понятия «адекватность перевода»

Термин *адекватный перевод* впервые появляется в отечественных работах по теории художественного перевода еще в первой половине XX века. Так, в 1920 году Ф. Д. Батюшков в статье «Задачи художественных переводов» указывает, что адекватный перевод точно передает смысл оригинала, максимально приближен к нему в стилистическом отношении, воспроизводит особенности авторского языка, в частности сохраняет экспрессивность (см.: [Батюшков, 1920]). Близкую по смыслу трактовку адекватности перевода мы обнаруживаем и в статье из советской «Литературной энциклопедии», озаглавленной «Перевод» и принадлежащей перу А. А. Смирнова: «Адекватным мы должны признать такой П. [перевод], в к-ром переданы все намерения автора (как продуманные им, так и бессознательные) в смысле определенного идейно-эмоционального художественного воздействия на читателя, с соблюдением по мере возможности [путем точных эквивалентов или удовлетворительных субститутов (подстановок)] всех применяемых автором ресурсов образности, колорита, ритма и т. п.» [Смирнов, 1934]. При внимательном прочтении указанных текстов мы приходим к заключению о том, что понятия *адекватности* и *точности* перевода предстают в них как чередующиеся и взаимозаменяемые.

В дальнейшем подобное понимание адекватности нашло свое отражение и в рамках так называемого лингвистического переводоведения: несмотря на то, что в «Толковом переводческом словаре» Л. Л. Нелюбина содержится 14 определений адекватного перевода, практически все они так или иначе характеризуют адекватность как воссоздание средствами другого языка всей полноты оригинала с максимально возможной точностью, а также в единстве формы и содержания [Нелюбин, 2003]. Очевидно, что такая трактовка фактически ставит знак равенства между адекватностью и другой краеугольной категорией переводоведения — *эквивалентностью*. В этой связи неслучайно, что целый ряд авторов (Р. Левицкий, Ю. В. Ванников и др.) отказываются от использования термина «эквивалентность перевода», а говоря об адекватности, практически отождествляют ее с теми свойствами перевода, которые другие ученые (например, Ю. Найда, Дж. Кэтфорд) считают признаками эквивалентного перевода. С другой стороны, хотя В. Н. Комиссаров, как мы отмечали выше, и писал об адекватном переводе как наиболее общей характеристике качественно переведенного текста, синониме «хорошего» перевода, в более поздних работах он приходит к выводу о том, что «оценочная трактовка эквивалентности делает излишним употребление термина “адекватность”» [Комиссаров, 1999, с. 118].

Как видим, в отечественном переводоведении достижение адекватности традиционно рассматривается в целом как максимально возможное сохранение всех компонентов ИТ, хотя и с закономерной оговоркой о необходимости учета при переводе норм переводящего языка (ПЯ). Такая ориентация на ИТ лежит в основе понимания адекватности и родоначальником дескриптивного переводоведения, израильским ученым Г. Тури, который описывает процесс перевода как постоянный поиск переводчиком компромисса между соответствием продукта его деятельности нормам исходного языка (ИЯ) и культуры (*adequacy*) и нормам ПЯ и принимающей культурной традиции (*acceptability*) [Toury, 1995]. В статьях, посвященных оценке качества машинного перевода, адекватность также часто определяется как показатель межтекстового соответствия между ИТ и результатом работы системы автоматического трансфера [Popović, 2020].

Совершенно иначе рассматривают категорию адекватности перевода основоположники Skopos-теории К. Райс и Х. Фермеер. Проблема решается учеными в полном соответствии с ключевым положением данной теории о том, что всякий перевод имеет строго установленную цель и призван решать определенный круг задач. Отсюда под адекватностью понимаются такие действия переводчика и такой набор языковых и экстралингвистических средств, которые позволяют наилучшим образом реализовать поставленную цель. Адекватность измеряется не соответствием ИТ, а функциональной успешностью ПТ в заданных коммуникативных условиях (ситуации использования перевода). В одной из статей К. Райс высказывается радикально: «Адекватность — не более чем целесообразность (уместность)» [Reiss, 1983, p. 301] (здесь и далее пер. наш. — *А. К.*).

Ориентированность на результат и процессуальный характер данной категории, о которых писали функционалисты, легли в основу представлений об адекватности перевода А. Д. Швейцера, проводившего между адекватностью и эквивалентностью достаточно четкий водораздел: в отличие от эквивалентности, «адекватность связана с условиями протекания межъязыкового коммуникативного акта, с его детерминантами и фильтрами, с выбором стратегии перевода, отвечающей коммуникативной ситуации. Иными словами, если эквивалентность отвечает на вопрос о том, соответствует ли конечный текст исходному, то адекватность отвечает на вопрос о том, соответствует ли перевод как процесс данным коммуникативным условиям» [Швейцер, 1988, с. 95]. Такой подход представляется нам оптимальным, поскольку во многом позволяет эпистемологически разграничить концептуальные поля двух основных топосов оценки качества перевода (адекватности и эквивалентности), в противном случае эти термины на практике оказываются в статусе дублетов и один из них мог бы считаться избыточным, как писал В. Н. Комиссаров (см. выше).

В то же время нельзя не согласиться с В. В. Сдобниковым, который справедливо замечал, что адекватность характеризует перевод не только как процесс, но и как результат, поскольку и для получателей ПТ, и для отправителей ИТ (если они тем или иным образом задействованы в ситуации с использованием перевода) перевод представляет интерес именно в результативном аспекте, а значит, целесообразно рассматривать адекватность как соответствие транслята параметрам коммуникативной ситуации и специфике предметной ситуации [Сдобников, 2015]. Логично предположить, что адекватность избранной переводчиком стратегии перевода, релевантность примененных тактик и использованных процедур должны иметь в качестве результата адекватный ПТ. Здесь, на наш взгляд, важно понимать, чему собственно адекватен такой перевод: ИТ, как в текстоцентрированном трансформационном подходе к переводу, или целям создания и дальнейшего использования перевода, параметрам коммуникативной ситуации и, как пишет Н. К. Гарбовский, «тем ожиданиям, которые возлагают на него участники коммуникации» [Гарбовский, 2004, с. 288]. С нашей точки зрения, оптимален второй подход, поскольку он не только, как отмечалось выше, позволяет методологически разграничить аппликативные сферы категорий адекватности и эквивалентности, но и предлагает взгляд на перевод как на социально значимую и прагматически детерминированную коммуникативную деятельность, а не как на самоценный лингвистический экзерсис по преобразованию одного текста в другой.

Критерии адекватности перевода: норма, конвенция, узус

Коль скоро большинством исследователей признается, что адекватность как категория перевода носит нормативно-оценочный характер, закономерно, что она оказывается тесным образом связанной с понятием переводческой нормы. Ранее мы отмечали, что в рамках лингвистической теории перевода качество (адекватность) транслята измеряется прежде всего степенью соблюдения в ПТ норм эквивалентности, а также жанрово-стилистических и прагматичиских норм. Такие нормы являются прескриптивными и варьируются в хронологическом отношении. При этом В. Н. Комиссаров отмечает, что «<ж>анрово-стилистическая норма во многом определяет как необходимый уровень эквивалентности, так и доминантную функцию, обеспечение которой составляет основную задачу переводчика и главный критерий оценки качества его работы» [Комиссаров, 1990, с. 229]. Это объясняется прежде всего тем, что нормативные требования не могут быть идентичными для разных жанров и типов текста. В то же время остается не совсем понятным, каким образом в заданной культуре в ту или иную эпоху формируются прескриптивные нормы перевода и что собственно делает такие требования «нормативными», с учетом того факта, что В. Н. Комиссаров далее поясняет: «Практически критика переводов, главным образом, основывается на *интуитивном* представлении о жанрово-стилистической норме» [Там же, с. 230] (курсив наш. — *А. К.*).

По-иному рассматривается норма адептами дескриптивного переводоведения. Г. Тури полагает, что нормы — одновременно и социокультурные феномены, и индивидуально-психологические представления, которые образуют своего рода континуум: от формальных требований и запретов до создаваемых переводчиками собственных «идиосинкратических» систем координат [Toury, 1995]. Исследователь классифицирует три вида норм: предварительные (наиболее общие представления о том, что такое перевод, доминирующие в культуре, к которой принадлежит переводчик), инициальные (регулирующие выбор переводчиком глобальной стратегии и ориентации на «приближение» перевода к ИТ или получателю ПТ) и операциональные (с которыми переводчик соотносит свои решения в процессе перевода). Для того чтобы идентифицировать круг норм, которые применяются к переводу в определенном хронотопе, необходимо проанализировать статистически значимое количество реальных актов (текстов) перевода, поскольку, по мнению Г. Тури, в своей деятельности переводчики сообразуются с нормами, господствующими в текущий момент в их культурной традиции. Если тот или иной тип переводческих решений регулярно воспроизводится у разных переводчиков, его можно считать нормативным. Чем выше рекуррентность таких решений, тем скорее они воспринимаются как результат влияния норм перевода [Ibid.]. Однозначная детерминированность причинно-следственной связи между воздействием норм перевода и конкретными переводческими решениями не столь очевидна, как на том настаивает Г. Тури, и справедливо подвергалась критике [Chesterman, 1999]. Однако вполне рациональным в концепции дескриптивизма является положение о том, что только наблюдения над реальными действиями переводчиков и их результатами в виде ПТ должны лежать в основе теоретических обобщений на тему факторов адекватности перевода.

Сторонники функционализма (К. Райс, Х. Фермеер, К. Норд), рассматривающие адекватность ПТ как свойство, определяемое целью выполнения перевода и его использования целевой аудиторией (skopos), предпочитают говорить не о нормах, а о «конвенциях». Поскольку степень как смысловой, так и формально-знаковой близости между ИТ и ПТ полностью зависит от преследуемой цели, качество перевода нельзя соотносить с какими бы то ни было предварительно установленными нормами эквивалентности. Для функционалистов нормы прескриптивны, а значит, их нарушения следует рассматривать как недопустимые для качественного перевода, тогда как «конвенции» представляют собой более широкое и менее формально ограниченное понятие, легче адаптируемое под актуальные задачи [Reiss, Vermeer, 1984]. На наш взгляд, «конвенции» в том смысле, в котором этот термин используется представителями функциональной школы, ближе к понятию *узуса перевода* [Латышев, 1988]: если норма ПЯ исключает из арсенала переводчика все варианты перевода, которые подпадают под категорию неправильных, недопустимых, то узус не столько диктует, сколько настраивает на наиболее предпочтительные, оптимальные с точки зрения заданной сферы функционирования ПЯ варианты из всех, совместимых с нормой. В известном смысле, когда мы анализируем адекватность способа описания в переводе внеязыковой ситуации и релевантность использования тех или иных языковых средств, логичнее говорить о *жанровом узусе*, нежели о жанрово-стилистической норме. Примечательно также, что большая часть «конвенций», систематизированных функционалистами, касается именно жанровых параметров коммуникации, опосредованной переводом.

Жанр и тип текста: транслатологический аспект

Как известно, история представлений о жанре уходит корнями в эпоху Античности, когда Аристотель в своей «Поэтике» создал древнейшую из дошедших до нас систем жанров литературы, объединявшую эпические, лирические и драматические произведения. В новую и новейшие эпохи на основе принципов Аристотеля в разных странах и филологических традициях развивались теории универсальных литературных жанров, в дальнейшем достаточно подробно разработанные и адаптированные применительно к большинству национальных литератур. В методологическом отношении литературоведение в значительной степени повлияло на жанровую типологизацию, распространившуюся на другие области и научные дисциплины, такие как история искусств, киноведение, теория журналистики и т. д. С именем М. М. Бахтина связывают зарождение лингвистической теории речевых жанров, получившей мощное развитие в конце XX — начале XXI века. С позиций лингвопрагматики жанр может быть определен как «класс речевых событий, участники которых решают совместные коммуникативные задачи» [Swales, 1990, с. 58]. В этом смысле принадлежность речевых произведений к одному жанру определяется идентичными или сходными коммуникативными целями, а также дискурсивными, структурными и стилистическими особенностями [Bhatia, 1997].

За пределами художественной литературы и сферы жестко нормализованных функциональных документов жанровая принадлежность речевых произведений не всегда ярко выражена: жанры могут взаимно проникать и мимикрировать, поэтому некоторые лингвисты полагают более целесообразным

говорить в таких случаях о типе текста, нежели о жанре [Nus, 1999]. Однако Дж. Фроу парирует тем, что, хотя жанры и могут менять свои языковые и композиционные проявления, мутировать и быть не столь явно дифференцированными, они тем не менее «продолжают опознаваться как таковые» носителями соответствующего языка и культуры [Frow, 2005].

Очевидно, что переводоведение не может игнорировать вопрос жанровой принадлежности речевых произведений, поскольку именно последние являются объектами перевода. Некоторые переводоведы полагают, что умение идентифицировать жанр ИТ является неотъемлемым компонентом переводческой компетентности, без которого невозможна адекватная интерпретация функциональных доминант оригинала [Colina, 1997]. В продуктивном аспекте переводчику необходимо также иметь достаточно четкие представления о дискурсивных характеристиках жанров ПЯ. В противном случае в результате перевода может возникнуть текст, который получатели сочтут неестественным или даже неприемлемым: Э. Честерман утверждает, что несоответствие перевода жанровым нормам принимающей культуры является значительно большим нарушением, нежели, например, наличие в тексте грамматических ошибок [Chesterman, 1993].

Как мы видим, для перевода жанровые особенности ИТ имеют существенное значение, однако одной из специфических транслатологических проблем является неоднозначность выбора языковых средств для создания с помощью ПТ коммуникативного эффекта, сходного с воздействием ИТ, поскольку вопрос о наличии параллелизма жанрово-стилистических маркеров в разных языках, типах дискурса и соответствующих риторических традициях остается открытым. Таким образом, для создания адекватного перевода важно не просто понимать жанровую принадлежность ИТ, но и уяснить ту функцию, которую призван выполнять ПТ, в случае, если он будет использоваться получателем иначе, нежели оригинал. Такая функциональная направленность во многом предопределяет тот факт, что с транслатологической точки зрения понятия жанра и типа текста, принципиальная разница между которыми и без того не всегда четко выражена, если не тождественны, то чрезвычайно близки. И. Гамбье в этой связи отмечает, что в упрощенном виде отличие может быть сформулировано следующим образом: «…жанры социально ориентированы, а типы текстов лингвистически маркированы» [Gambier, 2013, p. 63].

Первую типологию текстов, ориентированную на цели и задачи перевода, в 1971 году предложила К. Райс, выделив в качестве категорий информативные, экспрессивные и операциональные тексты [Reiss, 2000]. При этом в основе такой классификации лежат функциональные и структурные особенности каждого типа, имеющие немаловажное значение для выбора стратегий и тактик перевода. Позднее к трем указанным типам исследовательницей был добавлен еще один — «аудиомедиальные», то есть тексты, в которых вербальный компонент не является единственным (а иногда и главным) носителем смысла [Reiss, 1981]. В данную группу К. Райс включила весьма гетерогенные по своей природе тексты: радио- и телесценарии, новости на радио и ТВ, спектакли, песни, оперные постановки и т. д. Такая категоризация представляется поверхностной, а сам тип «аудиомедиальных текстов» излишне эклектичным. Во-первых, в одну группу были объединены как мономодальные артефакты (например, радиотексты), так и бимодальные (аудиовизуальные произведения). Последние доминируют в современном глобализованном мире: театральные постановки, фильмы и сериалы, эфирное, спутниковое и интернет-телевидение, реклама, вебсайты, видео в соцсетях, видеоигры… — бóльшая часть потока текстов, которые переводятся и локализуются сегодня, полимодальна [Kaindl, 2013]. Во-вторых, очевидно, что в большинстве сфер, к практике которых относятся тексты, обозначенные К. Райс как «аудиомедиальные», сложились свои собственные системы жанров. Без учета этих факторов решения о выборе стратегии и приемов перевода скорее всего носили бы интуитивный характер, а значит, для выработки программы планомерных действий по созданию адекватного перевода необходимо обратиться к жанровым особенностям соответствующей области функционирования текстов, подлежащих переводу.

Проблема жанра в аудиовизуальных СМИ

С момента появления в 1930-е годы первых звуковых киножурналов аудитория аудиовизуальных СМИ не перестает расширяться. С начала XXI века, когда интернет постепенно превратился в наиболее оперативный канал передачи звуко-зрительного контента и крупнейший его репозиторий, аудиовизуальные СМИ являются основным источником информации для большинства людей на планете. В то же время архетипическим аудиовизуальным СМИ следует признать телевидение. Во-первых, потому что именно оно еще в середине XX века наметило тенденцию к массовому охвату населения информацией. Во-вторых, информационный сегмент интернета представлен во-многом контентом, который производится телекомпаниями и телестудиями, использующими Всемирную сеть как альтернативный канал распространения своих программ, обеспечивая тем самым возможность свободного доступа

к ним. И, наконец, оттого, что даже те производители инфоконтента, которые ведут исключительно потоковое вещание (IPTV, OTT, VOD и т. п.), как правило, копируют структуру, форматы и медиамодели, созданные телевизионщиками, и поэтому этот сегмент аудиовизуального рынка обычно называют онлайн-телевидением.

В классическом университетском учебнике «Телевизионная журналистика», выдержавшем 5 изданий, представлена жанровая типология телепублицистики: 12 жанров сгруппированы в 3 раздела — «виды» журналистики (информационная, аналитическая и художественная) [Кузнецов, Цвик, Юровский, 2005]. Телевизионный жанр определяется как «исторически устоявшийся тип отображения реальной действительности, обладающий рядом относительно постоянных признаков» [Там же, с. 163]. При этом в основу жанровой дифференциации положена «мера типизации» и способ отражения действительности в произведении того или иного тележанра. Вместе с тем и сами авторы «Телевизионной журналистики», и ряд других исследователей [Мясникова, 2009 ; Качкаева, 2010] неоднократно отмечали, что «в чистом виде» жанры тележурналистики можно наблюдать нечасто, их границы чрезвычайно подвижны, жанрам свойственна диффузность и взаимопроникновение. В эпоху медиаконвергенции эти тенденции лишь усиливаются: жанры аудиовизуальных СМИ эволюционируют, трансформируются и модернизируются. Появление альтернативного жанру термина «формат», широко используемого профессионалами аудиовизуального производства, не добавляет четкости в таксономию телепублицистики, хотя иногда и рассматривается как результат «мутации жанров» [Кемарская, 2008]. Несмотря на эти процессы, концепция телевизионного жанра не может рассматриваться как отжившая: так, М. А. Мясникова полагает, что «сама жизнь доказывает, что чем активнее происходят сдвиги в современной жанровой системе средств массовой информации, или, наоборот, чем крепче консервируются старые формы, тем более востребованными и в том, и в другом случае оказываются категория жанра и разговор о форме как таковой» [Мясникова, 2009, с. 250].

В транслатологической перспективе сохранение в ПТ вербальных характеристик, которые ассоциируются с тем или иным жанром аудиовизуального контента, имеет существенное значение, поскольку, как отмечалось выше, перевод может признаваться адекватным только в тех случаях, когда он соответствует ожиданиям получателей, а с точки зрения обывателя суть жанровой принадлежности любого произведения состоит именно в соответствии таким экспектациям.

Практика перевода в аудиовизуальных СМИ: жанровые факторы

Практика межъязыкового перевода в аудиовизуальных СМИ весьма разнообразна. В условиях глобализации, которой не способны длительное время противостоять даже идеологические ограничения, доля информации, которая поступает по международным каналам связи, постоянно растет. В то же время следует различать перевод в СМИ, осуществляемый во внутриинституциональных целях, на основе которого производителями в дальнейшем создаются собственные сюжеты и сценарии программ, и языковую локализацию аудиовизуального контента, который *post factum* непосредственно предъявляется зрительской аудитории. В первом случае речь идет о своего рода рабочем материале «для внутреннего пользования», который обычно выполняется в виде письменного текста (реже «чернового» синхронного перевода). Во втором — мы имеем дело с разновидностью АВП, который предназначен для демонстрации в сетке вещания телевизионного или сетевого канала. Без такого перевода сегодня не обходится практически ни одна крупная телекомпания, однако самым большим потребителем медийного АВП являются многоязычные каналы (группы каналов), такие как *BBC, CNN, Deutsche Welle, Euronews, RT* и т. п. Не все жанры программ в одинаковой степени подвергаются языковой локализации: так, в информационном вещании переводных материалов стараются максимально избегать.

Рассмотрим сферу использования межъязыкового перевода на примере европейской группы круглосуточных информационных каналов *Euronews*.

В настоящее время *Euronews* осуществляет эфирное, спутниковое и интернет-вещание [1] на 14 языках, в том числе на русском. Языковые версии новостных программ (закадровый комментарий к видео) готовятся всеми языковыми редакциями (desks) параллельно и независимо друг от друга. Возможные совпадения объясняются тем, что видеосюжеты, закадровый текст к которым каждая редакция готовит самостоятельно, во всех случаях идентичны. Некоторые редакции (английская, французская) готовят также выпуски новостей с ведущими в студии. Такие выпуски отсутствуют на других каналах.

[1] На территории Российской Федерации доступ к телеканалам и сайтам *Euronews* и «Евроновости» ограничен с 21 марта 2022 года по решению Роскомнадзора. Вещание на русском языке продолжается за пределами России, в интернете и в странах СНГ.

Кроме новостных сюжетов, в структуре вещания каналов группы присутствуют также короткие тематические программы жанра *фичер* (рубрики *Cult, Focus, Futuris* и т. п.), сценарий и закадровый текст которых готовится одной из языковых редакций, а затем переводится на другие языки. Перевод записывается в виде альтернативной звукоречевой дорожки, которая может заменять оригинальную или накладываться поверх нее (см. ниже). Значимые события европейского и мирового масштаба, например, церемонии инаугурации президентов США, транслируются в прямом эфире и сопровождаются синхронным переводом и (или) закадровым переводом-комментарием (narration). Для иллюстрации влияния фактора жанровой принадлежности аудиовизуального медиапроизведения на выбор решений, направленных на достижение адекватности его перевода, нами были отобраны оригинальные телепередачи двух жанров: фичер (телеочерк) и политическая пресс-конференция по итогам двусторонних переговоров.

Телевизионный фичер (телеочерк)

Как мы упоминали выше, в ставшей классической типологии жанров телепублицистики выделяется 3 группы жанров: информационные, аналитические и художественно-публицистические. Такая классификация в целом совпадает с таксономией, используемой при описании печатной прессы в теории журналистики и в медиалингвистике. Среди жанров третьей группы одним из наиболее распространенных признается телеочерк. В типологии медиатекстов сходное положение занимает жанр *фичер* (от англ. feature). Вот как характеризуют очерк авторы «Телевизионной журналистики»: «Если в репортаже обнаруживается очевидная фактичность, в обозрении — проблемность, аналитичность как проявление авторской позиции, то очерк соединяет все эти качества, сочетаемые с яркой образностью и подхода к жизненному материалу, и стиля его изложения» [Кузнецов, Цвик, Юровский, 2005, с. 199]. Во многом эта характеристика перекликается с определением жанра фичер, сформулированном В. Блейером применительно к печатной прессе: «Фичер можно определить как детализированную презентацию фактов в интересной форме, приспособленной к быстрому чтению с целью получения информации и развлечения. Его цель — дополнить отдельные факты и новости более детальной информацией, включая сведения о людях, местах и обстоятельствах, которым нет места в новостной заметке» [цит. по: Вырковский, Шароян, 2015]. Именно к такому жанру может быть отнесена программа *Focus,* долгое время выходившая на каналах группы *Euronews.* В центре телевизионного повествования — значимое международное событие, история и сегодняшний день какого-либо региона стран Европы, развитие той или иной отрасли экономики, одна из насущных глобальных проблем и т. п. Все эти темы становятся поводом для рассказа о событиях и участвующих в них людях в форме кратких (от 4 до 10 минут) очерков. В структурном отношении телефичеры *Focus* могут сочетать элементы репортажа, интервью и авторского повествования.

Перевод (языковая локализация) таких телефичеров на языки вещания, отличные от оригинального, осуществляется путем закадрового переозвучивания (revoicing). При этом в тех фрагментах, где в оригинале следует закадровый комментарий, звукоречевая дорожка полностью заменяется на переводную (half-dubbing / полудубляж). Там, где в кадре присутствует автор-журналист или интервьюируемый персонаж, перевод выполняется в технологии войсовер (voice-over): с помощью наложения переводной дорожки поверх оригинальной, которая, в свою очередь, приглушается, но в принципе различима. Кроме того, звучание перевода слегка десинхронизировано: оно начинается на 1–2 секунды позже, нежели оригинальный речевой звук, и заканчивается чуть раньше последнего. Такое чередование материальных форм существования перевода (полная замена оригинального аудиотрека или наложение переводной дорожки) объясняется целями адекватности, которые в указанном жанре носят дихотомический характер: естественность и неосложненность восприятия речи на слух, с одной стороны, и аутентичность прямой речи протагонистов — с другой. В закадровом тексте доминирует стремление создать иллюзию непосредственного общения рассказчика со зрителем; в тех фрагментах, где в кадре присутствует «говорящая голова», важнее продемонстрировать аутентичность высказываний говорящего и стимулировать ощущение точности в передаче его прямой речи. Подобное варьирование формы предъявления переводного контента может рассматриваться в терминах другой дихотомии — *скрытый/явный перевод* (*covert/overt translation*), описанной в работах Дж. Хаус, которая делает акцент на жанровой детерминированности выбора одной из означенных стратегий [House, 2015].

Лингвопереводческий анализ ИТ и ПТ программ жанра телефичер позволяет также выявить и случаи собственно переводческих операций, в результате которых реализуется стремление к адекватности транслята. В таблице 1 приведен фрагмент английского закадрового комментария из передачи, посвященной проблемам борьбы с терроризмом и радикализацией молодежи, и его перевода на французский язык.

Таблица 1

Оригинал (английский язык)	Перевод на французский язык
Organisers, faced with the increasing acts of terror, such as *recent London Bridge attack,* and the intensifying war in Syria have decided that this year the focus would be on countering hate speech and preventing violence.	Dans un contexte de montée du terrorisme extrémiste — *avec les attentats à Paris et à Bruxelles,* et le conflit en Syrie, cette édition était consacrée aux moyens de riposter aux discours haineux et de prévenir la violence.

В закадровом тексте речь идет о волне терроризма, прокатившейся по многим странам мира. В оригинале на английском языке в качестве примера приводится теракт, произошедший на Лондонском мосту. В переводе на французский язык эта социокультурная референция заменена на другую — теракты, имевшие место в Париже и Брюсселе (столицах франкоязычных стран). Такой отказ от формальной эквивалентности, очевидно, имеет своей целью реализовать одну из жанровых задач программ данного типа: максимальную актуализацию месседжа, что достигается путем локализационной адаптации, «географически приближающей» проблему к получателям. При этом смысловых искажений не происходит: проблема терроризма носит глобальный характер, и страдают от нее разные страны.

Другим примером решения жанровых задач перевода могут служить контексты применения тактики *концептуальной аппроксимации*, суть которой была описана нами ранее (см.: [Калинин, 2022]), при переводе с английского языка на русский (табл. 2).

Таблица 2

Оригинал (английский язык)	Перевод на русский язык
The forum in Baku is not the first one devoted to fighting *hate speech and violence*. In December 2015, a symposium on the same subject was held by the United Nations in New York.	Форум в Баку — не первое мероприятие, посвященное борьбе с *разжиганием розни и вражды* в обществе. В декабре 2015 года эта тема обсуждалась под эгидой ООН в Нью-Йорке.

Англоязычный (американский) концепт *hate speech* слабо ассимилирован в русской культуре, однако тот факт, что среди основных значений своей структуры он имеет сему побуждения к вербальному или физическому насилию, позволил переводчику использовать близкий (функционально и семантически) русский концепт *разжигание* (межнациональной, религиозной и т. п.) *розни и вражды* [Калинин, 2018]. Попытка дать дополнительные пояснения о содержании исходного концепта привела бы к нарушению жанровых ограничений, свойственных формату программы, и, скорее всего, нарушила бы синхронизацию с видеорядом.

Таблица 3 иллюстрирует пример тактики экспликации, реализованной путем транспозиции, то есть частноречевой замены, и дислокации компонентов исходного предложения, извлеченного из закадрового комментария к программе, в которой повествуется о прошлом и настоящем Байкало-Амурской железнодорожной магистрали.

Таблица 3

Оригинал (русский язык)	Перевод на французский язык
БАМ был объявлен *всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Десятки тысяч* молодых людей откликнулись на романтический призыв.	*Des dizaines de milliers de jeunes communistes venus de toute l'Union soviétique* ont répondu à l'appel de la *construction* de cette ligne, exaltés par ce qu'on surnommait à l'époque, "le projet du siècle".

Поскольку логично предположить, что концепт *всесоюзная ударная комсомольская стройка* по объективным причинам неизвестен подавляющему большинству адресатов переводной версии — носителей французского языка, — его смысловые компоненты представлены в виде свободных словосочетаний и парафраз. Кроме того, они перераспределены внутри монтажной фразы: *всесоюзная — (venus) de toute l'Union Soviétique; комсомольская — jeunes communists,* и т. д. Как и в предыдущем примере, жанр переводимого аудиовизуального произведения не позволяет сохранять в переводе прямые номинации таких понятий, как *комсомол, всесоюзная стройка*, а пояснительный комментарий здесь невозможен в силу хронометража и требований синхронизации с видеорядом. Что же касается дислокации элементов ИТ, то с учетом слухового восприятия звучащего перевода она никоим образом не меняет смысла высказывания.

Телетрансляция пресс-конференции

Как отмечалось ранее, международные пресс-конференции обычно транслируются аудиовизуальными СМИ в прямом эфире и сопровождаются синхронным переводом. Данный вид переводческой деятельности сам по себе отличается целым рядом особенностей и ограничений (линейность, ирреверсивность, парцелированность поступающей переводчику информации), которые не зависят от сферы его использования и характера текста. Существуют также специфические требования (или, по крайней мере, ожидания) от продукта деятельности переводчика-синхрониста, варьирующиеся в зависимости от коммуникативной ситуации, в которой используется перевод [Viezzi, 2003]. К числу таких ситуаций может относиться и перевод на телевидении. Несмотря на то, что данная разновидность синхронного перевода таксономически инкорпорирует его в число форм аудиовизуального перевода, наряду с переводами кинофильмов на фестивалях, количество научных работ, посвященных синхронному переводу экранных жанров, пока невелико [Straniero-Sergio, 2003].

Нами (см.: [Kalinin, Mikhaylovskaya, 2021]) изучался синхронный перевод политических пресс-конференций по итогам двусторонних переговоров в языковой паре русский — английский, выполнявшийся в двух ситуациях двуязычной коммуникации: дипломатическом контексте (перевод *in situ*, осуществлявшийся для участников пресс-конференций штатными переводчиками дипломатических служб) и медийном контексте (удаленный перевод, выполнявшийся переводчиками телекомпаний и предназначенный для трансляции широкой зрительской аудитории). Несмотря на то, что исходный материал всех 18 изученных пресс-конференций был идентичен, лингвопереводческий анализ параллельных текстов показал ярко выраженные тенденции в предпочтениях переводчиков, работавших в дипломатическом контексте, к созданию ПТ, максимально эквивалентных ИТ на уровне поверхностной структуры высказываний, иногда в ущерб узусу языка перевода. С другой стороны, переводчики, работавшие для телевидения, демонстрировали предпочтения к смысловому переформулированию исходных высказываний, отказу от использования некоторых оборотов официально-делового стиля и в целом достигали большей идиоматичности выражений на ПЯ.

Приведем несколько примеров из перевода пресс-конференции с участием президента России В. В. Путина на английский язык (табл. 4).

Таблица 4

Оригинал	«Дипломатический» перевод	Медиаперевод
мы также говорили/ и о региональных кризисах/	we also mentioned/ the platform of regional crises/	we also talked/ about regional crises/
не везде и не во всем наши позиции совпадают/ но и пересекающихся интересов/ тоже немало	not always that our postures dovetail exactly/ and yet overlapping and mutual interests/ abound,	we don't have same approach to all the crises/ but we still have a lot of shared interests
у нас есть вопросы/ в которых мы пока расходимся/ и мы ищем варианты как примирить эти расхождения/ как сделать нашу работу конструктивной/	there are issues/ where our postures diverge/ and we are looking for ways to reconcile our differences/ how to make our effort more constructive/	still, there are issues/ that we are not on the same page/ and we are trying to find ways to make our work more beneficial/
мы можем допустить/ официальных представителей Соединенных Штатов/ в том числе главу этой комиссии/ господина Мюллера, присутствовать на этих допросах/ но тогда в этом случае/ мы безусловно, будем ставить вопрос о том/ чтобы эти действия были взаимными	we can actually permit/ even official representatives of the Unites States/ including the members of this very commission headed/ by Mr. Mueller/ we can let them into the country and they will be present during this questioning/ but in this case/ we will request/ that this kind of efforts should be a mutual one/	we can also invite/ US officials/ including the head of the Mueller probe/ but if that takes place/ then it must be a two-way street/

Вышеприведенные примеры показывают, что синхронист, выполняющий перевод для широкой ТВ-аудитории (а не дипломатов и политических журналистов, присутствующих в зале) стремится уйти от официально-дипломатических штампов, использовать более лаконичные формы выражения мыслей и, по всей вероятности, ориентируется на среднестатистического зрителя. В то же время обращает на себя внимание, например, тот факт, что в качестве перевода словосочетания *главу этой комиссии, господина Мюллера* медиапереводчиком выбран вариант *the head of the Mueller probe*, соответствующий широко распространенному в американской прессе наименованию комиссии по расследованию вмешательства в президентские выборы в США [Johnston].

Здесь мы имеем дело с любопытным феноменом смены жанра при переводе. Пресс-конференция, будучи объектом телевизионной трансляции, превращается в жанр аудиовизуальной публицистики [Кузнецов, Цвик, Юровский, 2005], что, по всей вероятности, заставляет переводчика искать способы достижения адекватности применительно к новой коммуникативной ситуации.

Заключение

В ходе настоящего исследования мы попытались критически осмыслить существующие в отечественном и зарубежном переводоведении подходы к определению содержания понятия «адекватность перевода». В целях методологической однозначности и разграничения денотативного потенциала термина «адекватность» и других оценочных категорий переводоведения нам представляется целесообразным рассматривать адекватность как интегральную характеристику, отражающую соответствие переводческого процесса и ПТ целям осуществления перевода, параметрам коммуникативной ситуации и ожиданиям реципиентов.

Среди параметров адекватности особую роль играют жанровые критерии, причем, как показало исследование, в случаях, когда тексты оригинала и перевода функционируют в разных коммуникативных ситуациях, первостепенное значение имеет соблюдение жанровых норм и узуса принимающей культуры. При этом, хотя во многих сферах использования языка и перевода жанровая принадлежность не всегда строго типологизирована, жанр представляет собой интуитивно идентифицируемую категорию, позволяющую получателям текста прогнозировать прагматическую функцию речевых произведений.

Перевод аудиовизуальных медиатекстов во многом ограничен поликодовым и полимодальным характером объекта, поэтому в данной сфере межъязыкового трансфера жанровые факторы имеют экстралингвистическое измерение, без учета которого вряд ли можно добиться адекватного результата. Ориентируясь на предполагаемые ожидания получателей, переводчики и специалисты в области языковой локализации аудиовизуального контента задействуют стратегии и тактики, используют переводческие и технологические приемы, направленные на создание вторичного аудиовизуального продукта с целью его дальнейшего информационного и рекреационного использования в оптимальных условиях.

Поскольку жанровые параметры варьируют не только от текста к тексту, но и от одного вида и сферы использования перевода к другим, перспективным представляются исследования функциональной природы жанра (типа текста) в различных областях переводческой деятельности и при разных способах осуществления межъязыкового трансфера: устный, письменный, аудиовизуальный перевод.

Список источников

1. Батюшков Ф. Д. Задачи художественного перевода // Принципы художественного перевода : ст. — 2-е изд., доп. — СПб. : Госиздат, 1920. — С. 120–122.

2. Вырковский А. В., Шароян С. В. Критерии воспринимаемого качества журналистских материалов (на примере деловых СМИ) // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. — 2015. — № 1. — С. 22–46.

3. Калинин А. Ю. Язык вражды, риторика ненависти или… как перевести hate speech на русский язык? // Россия и Запад: диалог культур : сб. науч. ст. XX Междунар. конф. — М. : Центр изучения культур, 2018. — С. 213–221.

4. Калинин А. Ю. Концептуальная аппроксимация в переводе материалов аудиовизуальных СМИ // Когнитивные исследования языка. — 2022. — Т. 50, № 3. — С. 672–676.

5. Качкаева А. Г. Жанры и форматы современного телевидения. Последствия трансформации // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. — 2010. — № 6. — С. 42–51.

6. Кемарская И. Н. Переформатирование как проявление мутации жанров // Наука телевидения. — 2008. — № 5. — С. 86–94.

7. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). — М. : Высш. шк., 1990. — 253 с.

8. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение : курс лекций. — М. : ЭТС, 1999. — 192 с.

9. Кузнецов Г. В., Цвик В. Л., Юровский А. Я. Телевизионная журналистика : учеб. — 5-е изд., перераб. и доп. — М .: Изд-во Московского ун-та : Наука, 2005. — 368 с.

10. Латышев Л. К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. — М. : Просвещение, 1988. — 159 с.

11. Мясникова М. А. Специфика жанров телевидения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. — 2009. — № 1, ч. II. — С. 250—260.

12. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. — 3-е изд., перераб. — М. : Флинта : Наука, 2003. — 318 с.

13. Сдобников В. В. Оценка качества перевода (коммуникативно-функциональный подход) : моногр. — 2-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2015. — 112 с.

14. Смирнов А. А. Перевод // Литературная энциклопедия : в 11 т. — М. : ОГИЗ РСФСР, 1934. — Т. 8. — URL : http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le8/le8-5121.htm (дата обращения: 25.06.2023).

15. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. — М. : Наука, 1988. — 215 с.

16. Bhatia V. Words of Written Discourse. A genre-based view. — L. : Continuum, 2004. — 228 p.

17. Chaume F. Is audiovisual translation putting the conceptof translation up against the ropes? // The Journal of Specialised Translation. — 2018. — No. 30. — Pp. 84–104.

18. Chesterman A. Description, explanation, prediction: A response to Gideon Toury & Theo Hermans // Translation and norms / Schäffner Ch. (ed.). — Clevedon : Multilingual Matters, 1999. — Pp. 91–97.

19. Colina S. Contrastive Rhetoric and Text-typological Conventions in Translation Teaching // Target. — 1997. — No. 9 (2). — Pp. 335—353.

20. Frow J. Genres. — 2nd ed. — L. ; NY : Routledge, 2015. — 204 p.

21. Gambier Y. Genres, text-types and translation // Handbook of Translation Studies / eds. Y. Gambier, L. van Doorslaer. — Amsterdam : John Benjamins Publ., 2013. — Vol. 4. — Pp. 63—69.

22. House J. Translation Quality Assessment: Past and Present. — NY : Routledge, 2015. — 160 p.

23. Johnston A. The Mueller Investigation, Explained // PBS: Public Broadcasting Service. — URL : https://www.pbs.org/wgbh/frontline/article/the-mueller-investigation-explained-2/ (дата обращения 20.07.2023).

24. Kaindl K. Multimodality and translation // The Routledge Handbook of Translation Studies / Carmen Millan & Francesca Bartrina (eds). — L. : Routledge, 2013. — Pp. 257–269.

25. Kalinin A. Y., Mikhaylovskaya M. V. Simultaneous Interpretation of Political Press Conferences in Diplomatic vs Media Settings // 100 Years of Conference Interpreting: A Legacy / K. G. Seeber (ed.). — Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publ., 2021. — Pp. 73–92.

26. Mayoral R., Kelly D., Gallardo, N. Concept of Constrained Translation. Non-Linguistic Perspectives of Translation // Meta. — 1988. — No. 33 (3). — Pp. 356–367.

27. Nus van M. Can We Count on your Bookings of Potatoes to Madeira? Corporate Context and Discourse Practices in Direct Sales Letters // Writing Business: Genres, Media and Discourses / Bargiela-Chiappini, F. and C. Nickerson (eds.). — L. ; NY : Longman, 1999. — Pp. 213–226.

28. Popović M. Relations between comprehensibility and adequacy errors in machine translation output // Association for Computational Linguistics (ACL). — 2020. — Pp. 256–264. — URL : https://aclanthology.org/2020.conll-1.19.pdf (дата обращения: 25.06.2023)

29. Reiss K. Type, kind and individuality of text: Decision-making in translation. Translation Theory and Intercultural Relations // Special issue of Poetics Today / eds. I. Even-Zohar, G. Toury. — 1981. — No. 2 (4). — Pp. 160–171.

30. Reiss K. Adequacy and Equivalence in Translation // The Bible Translator. — 1983. — No. 34 (3). — Pp. 301–308.

31. Reiss K., Vermeer H. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. — Berlin ; NY : Max Niemeyer Verlag, 1984. — 253 p.

32. Reiss K. Translation Criticism. The Potentialities and Limitations. Categories and Criteria for Translation Quality (1971). — Manchester : St. Jerome, 2000. — 201 p.

33. Straniero-Sergio F. Norms and quality in Media Interpreting: the case of Formula One press-conferences // The Interpreters' Newsletter. — 2003. — No. 12. — Pp. 135–174.

34. Swales J. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. — Cambridge : Cambridge University Press, 1990. — 260 p.

35. Toury G. Descriptive Translation Studies and Beyond. — Amsterdam : John Benjamins, 1995. — 311 p.

36. Ventrella F. Visual Turn // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences Reference Work / Wright J. D. (ed.). — 2nd ed. — Oxford : Elsevier, 2015. — Pp. 207–213.

37. Zabalbeascoa P. The Nature of the Audiovisual Text and its Parameters // The Didactics of Audiovisual Translation. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2008. — Pp. 21–39.

References

1. Batyushkov F. D. The objectives of literary translation. *Principy hudozhestvennogo perevoda: stat'i* [Principles of Literary Translation: articles]. 2nd ed. Saint Petersburg, Gosizdat Publ., 1920, pp. 120–122. (In Russian).

2. Vyrkovskij A. V., SHaroyan S. V. Criteria of perceived quality of journalistic texts (on example of business media). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10, Zhurnalistika* [Moscow State University Bulletin. Ser. 10, Journalism]. 2015, no. 1, pp. 22–46. (In Russian).

3. Kalinin A. Y. Yazyk vrazhdy, ritorika nenavisti or… how to translate "hate speech" into Russian. *Rossiya i Zapad: Dialog Kul'tur. Sbornik nauchnyh statej XX Mezhdunarodnoj konferencii* [Russia and West: dialogue of cultures. Proceedings of XXth international conference]. Moscow, Cultures Studies Centre Publ., 2018, pp. 213–221. (In Russian).

4. Kalinin A. Y. Concepts approximation in audiovisual media translation. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of Language]. 2022, vol. 50, no. 3, pp. 672–676. (In Russian).

5. Kachkaeva A. G. Genres and formats of modern television. Consequences of transformation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10, Zhurnalistika* [Moscow State University Bulletin. Ser. 10, Journalism]. 2010, no. 6, pp. 42–51. (In Russian).

6. Kemarskaya I. N. Reformatting as a manifestation of genre mutationov. *Nauka televideniya* [The Art and Science of Television]. 2008, no. 5, pp. 86–94. (In Russian).

7. Komissarov V. N. *Teoriya perevoda (Lingvisticheskie aspekty)* [Theory of translation (Linguistic aspects)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990, 253 p. (In Russian).

8. Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie. Kurs lekcij* [Modern translatology. A course of lecture]. Moscow, ETS Publ., 1999, 192 p. (In Russian).

9. Kuznecov G. V., Cvik V. L., Yurovskij A. Ya. *Televizionnaya zhurnalistika: uchebnik.* [TV journalism: textbook]. 5th ed., rev. Moscow, Moscow university Publ., Nauka Publ., 2005, 368 p. (In Russian).

10. Latyshev L. K. *Perevod: problemy teorii, praktiki i metodiki prepodavaniya* [Translation: issues of theory, practice and didactics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1988, 159 p. (In Russian).

11. Myasnikova M. A. TV genres specificity. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9* [Saint Petersburg State University Bulletin. Ser. 9]. 2009, no. 1, pt. II, pp. 250–260. (In Russian).

12. Nelyubin L. L. *Tolkovyj perevodovedcheskij slovar'* [Translator's dictionary]. 3th ed., rev. Moscow, Flinta Publ, Nauka Publ., 2003, 318 p. (In Russian).

13. Sdobnikov V. V. *Ocenka kachestva perevoda (kommunikativno-funkcional'nyj podhod): monografiya* [Translation quality assessment (communicative functionalist approach): monograph]. 2nd ed. Moscow, Flinta Publ, Nauka Publ., 2015, 112 p. (In Russian).

14. Smirnov A. A. Translation. *Literaturnaya enciklopediya* [Literary encyclopedia]. Moscow, OGIZ RSFSR Publ., 1934, vol. 8. Available at: http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le8/le8-5121.htm (accessed 25.06.2023). (In Russian).

15. Shvejcer A. D. *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* [Theory of translation: status, problems, aspects]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 215 p. (In Russian).

16. Bhatia V. *Words of Written Discourse. A genre-based view*. L., Continuum, 2004, 228 p.

17. Chaume F. Is audiovisual translation putting the conceptof translation up against the ropes? *The Journal of Specialised Translation.* 2018, no. 30, pp. 84–104.

18. Chesterman A. Description, explanation, prediction: A response to Gideon Toury & Theo Hermans. *Translation and norms.* Schäffner Ch. (ed.). Clevedon, Multilingual Matters, 1999, pp. 91–97.

19. Colina S. Contrastive Rhetoric and Text-typological Conventions in Translation Teaching. *Target.* 1997, no. 9 (2), pp. 335–353.

20. Frow J. *Genres*. 2nd ed. L., NY, Routledge, 2015, 204 p.

21. Gambier Y. Genres, text-types and translation. *Handbook of Translation Studies.* Y. Gambier, L. van Doorslaer (eds.). Amsterdam, John Benjamins Publ., 2013, vol. 4, pp. 63–69.

22. House J. *Translation Quality Assessment: Past and Present*. NY, Routledge, 2015, 160 p.

23. Johnston A. The Mueller Investigation, Explained. *PBS: Public Broadcasting Service*. Available at: https://www.pbs.org/wgbh/frontline/article/the-mueller-investigation-explained-2/ (accessed 20.07.2023).

24. Kaindl K. Multimodality and translation. *The Routledge Handbook of Translation Studies.* Carmen Millan & Francesca Bartrina (eds). L., Routledge, 2013, pp. 257–269.

25. Kalinin A. Y., Mikhaylovskaya M. V. Simultaneous Interpretation of Political Press Conferences in Diplomatic vs Media Settings. *100 Years of Conference Interpreting: A Legacy*. K. G. Seeber (ed.). Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publ., 2021, pp. 73–92.

26. Mayoral R., Kelly D., Gallardo N. Concept of Constrained Translation. Non-Linguistic Perspectives of Translation. *Meta.* 1988, no. 33 (3), pp. 356–367.

27. Nus van M. Can We Count on your Bookings of Potatoes to Madeira? Corporate Context and Discourse Practices in Direct Sales Letters. *Writing Business: Genres, Media and Discourses.* Bargiela-Chiappini F. and C. Nickerson (eds.). L., NY, Longman, 1999, pp. 213–226.

28. Popović M. Relations between comprehensibility and adequacy errors in machine translation output. *Association for Computational Linguistics (ACL).* 2020, pp. 256–264. Available at: https://aclanthology.org/2020.conll-1.19.pdf (accessed 25.06.2023).

29. Reiss K. Type, kind and individuality of text: Decision-making in translation. Translation Theory and Intercultural Relations. *Special issue of Poetics Today.* I. Even-Zohar, G. Toury (eds.). 1981, no. 2 (4), pp. 160–171.

30. Reiss K. Adequacy and Equivalence in Translation. *The Bible Translator*. 1983, no. 34 (3), pp. 301–308.

31. Reiss K., Vermeer H. *Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie*. Berlin, NY, Max Niemeyer Verlag, 1984, 253 p.

32. Reiss K. *Translation Criticism. The Potentialities and Limitations. Categories and Criteria for Translation Quality* (1971). Manchester, St. Jerome, 2000, 201 p.

33. Straniero-Sergio F. Norms and quality in Media Interpreting: the case of Formula One press-conferences. *The Interpreters' Newsletter.* 2003, no. 12, pp. 135–174.

34. Swales J. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990, 260 p.

35. Toury G. *Descriptive Translation Studies and Beyond*. Amsterdam, John Benjamins, 1995, 311 p.

36. Ventrella F. Visual Turn. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences Reference Work*. Wright J. D. (ed.). 2nd ed. Oxford, Elsevier, 2015, pp. 207–213.

37. Zabalbeascoa P. The Nature of the Audiovisual Text and its Parameters. *The Didactics of Audiovisual Translation.* Amsterdam and Philadelphia, John Benjamins, 2008, pp. 21–39.

Информация об авторе

Калинин Андрей Юрьевич — PhD (доктор лингвистики), старший преподаватель факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, конференц-переводчик.

Information about the author

Kalinin, Andrei — PhD (Docteur en Sciences du Langage), assistant professor, at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University, conference interpreter.

Статья поступила в редакцию 25.07.2023;
одобрена после рецензирования 05.08.2023;
принята к публикации 05.08.2023.

Submitted 25.07.2023;
approved after reviewing 05.08.2023;
accepted for publication 05.08.2023.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 3 (66). С. 60–66.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;3(66):60–66.

Научная статья
УДК 81'42+ 821.521
DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.007

Отражение японской культуры и стиля жизни в поэзии сэнрю

Мами Мията
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия
m.miyata@365.rsu.edu.ru

Аннотация. В статье исследуется отражение культуры и стиля жизни Японии в юмористической поэзии сэнрю на протяжении существования этого жанра, то есть с начала XVII века. Для достижения цели автор описывает историю японской поэзии до образования жанра сэнрю и ситуацию с конкурсами сэнрю в Японии в наши дни, определяет понятие юмора в жанре и анализирует стихи сэнрю, занявшие высокие места на конкурсе *The Salaryman Senryu Contest* в 2020 и 2021 годах и отражающие жизнь во время пандемии COVID-19. Исследование показывает, что современные стихотворения сэнрю, получившие призовые места, охватывают темы, которые касаются большого количества людей в Японии, такие как удаленная работа, ношение маски и трудности в общении, вызванные этими обстоятельствами. Таким образом, можно сказать, что темы, упоминаемые в стихотворениях сэнрю, актуальны и отражают культуру и образ жизни японцев.

Ключевые слова: японская поэзия, сэнрю, юмор, культура Японии, коронавирус, пандемия.

Для цитирования: Мията М. Отражение японской культуры и стиля жизни в поэзии сэнрю // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 3 (66). С. 60–66. DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.007.

© Мията М., 2023

Original article

Japanese poetry “Senryu” as a reflection of culture and lifestyle of Japan

Mami Miyata
Ryazan State University named for S. A. Yesenin, Ryazan, Russia
m.miyata@365.rsu.edu.ru

Abstract. The article explores the reflection of culture and lifestyle of Japan in humorous poetry “senryu”. To achieve the aim, the author outlines the history of Japanese poetry till the formation of the genre “senryu” and the situation with the “senryu” contests in Japan nowadays, clarifies the definition of humour in “senryu”, and analyzes the award-winning “senryu” poems in The Salaryman Senryu Contest for 2020 and 2021, written about life during the COVID-19 pandemic. The study shows that award-winning “senryu” poems cover topics that a large number of people in Japan are related to, such as “remote work”, “face masks” and difficulty in communication caused by them. Thus, it can be said that the topics mentioned in “senryu” poems are relevant to and reflect the culture and lifestyle of the Japanese.

Keywords: Japanese Poetry, senryu, humour, Japanese culture, coronavirus disease, pandemic.

For citation: Miyata M. Japanese poetry “Senryu” as a reflection of culture and lifestyle of Japan. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 2(65):60–66. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.007.

Введение

Жанр японской поэзии, сложившийся в период Эдо (1603–1868), — сэнрю — отражает повседневную жизнь людей и события, повлиявшие на них. В статье проанализированы работы, написанные на тему пандемии коронавируса и занявшие в 2020 и 2021 годах призовые места в конкурсе *Salaryman Senryu* — одном из конкурсов сэнрю с наибольшим количеством участников в современной Японии.

Культура — это норма поведения определенной группы людей в определенных обстоятельствах. Пандемия коронавируса — одно из самых значительных событий последних лет. По этой причине можно сказать, что работы, посвященные пандемии и занявшие места в конкурсе (получившие большое количество голосов), являются отблеском культуры и образа жизни народа Страны восходящего солнца.

Основная часть

Сэнрю как жанр поэзии

Поэзия — передача чувств и мыслей людей, культуры и образа жизни в период создания. Она исследуется не только с точки зрения лингвистики и литературы, но и с точки зрения исторического и культурного наследия.

Поэзия Страны восходящего солнца с древних времен была неотъемлемой частью жизни общества. Уже в VIII веке был создан сборник «Манъёсю», которые многие исследователи считают памятником японской литературы [Глускина, 1971].

В разные периоды центром поэтической жизни становились Киото, Нара, Осака и Эдо (Токио) — столицы Японии, поскольку главным образом поэзией и искусством занимались представители правящего класса и знати под покровительством императоров. Известны произведения поэтов династии Фудзивара — Фудзивара но Кинто (966–1041), Фудзивара но Мичитоси (1047–1099), Фудзивара но Киёске (1104–1177), Фудзивара но Тейка (1162–1241) [Hisamatsu, 1976].

Короткая песня, или пятистишие танка, состоящая из 5 строк по 5–7–5–7–7 мор, была популярным жанром среди придворных эпохи Хейан (794–1185). Каждое достойное внимания событие сопровождалось сложением танка: любование цветами сакуры, назначение на должность. При дворе устраивались поэтические турниры, на которых разделенные на группы дамы и кавалеры соревновались в стихосложении. По стихотворению судили об уме и талантах юноши, а танка на веере могла свидетельствовать об утонченности и изяществе придворной дамы [Серебряков, 2002, с. 8].

Стихотворный диалог, который зародился во время обмена стихотворными посланиями танка между влюбленными, получил название рэнга, что можно перевести как «связанные стихи», «нанизанные стихи». Рэнга обрела особую популярность в эпоху Муромати (1334–1572). В те времена проводились поэтические соревнования, в которых один участник составлял начальный стих — хокку — в 5–7–5 слогов, а другие участники импровизировали так, чтобы получить законченную строфу 5–7–5–7–7. Начальный стих рэнга — хокку — обычно составлялся профессионалом [Ebersole, 1983].

Поэзия хайкай стала началом литературного пути Мацуо Басё (1644–1694). Взяв за основу форму 5–7–5 от хокку и привнеся в нее лирическую составляющую, он создал свой новый стиль. Термин «хайку» — более позднее изобретение, был введен в обиход поэтом Масаока Шики для обозначения отдельного лирического произведения, ритмически идентичного хокку [Lowenstein, 2018].

Подобно хайку, сэнрю использует форму 5–7–5 мор, однако, в отличие от него, не сковывает себя обязательными сезонными словами, или киредзи. В статье о сравнении хайку и сэнрю Масаси Кобаяси пишет, что родоначальником жанра сэнрю стал Караи Сэнрю. Сэнрю — один из псевдонимов литературного критика Караи Хатиэмона. Его деятельность в качестве судьи турниров маэкудзуке позволила популяризовать жанр. Те стихи, что он выбирал лучшими, стали называть сэнрютен. Маэкудзуке — конкурс, в котором участники к заготовленной фразе из 14 мор (7–7) должны сочинить фразу из 17 (5–7–5) мор [Davis, 2006, p. 156].

На пике популярности поэтических состязаний маэкудзуке издатель Горёкэн Арубэси задумал сборник из лучших, по мнению Сэнрю, стихотворений с этих турниров, и в 1765 году был издан первый выпуск «Хайфу Янагидару». Сборник продолжил выходить вплоть до 1839 года [Цой, 2017].

Произведения в жанре сэнрю мы можем увидеть как у именитых поэтов вроде Кобаяси Исса, так и у поэтов, чье имя история не сохранила. Турниры сэнрю проводятся и по сей день.

Сэнрю и его культурная ценность

Философия мистики и глубины, глубокого чувства, свойственные хайку, совершенно чужды сэнрю. Признанный мастер хайку Басё жил на лоне природы, путешествовал, чтобы искать вдохновения для своих произведений. Он писал о том, что с ним происходило, что наблюдал во время странствий. Похожим методом пользуются и авторы сэнрю — пишут о том, что окружает простой народ: об отношениях между людьми, их привычках людей, укладе жизни. В этом смысле сэнрю можно считать свидетельством эпохи, народной летописью, отражением картины мира и стиля жизни японцев.

«Записей о том, что ели простолюдины в период Эдо, почти не существует; немногочисленные отрывочные сведения содержатся в сэнрю…», — пишет, используя «народную летопись», Е. В. Колотова в статье о японской кухне «Эдосский фастфуд» [Колотова, 2011, с. 257].

Народные поэты стараются запечатлеть в произведении момент человеческой жизни в разных ее аспектах, но отличительной особенностью жанра является юмор во всех его проявлениях.

Сэнрю и юмор

Японцы, как правило, не выражают свои негативные эмоции напрямую, поэтому свое отношение к событиям они могут превратить в сэнрю, над которыми можно посмеяться.

В статье Т. Тайра отмечено, что Р. Х. Брайс оценивает сэнрю как стихотворение, сочиненное с отчаянием и разочарованием и при этом содержащее своего рода сатори (просветление) как «лучшую форму японского юмора» [Taira, 2017, p. 83].

Многие предметы и явления, о которых пишут в сэнрю, — это то, что автор считает в какой-то степени абсурдным или несправедливым. Однако автор не просто ненавидит и пытается отвернуться от них, а наоборот, как будто пытается принять их как часть своей жизни. Авторы превращают свои личные проблемы в объект для смеха в виде сэнрю (происходит самообъективация). Поделившись своей работой с окружающими или читая работы других, люди могут понять, что они не одиноки со своей проблемой, и сопереживать друг другу (испытать саморелятивизацию). Самообъективация и саморелятивизация во время критической ситуации для облегчения психологической боли свойственны поэтам сэнрю, и в этом, как отмечает в своей статье Т. Отани, заключается мудрость японцев, способствующая выживанию [Otani, 2018, p. 14].

Сэнрю нашего времени

В современной Японии конкурсы сэнрю активно проводятся различными организациями — как частными компаниями, так и органами власти и администрациями отдельных городов. Люди со всех уголков страны присылают свои произведения на суд строгого жюри и читателей онлайн.

Конкурс в основном имеет заранее определенную тему, и работы, связанные с этой темой, соревнуются за первенство. Если проводить поиск в интернете (на японском языке) по ключевому слову «сэнрю», можно обнаружить, что существует множество конкурсов, таких как «сэнрю о воспитании детей», «сэнрю о туалете», «сэнрю об общественной бане “Сэнто”» и «сэнрю о завещании».

Среди них самым популярным конкурсом является サラっと一句 わたしの川柳（旧称：サラリーマン川柳コンクール）(саратто икку ватаси но сэнрю) (прежнее название — *Salaryman Senryu Contest*) [2022年 サラっと一句！], который проводится страховой компанией *Dai-ichi Life*. В этом конкурсе могут участвовать работающие люди независимо от пола и возраста. В 2021 году участники прислали 62 657 произведений. Поскольку в 2022 году конкурс был переименован, а победители объявляются за прошлый год, в этой статье правильнее будет называть его *Salaryman Senryu Contest*.

Также существует конкурс под названием *City OL Senryu Grand Prix* [発表「シティOL川柳大賞2022」], в котором могут участвовать только работающие женщины. Темами этого конкурса являются «Офис», «Любовь/брак», «Деньги/жизнь» и «Красота/диета». В 2022 году участницы прислали 2 058 сэнрю.

В 2020–2021 годах по всей Японии бушевал коронавирус. Привычный уклад жизни людей перевернулся с ног на голову. Население носило маски, было ограничено в общении между собой и посещении мероприятий. Такое положение вещей, конечно же, нашло отражение в сэнрю. Работы на тему вируса и жизни во время пандемии заняли 6 из десяти первых призовых мест в 2020 году, а в 2021 году — 9 из 10 на конкурсе *Salaryman Senryu Contest*.

Анализ сэнрю

Мы рассмотрим работы, занявшие призовые места в 2020 и 2021 годах в конкурсе *Salaryman Senryu Contest*, на темы, связанные с пандемией коронавируса. Так как победители определяются общим голосованием, можно сказать, что идеи, чувства и явления, затронутые в этих сэнрю, касаются широкого круга читателей.

Все исследуемые работы разделены по темам. Перевод выполнен автором статьи и дается для общего понимания, так как художественный перевод не является предметом настоящего исследования.

1. Работа на удаленке

3-е место 2020 года: リモートで 便利な言葉 ”聞こえません” (Rimooto de Benri na kotoba “kikoemasen” — «На онлайн-заседании удобная фраза — “мне не слышно”»).

Конечно, во время онлайн-работы бывают случаи плохой связи, возникают технические проблемы, но иногда эта фраза служит для того, чтобы потянуть время, проигнорировать неудобный вопрос или же закончить беседу. В связи с тем, что это сэнрю заняло почетное место, предполагается, что данное явление — не редкость. На совещании в офисе использовать подобный аргумент, безусловно, нельзя.

10-е место 2021 года: ズーム中 ペット参加で 盛り上がる (Zuumu-chuu Petto sanka de Moriagaru — «Зум-конференция с участием питомцев заметно оживляется»).

Если градус дискуссии сходит на нет и коллеги молча обдумывают задачи, домашний любимец вполне может поучаствовать в обсуждении.

2. Трудность коммуникации

2-е место 2021 года: ウイルスも 上司の指示も 変異する (Uirusu mo Joushi no shiji mo Hen’i suru — «Вирусы, как и приказы начальства**,** мутируют»).

Второе место занял автор сэнрю, который устал и от противоречивых указаний начальства, и от целого выводка новых штаммов коронавируса. Можно предположить, что, подобно новым, более устрашающим смертоносным мутациям вирусов, указания начальства могут изменяться в непредсказуемых и опасных направлениях.

5-е место 2021 года: マスク顔 確信持てず 見つめ合う (Masuku-gao Kakushin modezu Mitsume au — «Лицо в маске. Не уверен, что собеседник думает. Глазеем друг на друга»).

Общение происходит не только посредством языка. Японцы считают 空気**を読む** (kuuki o yomu — умение определять, что человек должен/не должен делать, или что собеседник хочет или не хочет) [空気を読むとは — コトバンク] важным навыком для общения, и выражение лица — один из необходимых невербальных сигналов. Однако во время общения с человеком в маске очень трудно понять выражение лица, в частности непонятно, радуется ли собеседник или огорчен. Поэтому все, что остается — это глядеть друг другу в глаза.

3. Семейные отношения

1-е место 2020 года: 会社へは 来るなと上司 行けと妻 (Kaisha e wa kuru na to jōshi Ike to tsuma — «“Не приходи в офис”, — приказывает босс, “Иди”, — приказывает жена»).

В начале пандемии, для уменьшения риска заражения, людей просили не приходить в офис и работать из дома. Жена же, как домохозяйка, не хочет терять свою привычную свободу — находиться дома одной и ждать прихода мужа, поэтому просит его идти на работу. Привычный уклад жизни разрушился, и не все смогли быстро адаптироваться.

2-е место 2020 года: 十万円 見る事もなく 妻のもの (Juuman-en Miru koto mo naku Tsuma no mono — «100 000 йен, даже не успел увидеть, они у жены»).

Для поддержки населения правительство выделило каждому по 100 000 йен [**総務省**]. Автор сэнрю жалуется, что даже не увидел их. Судя по высокому занимаемому месту, распределение обязанностей, при котором финансами занимается жена, весьма популярно в японских семьях.

7-е место 2020 года: お父さん マスクも話も よくずれる (Otousan Masuku mo hanashi mo Yoku zureru — «У отца и маска часто спадает, и он часто отходит от темы»).

Пандемия заставила многих людей оставаться дома, с семьей, даже в рабочее время. Прекратились задержки на работе, не нужно было тратить время на дорогу. Времени на общение с семьей стало существенно больше, однако не все к этому привыкли, что приводит к затрудненной коммуникации с родственниками.

10-е место 2020 года: 抱き上げた 孫が一言 密ですよ (Dakiageta Mago ga hitokoto Mitsu desu yo — «Поднял внука на руки, а он сделал замечание: “Соблюдай социальную дистанцию!”»).

Коронавирусные ограничения повлияли не только на чужих людей, но и на членов одной семьи. Телевидение постоянно говорило о соблюдении социальной дистанции, и даже малолетний ребенок запомнил это новое словосочетание и применил в своей речи. В этом сэнрю чувствуется легкая грусть от того, что нельзя, как раньше, взять на руки внука, быть ближе к родным.

4. Красота и здоровье

9-е место 2020 года: お若いと 言われてマスクを 外せない (O-wakai to Iwarete masuku o Hazusenai — «А вы молодо выглядите — сделали мне комплимент. Теперь боюсь снимать маску»).

Людям свойственно дополнять скрытые и невидимые части, используя свое воображение. Каждый представляет свое любимое лицо и дополняет часть, скрытую маской, так, как ему угодно. Автор, открывший неожиданный омолаживающий эффект маски, беспокоится, что люди вокруг него могут быть разочарованы, если увидят, что его лицо не соответствует их ожиданиям.

4-е место 2021 года: 巣ごもりで Mからlに 服反応 (Sugomori de Emu kara eru ni Fuku hannnou — «Дома во время ЧС увеличился размер одежды с M до L: побочный эффект»).

Работая на удаленке, люди стали меньше двигаться и реже выходить из дома. Изменение режима не могло не сказаться на обмене веществ в организме. Телевидение сообщало гражданам о существовании побочных эффектов от вакцинации. Чтобы показать серьезность «побочного эффекта» 副反応 (fuku han’nou) дистанционной работы, то есть набора веса, автор использовал в своем сэнрю это словосочетание. При этом первый иероглиф 副 (fuku) ‘побочный’ был заменен на одинаково звучащий иероглиф 服 (fuku) ‘одежда’. Такая игра с омофонами позволила автору описать свою личную проблему и одновременно употребить актуальное для общества словосочетание.

6-е место 2021 года: マスクとる 緊急事態 ノーメイク (Masuku toru Kinkyuujitai Noo-meiku — «Надо маску снять. Чрезвычайная ситуация — под ней нет макияжа»).

Ношение маски, безусловно, неприятное явление. Однако есть и позитивные моменты: можно меньше уделять времени утреннему макияжу, ведь под маской никто не узнает, что его нет. К сожалению, не все идет так хорошо. Момент, когда надо снять маску, например, за обедом на работе с коллегами или с деловыми партнерами, наступает неожиданно. Это именно то, что представляет собой личную «чрезвычайную ситуацию».

8-е место 2021 года: 恋心 マスク外せば 花と散る (Koi-gokoro masuku hazuseba hana to chiru — «Чувство влюбленности после того, как снимают маску, осыпается, как цветы Сакуры»).

Можно сказать, что этот пример показывает ситуацию с ношением маски в ином ракурсе: сэнрю, занявший 9-е место в 2020 году, написан о страхе снимать маску из-за боязни не оправдать ожиданий окружающих людей. Однако с масочным режимом маски становятся частью образа, подчеркивая привлекательность, оставляя на виду только глаза и позволяя воображению собеседника дорисовать привлекательные черты лица. К сожалению, нет никакой гарантии, что человек, который выглядит красиво в маске, будет выглядеть красиво и без нее.

5. Менталитет японцев

7-е место 2021 года: あっ、マスク！ 降りた階段 また登り (Ah masuku! Orita kaidan Mata noboru — «Ой, маска! Только с лестницы спустилась, опять поднимаюсь»).

Автор обнаруживает отсутствие маски, а чтобы ее взять, нужно подниматься по лестнице. Здесь можно увидеть менталитет японцев. Несмотря на то, что масочный режим в Японии носит исключительно рекомендательный характер, законопослушные японцы предпочтут скорее подняться по лестнице, чем нарушить распоряжение правительства и выйти на улицу без маски.

3-е место 2021 года: にこやかに マスクの下で 「うっせぇわ！」(Nikoyaka ni Masuku no shita de “Ussee wa” — «Улыбаясь, под маской говорю: “Заткнись”»).

Улыбающееся лицо может казаться дружелюбным, но под маской скрывается истинное отношение к собеседнику и происходящему. Концепция «свой — чужой», распространенная в Японии, вышла на новый уровень благодаря коронавирусу и масочному режиму.

6. Иное

1-е место 2021 года: 8時だよ!! 昔は集合 今閉店 (Hachi-ji da yo Mukashi wa shuugou Ima heiten — «Восемь вечера! Раньше мы только собирались, а сейчас время закрытия баров»).

Поход в бар с коллегами после работы — распространенное явление среди офисных работников в Японии. Однако во время чрезвычайной ситуации с целью замедлить распространение вируса местные власти ввели различные ограничения, такие как запрет работы баров и ресторанов после 20:00, полный запрет на спиртные напитки в предприятиях общественного питания и т. д. [新型インフルエンザ等対策特別措置法] (степень строгости соблюдения этого правила зависела от эпидемиологической ситуации и решения местных властей). В этом сэнрю чувствуется печаль уставших офисных работников, ограниченных в возможности немного расслабиться и пропустить по стаканчику.

Нельзя не отметить, что начало этого сэнрю весьма очевидно намекало на название очень популярной юмористической передачи, которая начиналась в 20:00.

Заключение

Благодаря анализу произведений, занявших призовые места в конкурсе *Salaryman Senryu Contest* 2020 и 2021 годов, мы смогли получить представление о японской культуре и образе жизни японцев во время пандемии коронавируса.

Масочный режим, неудобство удаленной работы, непривычная неловкость находиться постоянно всей семьей дома, — все это нашло отражение в поэзии сэнрю. Преобразовывая эмоции, которые не могут быть выражены напрямую в стихах, и автор, и читатели пытаются осмыслить эти чувства и посмеяться над ними вместе со всеми.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что через сэнрю ярко выражается культура и мироощущение народа Японии, японский образ жизни.

Список источников

1. Глускина А. Е. Манъёсю («Собрание мириад листьев») : в 3 т. — М. : Гл. ред. вост. лит., 1971. — Т. 1. — 680 с.
2. Колотова Е. В. Эдосский фастфуд // Уральское востоковедение. — 2011. — № 4. — С. 255–260.
3. Серебряков Д. Хайку (Японская поэзия XVI—XVII веков) / авт. пер. и коммент. Д. Серебрякова. — СПб., 2002. — URL : https://vk.com/wall50485842_3072 (дата обращения: 25.06.2023).
4. Цой М. К. История создания японского поэтического собрания «Хайфу Янагидару» // Молодой ученый. — 2017. — № 23-1 (157). — С. 39–42.
5. Ebersole G. L. The Buddhist Ritual Use of Linked Poetry in Medieval Japan // The Eastern Buddhist. — 1983. — Vol. 16, no. 2. — Pp. 50–71.
6. Hisamatsu S. Biografical dictionary of Japanese literature. — Tokyo, 1976. — 437 p.
7. Lowenstein T. Classic haiku. — NY, 2018. — 175 p.
8. Milner Davis J. Understanding humor in Japan. — Detroit : Wayne State University press, 2006. — 264 p.
9. Otani T Self-objectification and Self-relativization in Comic Haiku ~Wisdom overcoming adversity~ // Journal of the Faculty of Contemporary Society, Toyama University of International Studies. — 2018. — No. 10. — Pp. 1–14.
10. Taira T. The Way toward the Poetry of Senryu: A Study on the Comparative Literature about the Zen and Humour of R. H. Blyth // Bulletin of policy and management, Shobi University. — 2017. — No. 30. — Pp. 67–98.
11. 2022年 サラっと一句！わたしの川柳｜キャンペーン情報｜第一生命保険株式会社 // 第一生命保険株式会社. — URL : https://event.dai-ichi-life.co.jp/company/senryu/index.html (дата обращения: 27.11.2022).
12. 空気を読むとは — コトバンク // コトバンク. — URL : https://kotobank.jp/word/%E7%A9%BA%E6%B0%97%E3%82%92%E8%AA%AD%E3%82%80-482319 (дата обращения: 27.11.2022).
13. 新型インフルエンザ等対策特別措置法 | e-Gov法令検索 // e-Gov法令検索. — URL : https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=424AC0000000031#Mp-Ch_4-Se_2 (дата обращения: 27.11.2022).
14. 総務省｜特別定額給付金(新型コロナウイルス感染症緊急経済対策関連) // 総務省. — URL : https://www.soumu.go.jp/menu_seisaku/gyoumukanri_sonota/covid-19/kyufukin.html (дата обращения: 27.11.2022).
15. 発表「シティOL川柳大賞2022」働く女性の“今”が凝縮！ | シティリビングWeb // City Living Web. — URL : https://city.living.jp/tokyo/f-tokyo/1285851 (дата обращения: 27.11.2022).

References

1. Gluskina A. E. *Manyoshu. (Sobraniye miriad listyev, v 3 t.*) [Manyoshu. “Collection of a myriad leaves”, in 3 vols.]. Moscow, Main Editorial Office of Oriental Literature Publ., 1971, vol. 1, 680 p. (In Russian).

2. Kolotova E. V. Fastfood in Edo. *Uralskoye vostokovedenie* [Oriental Studies in the Ural Region]. 2011, no. 4, pp. 255–260. (In Russian).

3. Serebryakov D. *Haiku (Yaponskaya poeziya XVI—XVII vekov)* [Haiku. Japanese Poetry of the 16th–17th centuries]. Transl. and comm. by D. Serebryakov. Saint Petersburg, Neva Publ., 2002. Available at: https://vk.com/wall50485842_3072 (accessed 25.06.2023). (In Russian).

4. Tsoi M. K. The history of Creating the Japanese poetry collection “Haifu Yanagidaru. *Molodoi uchenyi* [Young Scholar]. 2017, no. 23-1 (157), pp. 39–42. (In Russian).

5. Ebersole G. L. The Buddhist Ritual Use of Linked Poetry in Medieval Japan. *The Eastern Buddhist*. 1983, vol. 16, no. 2, pp. 50–71.

6. Hisamatsu S. *Biographical dictionary of Japanese literature*. Tokyo, 1976. 437 p.

7. Lowenstein T. *Classic haiku*. NY, 2018, 175 p.

8. Milner Davis J. *Understanding humor in Japan*. Detroit, Wayne State University press, 2006, 264 p.

9. Otani T Self-objectification and Self-relativization in Comic Haiku ~Wisdom overcoming adversity~. *Journal of the Faculty of Contemporary Society, Toyama University of International Studies*. 2018, no. 10, pp. 1–14.

10. Taira T. The Way toward the Poetry of Senryu: A Study on the Comparative Literature about the Zen and Humour of R. H. Blyth. *Bulletin of policy and management, Shobi University*. 2017, no. 30, pp. 67–98.

11. 2022年 サラっと一句！わたしの川柳｜キャンペーン情報｜第一生命保険株式会社. 第一生命保険株式会社. Available at: https://event.dai-ichi-life.co.jp/company/senryu/index.html (accessed 27.11.2022).

12. 空気を読むとは ― コトバンク. コトバンク. Available at: https://kotobank.jp/word/%E7%A9%BA%E6%B0%97%E3%82%92%E8%AA%AD%E3%82%80-482319 (accessed 27.11.2022).

13. 新型インフルエンザ等対策特別措置法 | e-Gov法令検索. e-Gov法令検索. Available at: https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=424AC0000000031#Mp-Ch_4-Se_2 (accessed 27.11.2022).

14. 総務省｜特別定額給付金(新型コロナウイルス感染症緊急経済対策関連). 総務省. Available at: https://www.soumu.go.jp/menu_seisaku/gyoumukanri_sonota/covid-19/kyufukin.html (accessed 27.11.2022).

15. 発表「シティOL川柳大賞2022」働く女性の“今”が凝縮！｜シティリビングWeb. City Living Web. Available at: https://city.living.jp/tokyo/f-tokyo/1285851 (accessed 27.11.2022).

Информация об авторе

Мията Мами — магистр педагогического образования, старший преподаватель кафедры восточных языков и методики их преподавания института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Information about the author

Miyata, Mami — master of pedagogy, senior lecturer, Department of Oriental Languages and Language Teaching Methodology, Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Статья поступила в редакцию 28.06.2023;
одобрена после рецензирования 15.07.2023;
принята к публикации 16.07.2023.

Submitted 28.06.2023;
approved after receiving 15.07.2023;
accepted for publication 16.07.2023.

РАЗДЕЛ IV

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 3 (66). С. 67–75.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;3(66):67–75.

Научная статья
УДК 811.221.18’271.2 +81’373.44+811.111++81’255.4+811.161+81’373.211.1
DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.008

Способы обеспечения адекватности перевода этномаркированных экклезионимов

Ирина Давидовна Бекоева
Юго-Осетинский государственный университет имени А. А. Тибилова,
Цхинвал, Республика Южная Осетия
irina.beckoeva@yandex.ru

Аннотация. Статья затрагивает проблему выбора способов передачи осетинских экклезионимов средствами русского и английского языков. Исследование выполнено в русле переводческой ономастики и сравнительно-сопоставительного направления в лингвистике. Осетинская сакральная онимная лексика (теонимы, экклезионимы, агионимы, агиоантропонимы, агиотопонимы, геортонимы) недостаточно изучена с позиции семантических и лингвопрагматических характеристик экклезионимов Южной Осетии, лингвокультурного фона их появления, особенностей их объективации в общественной коммуникации, способов переводческой интерпретации. Исследование содержит классификацию сакральной онимной лексики и перечень наиболее известных экклезионимов Южной Осетии с вариантами их переводческих соответствий на русском и английском языках. Новизна представленного материала определяется тем, что это первый опыт рассмотрения этномаркированных экклезионимов с точки зрения выбора стратегии и способов их передачи средствами переводящих языков. Сакральные онимы представляют значительный интерес с точки зрения мотивированности, отражения функциональных и прагматических характеристик божеств в названии культовых сооружений и сакральных мест и могут послужить источником изучения истории, культуры, менталитета осетинского народа.

Ключевые слова: переводческая ономастика, сакральные онимы, экклезионимы, языковая картина мира, вариативность, мотивированность, способы перевода, транскрипция, транслитерация, экспликация.

Для цитирования: Бекоева И. Д. Способы обеспечения адекватности перевода этномаркированных экклезионимов // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 3 (66). С. 67–75. DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.008.

Original article

Ways of achieving adequacy in translation of ethno-marked ecclesionyms

Irina D. Bekoeva
South Ossetia State University named after A. A. Tibilov, Tskhinval, South Ossetia
irina.beckoeva@yandex.ru

Abstract. The present research was carried out in line with the comparative approach in linguistics, translation onomastics. It views the issues of translating Ossetian ecclesionyms into the Russian and the English languages. Ossetian sacral onymic vocabulary (theonyms, ecclesionyms, hagionims, hagioanthroponyms, hagiotoponyms, georonyms) has not been sufficiently studied in terms of semantic and linguo-pragmatic characteristics of South Ossetian ecclesionyms, the linguocultural background of their appearance, specificity of their usage in public communication and methods of translation. The research gives the classification of different types of sacral onyms and the list of the most famous sacral names of South Ossetia with their translation correspondences in the target languages. The topicality of the research is determined by the fact that this is the first experience of considering ethno-marked ecclesionyms from the point of view of the translation strategy choice and methods of translation. Sacral onyms present considerable interest in terms of their motivation, reflection of the functional and pragmatic characteristics of the Ossetian deities in the nomination of religious buildings, places of worship and shrines, and can serve as a rich source for studying the history, culture and mentality of the Ossetian people.

© Бекоева И. Д., 2023

Keywords: translation onomastics, sacral onyms, ecclesionyms, linguistic picture of the world, variability, motivation, translation methods, transcription, transliteration, explication.

For citation: Bekoeva I. D. Ways of achieving adequacy in translation of ethno-marked ecclesionyms. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 3(66):67–75. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.008.

Введение

Изучение переводческого аспекта сакрального ономастикона позволяет выявить разнообразные пласты смыслов, передающие информацию о культуре, истории народа. Имена собственные обладают этнокультурным фоном, который в полной мере отражает особенности исторического опыта, обобщенного и зафиксированного в словах-понятиях и грамматических категориях, в культуре и менталитете народа-носителя языка [Абаев, 1949, с. 9]. Проблемы изучения переводческих аспектов сакрального ономастикона нашли свое отражение в ряде исследований современных отечественных (В. И. Алексеев, К. А. Битнер, Е. В. Гета, М. М. Голикова, М. В. Голомидова, Н. В. Климович, А. А. Новичков, О. А. Постникова, И. Е. Пенская, М. А. Соломонов, Е. А. Хамаева, И. В. Хорькова, С. Х. Шихалиева, С. В. Шойборова, Д. Л. Шукуров и др.) и зарубежных (R. Brown, G. Gertoux, H. Jankkowski, M. Lurker и др.) ученых.

Перевод онимных единиц представляется комплексной задачей, одним из аспектов которой является понимание и сохранение мотивированности онимов. Мотивированной считается единица, план содержания в которой относительно поддается соотнесению с соответствующим планом выражения, то есть это такая единица, которая разложима на лексические морфемы в силу открытости своей семантической структуры [Ахманова, 1966, с. 246].

Переводческая вариативность, или вариантность, определяется как разнообразие плана выражения, определяемое спецификой коммуникативной ситуации, условиями реализации перевода, социальной или территориальной принадлежностью участников коммуникации [Ахманова, 1966, с. 68]. Вариативность может быть обусловлена различиями в понимании и трактовке смыслов текста на исходном языке или переводческой позицией, заключающейся в намеренном добавлении или опущении смыслов самим переводчиком, и является следствием «явных или отрефлектированных переводческих позиций» [Гарусова, 2007, с. 8].

Основная часть

Передача текста на исходном языке (далее — ИЯ) средствами переводящих языков (далее — ПЯ) зависит от того, как его поймет переводчик. В частности, это касается текстов, которые допускают возможность двоякого толкования, как и любой культурно значимый текст, который содержит в себе не один вариант потенциальных переводов [Newmark, 2003]. Цель настоящего исследования — выявление лексико-семантических и структурных особенностей осетинских сакральных онимов и вариативности способов их передачи средствами ПЯ для обеспечения адекватности перевода. Актуальность и новизна данного исследования обусловлены необходимостью выработки единообразного подхода к выбору переводческих стратегий и способов передачи этноспецифичных осетинских сакральных онимов средствами русского (далее — ПЯ1) и английского (далее — ПЯ2) языков и состоят в недостаточной разработанности проблемы описания и анализа способов перевода осетинских прецедентных сакральных онимов. Объектом данного исследования являются осетинские экклезионимы и их переводческие соответствия.

Традиционная классификация Н. В. Подольской предполагает деление всех видов онимов на две обширные группы, объединенные по принципу соотнесения с объективно существующей реальностью (реалионимы и мифонимы). Реалионим определяется как имя собственное реально существующего объекта в любой сфере ономастического пространства [Подольская, 1978, с. 119] Мифоним — имя вымышленного элемента ономастического пространства, отраженного в мифах и сказках [Там же, с. 124]. При этом большой сегмент сакральной лексики (теонимы, агионимы, агиоантропонимы, иконимы и т. д.) остается за пределами данного определения мифонима, будучи формально включенным в ономастическое поле мифонимной лексики. По мнению А. В. Суперанской, *нереальные* онимы представляют собой не просто отражение или повторение реальной онимии в фантазии людей, а нечто большее — сакральные имена, образующие группу nomina sacra [Суперанская, Сталтмане, Подольская, Султанов, 2007, с. 9]. Дефиниции некоторых видов сакральных онимов показывают, что их сложно отнести к мифонимам, например, такие как агионимы — имена святых [Подольская, 1978, с. 26]. Святые — это личности, чтимые за стойкость религиозных убеждений, благочестие, праведность. Вряд ли имена людей, возведенных в ранг святых, можно причислять к мифонимам. Производные от агионимов агиоантропонимы понимаются как апеллятивно-антропонимический комплекс, использующийся для называния прославленных

христианских святых. Агиоантропоним отличается от агионима многокомпонентостью структуры, включающей как облигаторные, так и оптативные элементы. Иконимы — это разновидность сакральной лексики, номинирующая иконы. Экклезионимы — это имена храмов, представляющие класс топонимов, имя локальности отправления религиозного обряда или ритуала, место поклонения верующих последователей любых религий [Бугаева]. В группу экклезионимов также входят названия соборов, церквей, часовен, молелен, крестов, алтарей, священных деревьев, источников, камней. К экклезионимам относятся собственные имена мест совершения обрядов, ритуалов, мест поклонения любых религиозных общностей [Подольская, 1978, с. 164]. Сакральные геортонимы, или эортонимы, — это названия христианских праздников, связанных с теонимами, агиоантропонимами и важными религиозными событиями [Бугаева]. Агиотопонимы — сегмент сакральной ономастической лексики, где в качестве имени географического объекта использованы агиоантропонимы и агиохронотопонимы (названия религиозных праздников, относящихся к определенному периоду времени). Сакральные полисонимы и годонимы — названия городов улиц по имени святых — также включены в пространство nomina sacra (табл. 1).

Таблица 1

Классификация сакральных онимов

Класс сакрального онима	Значение
Агионим	Имя святого от греч. ‘священный’ [Подольская, 1978, с. 26].
Агиоантропоним	Апеллятивно-антропонимный комплекс, номинирующий известных христианских святых. Состав агиоантропонима многокомпонентен и включает как облигаторные, так и оптативные элементы. Агиоантропоним не равен по семантическому наполнению агиониму [Бугаева].
Агиотопонимы: Агиополисоним — наименования городов по агиоантропониму (Санкт-Петербург); Урбанонимы (площади, улицы, переулки), названные по экклезиониму (имени храма); Наименования населенных пунктов по экклезиониму; Наименования урбанонимов, восходящие к главным событиям, описанным в Евангелии и фактам церковной истории (улица Воздвиженка)	Топоним, образованный от любого агионима [Подольская, 1978, с. 136]. Группа сакральных топонимов, в которых в качестве имени собственного географического объекта использованы имена святых (агиоантропонимы) или названия религиозных праздников (агиохронотопоним/агиогеортоним/агиоэортоним [Бугаева].
Иконимы	Онимы, номинирующие иконы.
Иноческое имя	Монашеское имя.
Каноническое имя	Имя, закрепленное как «истинное», «настоящее» традициями мировых религий; в русской традиции это христианское православное имя в определенной форме с определенным ударением [Подольская, 1978, с. 73 ; Флоренский, 2011].
Конфирмационное имя	Имя, данное при конфирмации.
Монашеское имя	Имя, полученное при постриге в монахи вместо мирского имени.
Схимническое имя	Имя, данное монаху при принятии большой схимы (при обряде «третьего крещения») вместо его монашеского имени.
Теонимы	Теоним — собственное имя божества в любом пантеоне (греч. [/p] Θεός ‘бог’, ὄνομα ‘имя’), вид мифонима [Подольская, 1978, с. 131].
Экклезионимы	Названия места совершения обряда, места религиозного поклонения (храмы, церкви, часовни, кресты, алтари, стоящие отдельно, священные источники, деревья, камни [Подольская, 1978, с. 164].
Эортонимы/геортонимы	Названия христианских праздников.

Все перечисленные виды сакральной лексики включены в ономастическое пространство святости, требующее дальнейшего изучения и упорядочения понятийного аппарата, и являются реализаторами языкового кода, отражающего духовную культуру и картину мира народа.

Осетинский сакральный онимастикон

Важное значение в языковой картине мира современных осетин играют имена собственные, составляющие сегмент ономастического пространства, связанный с религией, традиционными верованиями осетин. Осетинские сакральные онимы представлены не только именами объектов из сферы ономастического пространства, мифологии, сказаний или сказок, но и элементами сакральных макро- и микросистем. Макросистема религиозно-обрядовых представлений осетин включает в себя канонически-христианскую ономастическую микросистему и традиционно-обрядовую сакральную ономастическую микросистему, объединяющую элементы архаических, языческих и христианских представлений осетин [Бесолова, 2016, 2021].

Сакральные онимы мы определяем как единицы ономастического пространства, связанные с: 1) религиозной обрядовостью; 2) верованиями; 3) ритуалом; 4) религиозными писаниями или учениями.

Предки нынешних осетин верили в то, что их жизнью управляют так называемые *дзуæрттæ* (дзуары), или ‘духи, божества’. Носитель осетинского языка и ментальности, желая назвать весь сонм богов, употребляет слово *Дзуар* [Абаев, 1990, с. 104]. *Дзуар* — крест, божество, дух, святой, ангел, святилище (рощи, отдельные деревья, горы, пещеры, камни, развалины старых церквей и часовен) [Бигулаев, Гагкаев, Кулаев, Туаева, 1970, с. 220 ; Калоев, 1971, с. 241 ; Дзадзиев, Дзуцев, Караев, 1994, с. 53 ; Мифы народов мира, 1994, с. 376].

Перевод сакральной лексики в силу ее этноспецифичности представляет наибольшую сложность, обусловленную наличием множественных переводческих соответствий, определяемых как регулярные способы перевода определенной единицы ИЯ [Комиссаров, 2002, с. 167].

В качестве примера рассмотрим вопросы переводимости на русский и английский языки ряда осетинских экклезионимов, отличающихся разной степенью мотивированности. Материалом для исследования послужило 147 репрезентаций 10 осетинских экклезионимов и их переводческие соответствия, извлеченные методом сплошной выборки из интернет-ресурсов и путеводителей по Южной Осетии.

Экклезионим *Лалисы/Лалисайы Дзуар* состоит из онимного компонента *Лалисы/Лалисайы* и апеллятива *Дзуар* — ‘церковь’, ‘святилище’. Название церкви *Лалисайы/Лалисы Дзуар* (досл. ‘Святилище Лалисы’, ‘Лалисы церковь’) — грузинской этимологии. Компонент ლალი (груз. [лали] ‘минерал, разновидность корунда’) предположительно пришел в грузинский язык из хинди или фарси [Грузинско-русский словарь онлайн]. В церкви, по преданию, хранилась украшенная рубинами икона святого Георгия Победоносца. Апеллятив *лал* (‘рубин’) существует и в русском языке (др.-рус. *лалъ*) в виде заимствования из персидского, турецкого *lal*, персидского لعل [лä'л]: 1) рубин, яхонт; 2) о цвете — рубинового, красного цвета [Большой персидско-русский, русско-персидский словарь онлайн ; Фасмер, 1986, с. 453 ; Цховребова, Дзиццойты, 2015, с. 322]. Синонимы — александрит, красная шпинель, минерал, рубин, яхонт [Тришин].

«…локальный праздник *Лалисайы Дзуарыбон*. Справляется в селении Залда… РЮО [Республики Южная Осетия] и примечателен одной особенностью — в святилище есть небольшая каменная фигурка в виде головы медведя… <…> …Если в этот день голову медведя повернуть, то обязательно пойдет дождь» (в оригинале вместо курсива — полужирный. — *И. Б.*) [Традиционный религиозный календарь …].

Структура поссесивного дескриптора *Лалисайы* представляет особый интерес, поскольку состоит из основы *Лал* (‘рубин’) + *-ис*(*а*) (формальный показатель родительного падежа в грузинском языке) + *-йы* (формальный показатель родительного падежа в осетинском языке) [Руденко, 1940 ; Бигулаев, Гагкаев, Кулаев, Туаева, 1970]. Таким образом, посессивный дескриптор *Лалисайы* (*Лал* + суф. *-иса* груз. + суф. *-йы* осет.) включает в себя два словообразовательных форманта-показателя родительного падежа — на грузинском и на осетинском языках. Из этого можно сделать вывод о том, что экклезионим был заимствован из грузинского языка и со временем подвергся морфограмматической адаптации, приобретя второй суффикс, осетинский. Морфологическая структура данного экклезионима и семантическая мотивированность компонента *Лал* (‘рубин, драгоценный камень’) не находят отражения в переводческом соответствии на ПЯ. Базовыми способами перевода выступают транскрипция и транслитерация, основанные на принципах сохранения звукового образа и графической формы.

Структура ряда экклезионимов включает в себя название типа культового сооружения + чин святости + имя + дескриптор/агномен. К подобным экклезионимам относится экклезионим *Сыгъдæг Мады Майрæмы Дзуар* (*Сыгъдæг* ‘чистая, святая’, *Мады* ‘Мать’, *Майрæмы* ‘Мария’, *Дзуар* ‘церковь’

(табл. 2)), переводимый средствами русского языка как ‘Церковь Рождества Пресвятой Богородицы’ и средствами английского языка как ‘Nativity of Theotokos Church / Church of the Nativity of the Blessed Virgin’. Выявлен вариант перевода, содержащий переводческую ошибку, обусловленную недостаточными знаниями теолексики переводчиком. Так, экклезионим *Сыгъдæг Мады Майрæмы Дзуар* (‘Церковь Рождества Пресвятой Богородицы’) средствами английского языка передан как ‘Mother of the God Christmas Church’, в то время как термин *Christmas* относится к рождению Христа, но не Богородицы — “Christmas commemorates the birth of Christ and is usually observed as a legal holiday” [Русско-английский словарь … , 2002 ; Christmas].

Экклезионим *Сыгъдæг Никъалайы Дзуар* (*Сыгъдæг* ‘Святой’, *Никъалайы* ‘Николай’, *Дзуар* ‘церковь’) переводится на русский и английский языки способом калькирования. Структура осетинского экклезионима *Сыгъдæг Никъала* (‘Святой Николай’) характеризуется выпадением агномена «Чудотворец», “the Wonderworker”.

Экклезионим *Тъиры Дзуар* / *Тыры Дзуар* (от груз. თირის მონასტერი ‘Тирский монастырь’ [Тирис Монастери]) этимологически восходит к груз. თირი ‘рыхлый пористый; пористая скала, камень’. Вероятно, название можно объяснить тем, что монастырские кельи высечены в скале, а сам монастырь находится на горе [Грузинско-русский словарь Нико Чубинашвили] (табл. 2).

Таблица 2

Экклезионимы и их переводческие соответствия

№	ИЯ	ПЯ1	ПЯ2
1	*Сыгъдæг Мады Майрæмы Дзуар*	Церковь Рождества Пресвятой Богородицы	Nativity of Theotokos Church / Church of the Nativity of the Blessed Virgin
2	*Сыгъдæг Никъалайы Дзуар*	Церковь святого Николая Чудотворца	St. Nicholas the Wonderworker’s Church
3	*Сыгъдæг Джиуæрджийы Дзуар*	Церковь святого Георгия	St. George church
4	*Тирис монастъери / Тъиры Дзуар*	Тирский монастырь / Тирское святилище / Святилище мальчиков (от груз. тири ‘рыхлый’ — по фактуре камня, из которого построен монастырь)	Tir monastery / Tir sanctuary / Sanctuary of boys (from Georgian tiri ‘loose’, friable, because of the stone texture)
5	*Лалисайы Дзуар*	Святилище Лалиса (Лалиса от Лал ‘рубин’, предположительно слово пришло из хинди или фарси; по преданиям, в церкви хранилась икона святого Георгия, украшенная рубинами (народная этимология))	Lali sanctuary (Lalisa from Lal ‘ruby’. Presumably the word came from Hindi or Farsi. According to the legend, the icon of St. George was kept in the church, and it was decorated with rubies (folk etymology))
6	*Кæсæны Дзуар*	Дозорная церковь (досл. ‘Церковь наблюдательного пункта или смотровой площадки’; расположена на вершине горы, с которой открывается вид на Кударское ущелье)	Kasany Dzuar (lit. ‘Church of the observation point or watch point’, located on the top of the mountain, from which a view of the entire gorge opens)
8	*Сырх Дзуар*	Красная Церковь (по цвету камня, из которого сделана; сырх ‘красный’)	Red Church (according to the color of the stone from which it is made; syrkh ‘red’)
9	*Сырхыдзуар*	Церковь рожи (название болезни; сырх ‘рожа, рожистое воспаление’)	Church of the erysipelas disease (name of the disease; syrkh ‘erysipelas’)
10	*Парсеты кувæндон*	Парсеты кувандон (досл. «Персидская молельня»)	Parsety Kuvandon (lit. “Persian prayer house”)

Еще один пример — *Националон кувæндон* ***Монастъер*** *усгæрвтæй ракæсгæйæ* («Национальная святыня *Монастер* с высоты птичьего полета») [Националон кувæндон Монастер]. В анализируемых

фрагментах текстов на ПЯ используется способ калькирования *Тъиры Дзуар* — ‘Тирский монастырь’ [Ремонтные работы …]. В ряде случаев происходит опущение дескриптора «Тирский» с онимизацией апеллятивного компонента *Монастъер* — «монастырь» > «Монастер».

Заключение

Экклезионимы составляют значительный пласт осетинской сакральной онимной лексики. Высокая репрезентативность экклезионимов в общественной коммуникации, реализуемой в электронных СМИ и социальных сетях, объясняется ритуализированностью взаимоотношений в рамках общественной коммуникации в осетинском обществе, основанной на традиционных религиозных взглядах, объединяющих черты канонического православия и язычества.

Главным условием обеспечения адекватности перевода осетинских этномаркированных экклезионимов является предпереводческая подготовка, включающая выявление этимологии, накопление фоновых знаний в области народных традиций и религиозных воззрений осетин. Переводчику важно понимать лингвокультурный контекст, обусловливающий выбор стратегии перевода и способ формирования переводческого соответствия.

Анализ эмпирического материала показал, что при переводе этномаркированных экклезионимов допускается переводческая вариативность, зависящая от условий перевода и целевой аудитории. Например, экклезионим *Сыгъдæг Мады Майрæмы Дзуар,* досл. ‘Святой Матери Марии церковь’ при переводе средствами русского языка (‘Церковь Рождества Пресвятой Богородицы’) утрачивает свою этноспецифику, поскольку название транспонируется с заменой посессивного онимного компонента *Мады Майрæмы* на дескриптор ‘Пресвятой Богородицы’. В переводе на английский язык осетинский экклезионим также утрачивает этномаркированный компонент *Мады Майрæмы* (‘Nativity of Theotokos Church’ / ‘Church of the Nativity of the Blessed Virgin’).

Некоторые экклезионимы калькируются, например, *Сыгъдæг Джиуæрджийы Дзуар* — ‘Церковь Святого Георгия’ / ‘St. George church’. Однако экклезионим *Сырх Дзуар* (‘Красная Церковь’ / ‘Red Church’), который включает квалитативный дескриптор *сырх* (‘красный’ / ‘Red’) (по цвету розового туфа, из которого построена церковь, находящаяся на территории Цхинвала), может переводиться с заменой квалитативного дескриптора, поскольку в осетинском языке *сырх* — это еще и название заболевания ‘рожа, рожистое воспаление’. Если речь идет о другой церкви, которая посвящена божеству-покровителю и защитнику от заразных болезней, реализуется гибридный способ перевода: *Сырхыдзуар* («Сырхыдзуар») (транскрипция и транслитерация) + ‘Церковь рожи’ / ‘Church of the erysipelas disease’ (калькирование) + ‘церковь Божества, охраняющего от заразных болезней, эпидемий’ (экспликация).

В ряде случаев калькирование экклезионима осуществляется с заменой квалитативного дескриптора на посессивный, при этом фиксируется полная утрата мотивированности экклезионима. Так, *Тирис Монастери* — экклезионим грузинской этимологии, где квалитативный дескриптор *тирис* (‘рыхлый’) обозначает фактуру камня-песчаника, из которого построен монастырь, — калькируется средствами ПЯ с заменой на посессивный дескриптор ‘Тирский’ / ‘Tir Monastery’, что приводит к полной утрате мотивированности данного экклезионима.

Наконец, квалитативный дескриптор *Лалисайы* (‘рубиновый, корундовый’ (по названию драгоценных камней, которыми была украшена икона Святого Георгия, находившаяся в данной церкви)) в экклезиониме *Лалисайы Дзуар* переводится посессивным дескриптором ‘Святилище Лалиса/Лалисы’ (ПЯ1) и ‘Lali sanctuary’ (ПЯ2), что также приводит к полной утрате мотивированности экклезионима.

Список источников

1. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. — М. : Изд-во АН СССР, 1949. — Т. I. — 601 с.
2. Абаев В. И. Избранные труды: религия, фольклор, литература. — Владикавказ : Ир, 1990. — 640 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М. : Сов. энцикл., 1966. — 608 с.
4. Бесолова Е. Б. Об одном ритуале, связанном с мифом творения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 9-1 (63). — URL : https://cyberleninka.ru/article/n/ob-odnom-rituale-svyazannom-s-mifom-tvoreniya (дата обращения: 18.07.2023).
5. Бесолова Е. Б. Этнокультурное влияние предков осетин на формирование мифологических, эпических и культурных систем народов Европы // Kavkaz-Forum. — 2021. — № 6 (13). — С. 26–38.
6. Бигулаев Б. Б., Гагкаев К. Е., Кулаев Н. Х., Туаева О. Н. Осетинско-русский словарь. — Орджоникидзе : Ир, 1970. — 720 с.

7. Большой персидско-русский, русско-персидский словарь онлайн. — URL : http://farhang.ru/ (дата обращения: 18.07.2023).

8. Бугаева И. В. Агионимы в ономастическом пространстве русского языка // Слово : образовательный портал. — URL : https://www.portal-slovo.ru/philology/45446.php (дата обращения 18.07.2023).

9. Гарусова Е. В. Интерпретативные позиции переводчика как причина вариативности перевода : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.20. — Тверь, 2007. — 16 с.

10. Грузинско-русский словарь Нико Чубинашвили. — URL : https://classes.ru/all-georgian/dictionary-georgian-russian-ch-term-5534.htm (дата обращения: 26.07.2023).

11. Грузинско-русский словарь онлайн. — URL : https://glosbe.com/ka/ru (дата обращения: 18.07.2023).

12. Дзадзиев А. Б., Дзуцев Х. В., Караев С. М. Этнография и мифология осетин : краткий слов. — Владикавказ, 1994. — 284 с.

13. Калоев Б. А. Осетины (историко-этнографическое исследование). — М. : Наука, 1971. — 358 с.

14. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. — М. : ЭТС, 2002. — 424 с.

15. Мифы народов мира : энцикл. / гл. ред. С. А. Токарева. — М. : Рос. энцикл., 1994. — Т. 1 : А–К. — 671 с.

16. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. — М. : Наука, 1978. — 198 с.

17. Ремонтные работы в Тирском монастыре приостановлены // Sputnik : новостное агентство. — URL : https://sputnik-ossetia.ru/20150707/289707.html (дата обращения: 18.07.2023).

18. Руденко Б. Т. Грамматика грузинского языка. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. — 276 с.

19. Русско-английский словарь религиозной лексики : ок. 14 000 слов. ст. : ок. 25 000 англ. эквивалентов. — М. : РУССО, 2002. — 768 с. — URL : https://religion_ru_en.en-academic.com/1842/Богоматерь (дата обращения: 18.07.2023).

20. Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований. — М. : Изд-во ЛКИ, 2007. — 368 с.

21. Традиционный религиозный календарь осетин. Праздники в череде будних дней // Администрация президента Республики Южная Осетия : офиц. сайт. — URL : https://south-ossetia.info/tradicionnyj-religioznyj-kalendar-osetin-prazdniki-v-cherede-budnix-dnej/ (дата обращения: 18.07.2023).

22. Тришин В. Н. Словарь синонимов // Академик. — URL : https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/69641/лал (дата обращения: 18.07.2023).

23. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. — М. : Прогресс, 1986. — Т. 2 : Е–М. — 672 с.

24. Флоренский П. А. Имена. — СПб. : Азбука : Авалон, 2011. — 314 с.

25. Цховребова З. Д., Дзиццойты Ю. А. Топонимия Южной Осетии : в 3 т. — М. : Наука, 2015. — Т. 2 : Знаурский район; Цхинвалский район. — 603 с.

26. Националон кувæндон Монастер // Sputnik. — URL : https://sputnik-ossetia.com/20200629/Natsionalon-kuvndon-Monaster-ulrvty-raksgy-10786843.html (дата обращения: 18.07.2023).

27. Christmas // New Collegiate Dictionary. — URL : https://mwc.en-academic.com/10766/Christmas (дата обращения: 18.07.2023).

28. Newmark P. Round-table Discussion in the New Millenium // Translation Today: Trends and Perspectives / eds. G. Rogers. — Clevedon : Multilingual Matters Ltd., 2003. — Pp. 13–67.

References

1. Abaev V. I. *Osetinskij jazyk i fol'klor* [Ossetian language and folklore]. Moscow, Izdatel'stvo akademii nauk SSSR Publ., 1949, 601 p. (In Russian).

2. Abaev V. I. *Izbrannye trudy: Religija, fol'klor, literatura* [Selected works: Religion, folklore, literature]. Vladikavkaz, Ir Publ., 1990, 640 p. (In Russian).

3. Ahmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskih terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija Publ., 1966, 608 p. (In Russian).

4. Besolova E. B. On a Ritual Connected with the Creation Myth. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of theory and practice]. 2016, no. 9-1 (63). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-odnom-rituale-svyazannom-s-mifom-tvoreniya (accessed 18.07.2023). (In Russian).

5. Besolova E. B. Ethno-cultural influence of the ancestors of the Ossetians on the formation of mythological, epic and cultural systems of the peoples of Europe. *Kavkaz-Forum* [Caucasus-Forum]. 2021, no. 6 (13), pp. 26–38. (In Russian).

6. Bigulaev B. B., Gagkaev K. E., Kulaev N. H., Tuaeva O. N. *Osetinsko-russkij slovar'* [Ossetian-Russian dictionary]. Ordzhonikidze, Ir Publ., 1970, 720 p. (In Ossetian and Russian).

7. Bol'shoj persidsko-russkij, russko-persidskij slovar' onlajn. [Large Persian-Russian, Russian-Persian dictionary online]. Available at: http://farhang.ru/ (accessed 18.07.2023). (In Persian and Russian).

8. Bugaeva I. V. Hagionyms in the onomastic space of the Russian language. *Slovo: obrazovatel'nyy portal* [The Word. Educational Portal]. Available at: https://www.portal-slovo.ru/philology/45446.php (accessed 18.07.2023). (In Russian).

9. Garusova E. V. *Interpretativnye pozicii perevodchika kak prichina variativnosti perevoda* [Interpretive positions of the translator as the cause of the variability of translation]. Abstract of Ph. D. thesis, 10.02.20. Tver', 2007, 16 p. (In Russian).

10. *Gruzinsko-russkij slovar' Niko Chubinashvili* [Niko Chubinashvili Georgian-Russian Dictionary] Available at: https://classes.ru/all-georgian/dictionary-georgian-russian-ch-term-5534.htm (accessed 26.07.2023). (In Georgian and Russian).

11. *Gruzinsko-russkij slovar' onlajn* [Georgian-Russian dictionary online]. Available at: https://glosbe.com/ka/ru (accessed 18.07.2023). (In Georgian and Russian).

12. Dzadziev A. B., Dzucev H. V., Karaev S. M. *Jetnografija i mifologija osetin. Kratkij slovar'* [Ethnography and mythology of Ossetians. Concise Dictionary]. Vladikavkaz, 1994, 284 p. (In Russian).

13. Kaloev B. A. *Osetiny* (*istoriko-jetnograficheskoe issledovanie*) [Ossetians (historical and ethnographic study)]. Moscow, Nauka Publ., 1971, 358 p. (In Russian).

14. Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenije* [Modern Translation Studies]. Moscow, JeTS Publ., 2002, 424 p. (In Russian).

15. *Mify narodov mira. Jenciklopedija* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Moscow, Rossijskaja jenciklopedija Publ., 1994, vol. 1, 671 p. (In Russian).

16. Podol'skaja N. V. *Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. Ed. A. V. Superanskaja. Moscow, Nauka Publ., 1978, 198 p. (In Russian).

17. Repair work in the Tirsky Monastery has been suspended. *Sputnik: novostnoye agentstvo* [Sputnik. News Agency]. Available at: https://sputnik-ossetia.ru/20150707/289707.html (accessed 18.07.2023). (In Russian).

18. Rudenko B. T. *Grammatika gruzinskogo jazyka* [Grammar of the Georgian language]. Moscow, Leningrad, Izd. Akademii nauk SSSR Publ., 1940, 276 p. (In Russian).

19. *Russko-anglijskij slovar' religioznoj leksiki* [Russian-English dictionary of religious vocabulary]. Moscow, RUSSO Publ., 2002, 768 p. Available at: https://religion_ru_en.en-academic.com/1842/Bogomater (accessed 18.07.2023).

20. Superanskaja A. V., Staltmane V. Je., Podol'skaja N. V., Sultanov A. H. *Teorija i metodika onomasticheskih issledovanij* [Theory and methodology of onomastic studies]. Moscow, Izd-vo LKI Publ., 2007, 368 p. (In Russian).

21. Ossetian traditional religious calendar. Holidays in a succession ofweekdays. *Administratsiya prezidenta Respubliki Yuzhnaya Osetiya: ofits. sayt* [Administration of the President of the Republic of South Ossetia. Official Site]. Available at: https://south-ossetia.info/tradicionnyj-religioznyj-kalendar-osetin-prazdniki-v-cherede-budnix-dnej/ (accessed 18.07.2023). (In Russian).

22. Trishin V. N. Dictionary of synonyms. *Akademik* [Academic]. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/69641/lal (accessed 18.07.2023). (In Russian).

23. Fasmer M. *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka, v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language, in 4 vols.]. Moscow, Progress Publ., 1986, vol. 2, 672 p. (In Russian).

24. Florenskij P. A. *Imena* [Names]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., Avalon Publ., 2011, 314 p. (In Russian).

25. Tskhovrebova Z. D., Dziccojty Ju. A. *Toponimija Juzhnoj Osetii, v 3 t.* [Toponymy of South Ossetia, in 3 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 2015, vol. 2; Znaur region; Tskhinval region, 603 p. (In Ossetian and Russian).

26. National sanctuary Monaster. *Sputnik* [Sputnik]. Available at: https://sputnik-ossetia.com/20200629/Natsionalon-kuvndon-Monaster-ulrvty-raksgy-10786843.html (accessed 18.07.2023) (In Ossetian)Christmas. Available at: https://mwc.en-academic.com/10766/Christmas (accessed 18.07.2023).

27. Christmas. *New Collegiate Dictionary*. Available at: https://mwc.en-academic.com/10766/Christmas (accessed 18.07.2023).

28. Newmark P. Round-table Discussion in the New Millenium. *Translation Today: Trends and Perspectives*. Ed. G. Rogers. Clevedon, Multilingual Matters Ltd., 2003, pp. 13–67.

Информация об авторе

Бекоева Ирина Давидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Юго-Осетинского государственного университета имени А. А. Тибилова; заслуженный работник Высшей школы Республики Южная Осетия.

Information about the author

Bekoeva*, *Irina — candidate of philology, associate professor, English Chair, South Ossetia State University named after A. A. Tibilov; merited educator of Higher Education of the Republic of South Ossetia.

Статья поступила в редакцию 19.07.2023;
одобрена после рецензирования 27.07.2023;
принята к публикации 27.07.2023.

Submitted 19.07.2023;
approved after reviewing 27.07.2023;
accepted for publication 27.07.2023.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 3 (66). С. 75–84.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;3(66):75–84.

Научная статья
УДК 81'25
DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.009

Дискурсивное моделирование перевода: зачем переводчику дискурс [*]

Татьяна Александровна Волкова
Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова,
Нижний Новгород, Россия
tatia.volkova@gmail.com

Аннотация. В статье предложен краткий обзор подходов к анализу дискурса и переводческому анализу с целью продемонстрировать возможности применения категорий дискурса в процессе перевода на примере дискурсивно-коммуникативной модели и обосновать становление дискурсивного моделирования перевода как самостоятельного научного направления. Модель перевода и стратегия перевода рассматриваются в рамках единой системы, выстраиваемой с учетом уровней текста, дискурса, коммуникации и действительности. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода совмещает текстоцентрический (лингвистический), коммуникативный (функциональный) и когнитивно-деятельностный подходы, применима в письменном и устном переводе, дидактике и исследовании перевода. Отвечая на вынесенный в название статьи вопрос, автор описывает структуру и содержание модели, введенное в научный оборот понятие дискурсивного досье, схемы детерминации и разработки стратегии перевода.

Ключевые слова: текст, дискурс, коммуникация, действительность, институциональный дискурс, переводческий анализ, модель перевода, стратегия перевода, дискурсивно-коммуникативная модель перевода, дискурсивное досье, дискурсивное моделирование перевода.

Для цитирования: Волкова Т. А. Дискурсивное моделирование перевода: зачем переводчику дискурс // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 3 (66). С. 75–84. DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.009.

Original article

Discourse-based translation modeling: why translators need discourse

Tatiana A. Volkova
Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
tatia.volkova@gmail.com

[*] Статья подготовлена по материалам доклада на XIV Международной лингвистической конференции «Основные направления лингвистической и лингводидактической мысли в XXI веке (лингвистика, методика, перевод)» (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, 24–25 мая 2023 года).

© Волкова Т. А., 2023

Abstract. The article offers a brief overview of approaches to discourse analysis and translation analysis in order to demonstrate the possibilities of employing discourse categories in the translation process using the example of the discourse and communication translation model and to substantiate the development of discourse-based translation modeling as an independent line of research. The translation model and translation strategy form an integral system built around the levels of text, discourse, communication, and reality. The discourse and communication translation model combines text-focused (linguistic), communicative (functional) and cognitive activity approaches, and is applicable in translation and interpreting, translator and interpreter training, and translation research. Addressing the question posed in the title of the article, the author outlines the structure and content of the model, describes the original concept of a discursive profile, as well as a toolkit to determine and develop a translation strategy.

Keywords: text, discourse, communication, reality, institutional discourse, translation analysis, translation model, translation strategy, discourse and communication translation model, discursive profile, discourse-based translation modeling.

For citation: Volkova T. A Discourse-based translation modeling: why translators need discourse. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 3(66):75–84. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.009.

Введение

В статье эксплицировано направление исследований, связывающее три точки: дискурс, переводческий анализ и модель перевода. Мы обращаемся к методам изучения и основным характеристикам дискурса в целом и институционального дискурса в частности и релевантным схемам переводческого анализа, чтобы затем перейти к принципам организации и содержанию дискурсивно-коммуникативной модели перевода, описанию ее уровневой структуры и системы категорий и параметров на каждом из уровней, детерминирующих стратегию перевода.

Категории дискурса как объект и инструмент анализа

В зарубежных исследованиях рассматривается широкий спектр методов и подходов к анализу дискурса, традиционные и инновационные области: критический анализ дискурса (CDA, CDS), изучающий, по справедливому замечанию В. И. Карасика, «стратагемный дискурс» [Карасик, 2007, с. 431]; конверсационный анализ; когнитивные исследования дискурса, гендерные исследования дискурса, междисциплинарные исследования дискурса. Объектом исследования становятся нарратив, компьютерно-опосредованная коммуникация, мультимодальность, межкультурная коммуникация, мультикультурализм, лингвокреативность; устный дискурс, юмористический дискурс; институциональный дискурс, в частности академический (педагогический, учебный), деловой (бизнес-дискурс), политический, юридический, массово-информационный, рекламный. (Объекты исследования выделяются в соответствии с разными подходами к типологии дискурса.) Используются теоретические положения и методы антропологии, этнографии, психологии, паралингвистики, корпусной лингвистики, социолингвистики, семиотики, прагматики [Методы анализа … , 2009 ; Halliday, Webster, 2009 ; Hyland, Paltridge, 2011 ; Tannen, Hamilton, Schiffrin, 2015 ; Flowerdew, Richardson, 2018]. Отметим также расширение спектра исследуемых культур и языков [Chen, Rau, Rau, 2016 ; Shei, 2019].

Отдельного внимания заслуживают исследования, в фокусе которых оказываются и дискурс, и перевод [напр.: Hatim, Mason, 2014 ; Wang, 2019]. Выделяются структурно-лингвистический, коммуникативно-прагматический и социокультурный подходы, в рамках которых проводятся сопоставительные исследования исходного текста и текста перевода, дескриптивные и сопоставительные исследования текстов перевода, исследования процесса устного и письменного перевода [Wang, 2019, p. 617]. Теоретико-методологическую базу исследований составляют преимущественно системно-функциональная лингвистика; критический дискурс-анализ; прагматика, конверсационный анализ; исследования нарратива; корпусный анализ дискурса [Ibid.].

Традиционно уделяется внимание определениям и соотношению текста и дискурса, рассматриваемых в единстве и в оппозиции в разнообразных исследовательских контекстах. В целом дискурс может располагаться между двумя «полюсами» [Hyland, Paltridge, 2011, p. 1]: изучение отдельных случаев употребления языка (ср.: «единица, по размеру превосходящая фразу, высказывание в глобальном смысле» [Серио, 2002, с. 26]); дискурс как любая единица выше уровня предложения [Tannen, Hamilton, Schiffrin, 2015, p. 1]; изучение роли языка в формировании общественного устройства (ср.: дискурс как «лингвистическая единица общения, отражающая в себе дифференциальное многообразие картины мира, включающей… типизированные ситуации социального взаимодействия… участников социального взаимодействия… социальные нормы и конвенции… культурологические представления и формы» [Григорьева, 2007]).

Как следствие, предлагаются классификации дискурса по различным основаниям, например, «структурно-формальная» и «структурно-содержательная» [Кашкин, 2004, с. 20]; в русле социолингвистики, прагмалингвистики, лингвосемантики или структурного моделирования [Карасик, 2007, с. 336–337].

Значительный пласт исследований посвящен институциональному дискурсу. Как справедливо отмечает П. Серио, институт «накладывает ограничения на действие высказывательной функции; это может быть статус субъекта высказывания и статус адресата… типы содержания того, что можно и должно говорить… обстоятельства акта высказывания, законные для той или иной позиции» [Серио, 2002, с. 29].

Предлагая обзор подходов к определению дискурса [Карасик, 2002, с. 270–287], с точки зрения социолингвистики В. И. Карасик определяет дискурс как «общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации, например, институциональное общение» [Там же, с. 279]. Последнее представляет собой разновидность статусно ориентированного дискурса, который «может носить институциональный и неинституциональный характер, в зависимости от того, какие общественные институты функционируют в социуме в конкретный исторический промежуток времени» [Там же, с. 286]. Личностно ориентированный дискурс, в свою очередь, охватывает бытовой и бытийный — «художественный, философский, мифологический диалог» [Там же].

Е. И. Шейгал к основным параметрам институционального дискурса относит типичные ситуации общения, модели речевого поведения, тематику общения, интенции и стратегии [Шейгал, 2004, с. 42]. В. И. Карасик выделяет четыре группы признаков институционального дискурса — конститутивные признаки, признаки институциональности, признаки типа институционального дискурса, нейтральные признаки [Карасик, 2002, с. 424] — и предлагает следующую схему его описания: «типовые участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии [дискурса], жанры, прецедентные [культурогенные] тексты и дискурсивные формулы» [Там же, с. 300, 434].

Еще один взгляд на институциональное общение находим в концепции Э. Лакло и Ш. Муфф, которые выделяют два типа идентичности: «индивидуальную» — «субъект», «коллективную» — «группу» [цит. по: Филлипс, Йоргенсен, 2008, с. 79]. Э. Лакло и Ш. Муфф постулируют, что «дискурс сформирован… частичной фиксацией значений вокруг некоторых узловых точек» — «привилегированных знаков, вокруг которых упорядочиваются и приобретают свое значение другие знаки» [Там же, с. 57]. В процессе анализа идентичности необходимо определить субъектную позицию (индивидуальная, коллективная); выявить узловую точку, «вокруг которой организована идентификация»; определить, как узловая точка приобретает указанное значение, «приравнивая себя к одним знакам или противопоставляя себя другим знакам»; установить, как конкурируют дискурсы, определяя социальные группы [Там же, с. 80–81].

Перефразируя Л. Дж. Филлипс и М. В. Йоргенсен, заметим, что основу аналитических подходов к исследованию дискурса составляет положение о том, что реальность воспринимается нами «посредством языка», и именно «с помощью языка мы создаем [представления о] реальности, которые не просто отражают… но и конструируют ее» [Филлипс, Йоргенсен, 2008, с. 29]. Здесь важно подчеркнуть, что в процессе анализа дискурса изучению подлежат именно тексты [Орлова, 2013, с. 11 ; Федорова, 2013, с. 15], это позволяет «примирить» узкие и широкие трактовки дискурса и понимание текста как единицы перевода в современном переводоведении. Мы исходим из того, что переводятся именно тексты, а дискурс позволяет переводчику сложить существующую за текстом «картинку» [1].

В зарубежных исследованиях дискурса значительная роль отводится социосемиотическому подходу и системно-функциональной лингвистике М. Хэллидея. В частности, широко используется триада «поле дискурса» (field of discourse), «направление дискурса» (tenor of discourse), «форма дискурса» (mode of discourse) [2]. Поле дискурса понимается как тематика [Flowerdew, Richardson, 2018, p. 168], «обстановка общения» [Карасик, 2002, с. 286], «природа социального действия» [Вебер, 2004, с. 41]; направление дискурса — статус и отношения участников [Martin, 2011, p. 113]; форма дискурса — канал общения, прагматическая («риторическая») функция (например, убеждение) [Flowerdew, Richardson, 2018, p. 168]. Иными словами, поле — это ответ на вопрос «что происходит?», направление — «кто участвует?», форма — «как это происходит?» [Webster, 2009, p. 7].

Многоплановые исследования дискурса позволяют взглянуть на категории дискурса не только как на объект, но и как на инструмент анализа, в частности переводческого.

В современном отечественном и зарубежном переводоведении существует целый спектр концепций переводческого анализа, обзоры подходов представлены в ряде исследований [Кашкин, 2012 ;

[1] В терминах О. В. Петровой и В. В. Сдобникова, см.: [Петрова, Сдобников, 2012].

[2] Русскоязычная терминология здесь и далее приводится по: [Вебер, 2004, с. 41].

Княжева, 2012 ; Красильникова, 2012 ; Сдобников, Калинин, Петрова, 2019 ; Волкова, 2022]. В ходе переводческого анализа вырабатывается стратегия перевода; кроме того, переводчики и преподаватели перевода, пожалуй, единогласно признают переводческий анализ ценным дидактическим инструментом, в связи с чем многие схемы анализа описаны именно в учебной литературе [Бузаджи, Ланчиков, 2012 ; Псурцев, 2013 ; Скворцов, 2016].

Обратимся к примерам концепций, в которых в переводческий анализ включаются параметры дискурса.

Так, В. Б. Кашкин выделяет следующие «факторы, влияющие на понимание и перевод текста»: «коммуникативный (отправитель текста / получатель перевода, коммуникативная сфера и тип дискурса)»; «лингвокультурный (исходная/целевая культуры, фоновые знания и пресуппозиции)»; «функциональный (целевая аудитория, коммуникативный фокус, тип текста)»; «структурный (логическая структура, композиция)»; «семантический (концептуальная схема текста, метафоры и другие тропы, ключевые слова и доминанты)»; «дискурсный (микро- и макроструктура, референция, интертекстуальность)» [Кашкин, 2012, с. 85].

Н. Н. Гавриленко обозначает следующие параметры «переводческого анализа специального дискурса»: тема, подтемы высказывания; условия, обстоятельства создания высказывания; коммуникативные функции, цели дискурса; канал коммуникации; жанр дискурса; интердискурсивность; отправитель и получатель дискурса; «логико-смысловая структура» дискурса; главная и второстепенная информация высказывания; «социокультурные, социолингвистические, фоновые и лингвистические» характеристики дискурса [Гавриленко, 2010, с. 156–157].

Что касается переводческого анализа в русле востребованной в зарубежных исследованиях концепции М. Хэллидея, контекст (и текст) анализируется в следующих трех измерениях: коммуникативное измерение (поле, направление, форма), прагматическое измерение (интенция, речевые акты, импликатуры, инференции), семиотическое измерение (интертекстуальность, знаки, жанры, дискурсы, тексты) [Hatim, Mason, 2014, p. 169] — с учетом типа текста, композиции, средств когезии, тема-рематического членения [Hatim, Mason, 2014]. В русле социосемиотического и прагматического подходов предлагаются также схемы переводческого анализа мультимодальных текстов [Dicerto, 2018].

Мы развиваем и трансформируем схему описания институционального дискурса (В. И. Карасик), категории поля, направления и формы дискурса (М. Хэллидей), узловых точек дискурса (Э. Лакло, Ш. Муфф) в дискурсивно-коммуникативной модели перевода.

Дискурсивно-коммуникативная модель перевода

В настоящем разделе рассмотрены структура и основные принципы разработанной нами дискурсивно-коммуникативной модели перевода.

Выше мы упоминали концепции, постулирующие единство, соположенность текста и дискурса. Ю. Е. Прохоров описывает соотношение, которое легло в основу предлагаемой модели перевода: текст и дискурс являются «фигурами коммуникации» [Прохоров, 2006, с. 33]. «Коммуникация содержит три… составляющие: [материальную] фигуру действительности, в сфере которой и на основаниях которой осуществляется [коммуникация]; [интровертивную фигуру текста], обеспечивающую ее содержательно-языковую основу; [экстравертивную фигуру] дискурса, обеспечивающую содержательно-речевую основу… взаимодействия участников коммуникации [как представителей определенной лингвокультурной общности]» [Там же, с. 34–35]. Ю. Е. Прохоров очень наглядно сравнивает динамические отношения между текстом, дискурсом и действительностью с голограммой: «при эксплицировании одной из составляющих две другие имплицитно все равно будут содержаться в ней» [Там же, с. 35–36].

Мы представляем указанное соотношение графически в виде треугольника [3]. Именно эта базовая схема «текст – дискурс – коммуникация – действительность» служит основой, на которую накладываются категории, образующие дискурсивно-коммуникативную модель перевода.

Уровни, категории и взаимообусловленные параметры модели с учетом изменений по мере развития исследования представлены на рисунке 1.

Уровень текста охватывает дискурсивные характеристики исходного текста (авторство, адресность текста, нарратив), его лингвистические (лексико-семантические, синтаксические, стилистические, прагматические) особенности.

[3] Приводится в: [Волкова, 2010, с. 41 ; 2016, с. 82 ; 2022, с. 93].

Уровень дискурса включает цели, узловые точки, ценности дискурса, тематику (поле), участников (направление), хронотоп дискурса, интердискурсивность (полидискурсивность) [4].

Уровень коммуникации охватывает функции, типовые свойства и стратегии коммуникации.

Уровень действительности включает предметную ситуацию и предметную область, к которой относится исходный текст.

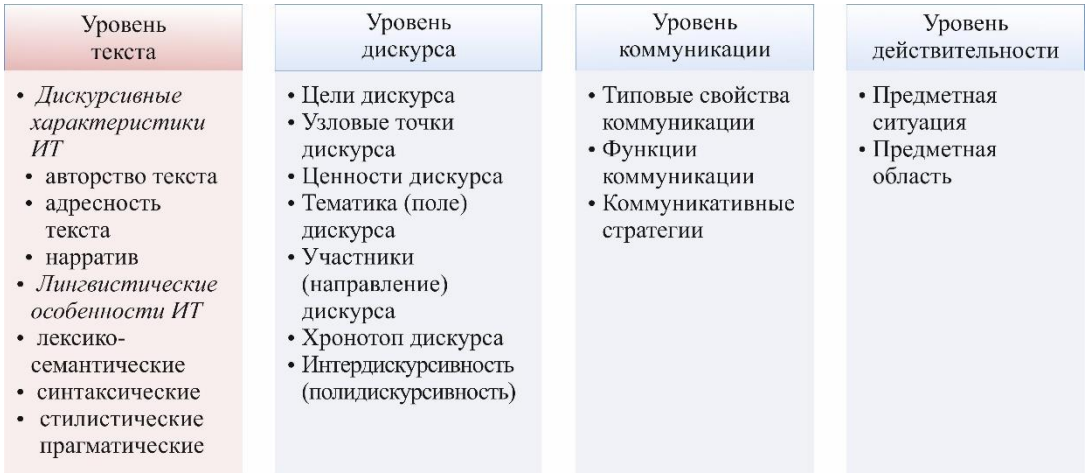

Рис. 1. Уровни, категории и параметры дискурсивно-коммуникативной модели перевода

Параметры модели закономерно взаимосвязаны: например, термины и лексико-семантические группы, отражающие различные области знания, входят в категорию лексико-семантических особенностей на уровне текста, соотносятся с тематикой (полем) на уровне дискурса, функциями и типовыми свойствами на уровне коммуникации и предметной областью на уровне действительности. Параметры «авторство» и «адресность» в дискурсивных характеристиках текста закономерно связаны с параметром «направление» на уровне дискурса. Узловые точки и ценности дискурса связаны с целями дискурса, прагматическими и стилистическими особенностями текста, функциями и типовыми свойствами коммуникации, тематикой на уровне дискурса, предметной ситуацией на уровне действительности.

По параметрам модели составляется *дискурсивное досье*, которое становится основой для формулирования (в устном переводе — прогнозирования) стратегии перевода и может использоваться для анализа результатов перевода. Досье составляется для конкретного исходного текста, однако может иметь типичные характеристики; возможны закономерности для нарратива или вида институционального дискурса [5].

Указанные уровни соответствуют двум группам переводческих решений: микростратегия перевода, макростратегия перевода. В основе стратегии перевода лежит следующая система (рис. 2):

1) общая установка переводчика;
2) макростратегия перевода (уровни дискурса, коммуникации, действительности);
3) микростратегия перевода (уровень текста).

Рис. 2. Схема детерминации стратегии перевода

[4] Мы понимаем каждый текст, отражающий институциональный дискурс, как потенциально интердискурсивный и полидискурсивный. Связующие точки — поле (тематика) и направление (участники) дискурса, цели и ценности дискурса, дискурсивные характеристики и лингвистические особенности отражаемого дискурсом текста, типовые свойства, функции и стратегии коммуникации — становятся признаком интердискурсивности в конкретном тексте либо, при наличии повторяющихся характеристик, — полидискурсивности в однотипных исходных текстах. Относительно автономной, не подверженной интердискурсивности (полидискурсивности) характеристикой дискурса остаются его узловые точки [Волкова, 2022, с. 182].

[5] Как справедливо отмечает В. И. Карасик, «институциональный дискурс характеризуется высокой степенью предсказуемости» [Карасик, 2007, с. 399].

Общая установка определяет как процесс, так и результат перевода и в равной степени охватывает четыре уровня модели. Выделение микро- и макростратегии перевода условно и представляет собой исследовательский прием, однако в ходе экспериментальной верификации модели в письменном переводе установлено, что вносимые на микроуровне и макроуровне изменения можно связать с тяготением переводчика к использованию микро- или макростратегии. Кроме того, микро- и макростратегия могут быть востребованы в устном переводе: спрогнозировать «точечные» решения на уровне текста, наметить более глобальные решения на уровне дискурса, коммуникации и действительности [Волкова, 2022]. Коммуникативное (переводческое) задание [6] определяет все действия переводчика, оставаясь внешним по отношению к модели параметром; в определенной степени смыкается, но не совпадает с общей установкой переводчика.

Мы придерживаемся *процедурного* понимания стратегии перевода. Стратегия перевода строится по схеме «особенности исходного текста — трудности перевода — переводческие решения — стратегия перевода»: в зависимости от параметров конкретного текста, коммуникативного задания, профессиональной подготовки переводчика и иных факторов из особенностей, выделяемых на каждом уровне модели [7], отбираются трудности, в отношении которых принимаются переводческие решения, образующие стратегию перевода (рис. 3). Трудности перевода могут быть окказиональными или типичными, носить объективный или субъективный характер.

Рис. 3. Схема разработки стратегии перевода

Стратегия перевода как система переводческих решений для конкретного текста носит открытый характер.

По итогам экспериментальной верификации [Волкова, 2022] модель представлена следующим образом (версия 3.0, рис. 4).

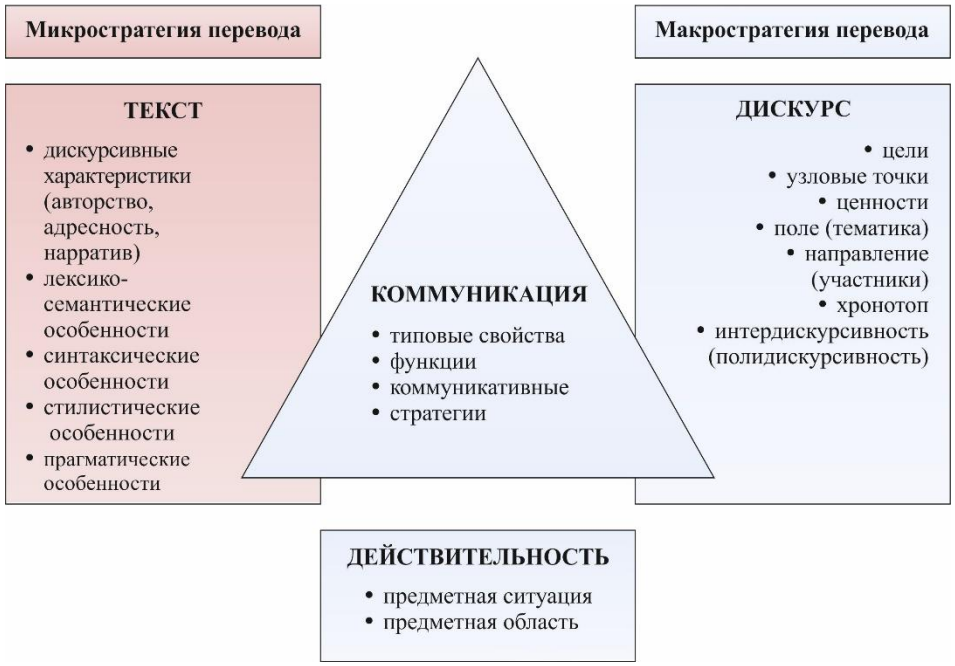

Рис. 4. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода (версия 3.0)

[6] Коммуникативное задание — И. С. Алексеева, translation brief — C. Nord, client's brief, translation task — D. Gile.

[7] Подчеркнем, что словосочетание «особенности исходного текста» не означает исключительно «текстовые (лингвистические) особенности».

Дискурсивно-коммуникативная модель перевода позволяет ответить на вопрос, вынесенный в название статьи, и служит отправной точкой для развития *дискурсивного моделирования перевода* (discourse-based translation modeling) как самостоятельного направления исследований.

Модель совмещает текстоцентрический (лингвистический), коммуникативный (функциональный) и когнитивно-деятельностный подходы.

В соответствии с разработанной нами типологией объяснительных моделей перевода [Волкова, 2016, 2022] дискурсивно-коммуникативная модель является интерпретативной, то есть определяет основания для действий переводчика.

Модель представляет собой многоуровневую систему, которая учитывает параметры дискурса, коммуникации, действительности, не ограничиваясь только текстовыми характеристиками, с одной стороны, и не снижая значимости уровня текста, с другой.

Модель перевода и стратегия перевода составляют в предлагаемой концепции единую систему: особенности исходного текста, выделяемые на каждом уровне, микростратегия перевода, макростратегия перевода объединяют дискурсивно-коммуникативную модель перевода и стратегию перевода.

Модель дает переводчику возможность опираться на существующие исследования по различным видам дискурса, индивидуальный и коллективный опыт; установить для множества конкретных случаев и типовых коммуникативных ситуаций институциональной сферы взаимосвязь параметров текста, дискурса, коммуникации, действительности и переводческих решений (с учетом индивидуального характера переводческих трудностей в каждом случае), а значит, сформировать пул стратегий перевода.

Комплексность и вариативность разных уровней модели, ее открытость к дополнительным параметрам по указанным уровням и адаптивность к условиям коммуникации позволяет применять модель к письменному переводу, устному переводу, обучению переводчиков и исследованию перевода (с учетом специфики каждого вида деятельности).

Список источников

1. Бузаджи Д. М., Ланчиков В. К. Текст. Анализ. Перевод : практикум. — М. : Р. Валент, 2012. — 199 с.
2. Вебер Е. А. Опыт лингвистического исследования когнитивного диссонанса в английском дипломатическом дискурсе : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04. — Иркутск, 2004. — 213 с.
3. Волкова Т. А. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода : моногр. — М. : Флинта : Наука, 2010. — 128 с.
4. Волкова Т. А. От модели перевода к стратегии перевода : моногр. — М. : Флинта : Наука, 2016. — 304 с.
5. Волкова Т. А. Дискурсивно-коммуникативная модель как система детерминант стратегии перевода : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20. — Н. Новгород, 2022. — 467 с.
6. Гавриленко Н. Н. Понять, чтобы перевести: перевод в сфере профессиональной коммуникации. Кн. 2. — М. : Науч.-техн. о-во им. акад. С. И. Вавилова, 2010. — 206 с.
7. Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты : моногр. — Тамбов : Изд-во Тамбовского гос. техн. ун-та, 2007. — 288 с. — URL : http://window.edu.ru/resource/733/56733/files/k_Grigoreva.pdf (дата обращения: 30.11.2021).
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : моногр. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с.
9. Карасик В. И. Языковые ключи : моногр. — Волгоград : Парадигма, 2007. — 520 с.
10. Кашкин В. Б. Дискурс. — Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2004. — 76 с.
11. Кашкин В. Б. Чтение текста для перевода: анализ, понимание, интерпретация, прогноз // Проблемы перевода, лингвистики и литературы : сб. науч. тр. — Н. Новгород : Нижегородский гос. лингвист. ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2012. — Вып. 15, т. 1. — С. 79–87.
12. Княжева Е. А. Переводческий анализ текста и качество перевода // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». — 2012. — № 1. — С. 170–174.
13. Красильникова Е. А. Обучение предпереводческому анализу текста как компонент профессиональной подготовки переводчиков // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. — 2012. — № 20. — С. 106–116.
14. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер [и др.] ; пер. с англ. — Харьков : Гуманитар. центр, 2009. — 356 с.
15. Орлова О. Г. Дискурсивная теория стереотипа : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19. — Кемерово, 2013. — 33 с.
16. Петрова О. В., Сдобников В. В. О зеленом соке и соленом электричестве. Чему и как учить будущих переводчиков // Мосты : журн. переводчиков. — 2012. — № 1 (33). — С. 69–76.

17. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс : учеб. пособие. — 2-е изд., испр. — М. : Флинта : Наука, 2006. — 224 с.

18. Псурцев Д. В. Стратегия перевода : пособие по письм. пер. с англ. яз. на рус. для завершающего этапа обучения. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Р. Валент, 2013. — 188 с.

19. Сдобников В. В., Калинин К. Е., Петрова О. В. Теория перевода. Коммуникативно-функциональный подход : учеб. — М. : Изд-во ВКН, 2019. — 512 с.

20. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / пер. с фр. и португ. ; общ. ред. и вступ. ст. П. Серио ; предисл. Ю. С. Степанова. — М. : ИГ «Прогресс», 2002. — С. 12–53.

21. Скворцов А. В. Предпереводческий анализ текстов на китайском языке : учеб. — М. : Изд-во ВКН, 2016. — 320 с.

22. Федорова О. В. Экспериментальный анализ дискурса: теория и практика : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. — М., 2013. — 45 с.

23. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. — 2-е изд., испр. — Харьков : Гуманитар. центр, 2008. — 352 с.

24. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004. — 326 с.

25. Chen Y. S., Rau D. H. V., Rau G. Email discourse among Chinese using English as a lingua franca. — Singapore : Springer, 2016. — 296 p.

26. Dicerto S. Multimodal pragmatics and translation: A new model for source text analysis. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2018. — 181 p.

27. Flowerdew J., Richardson J. E. The Routledge handbook of critical discourse studies. — NY : Routledge, 2018. — 656 p.

28. Halliday M. A. K., Webster J. J. Continuum companion to systemic functional linguistics. — L. : Continuum International Publ. Group, 2009. — 299 p.

29. Hatim B., Mason I. Discourse and the translator. — L. ; NY : Routledge, 2014. — 272 p.

30. Hyland K., Paltridge B. Continuum companion to discourse analysis. — L. : Continuum International Publ. Group, 2011. — 448 p.

31. Martin J. R. Systemic functional linguistics // Continuum companion to discourse analysis / ed. K. Hyland, B. Paltridge. — NY : Bloomsbury Publ., 2011. — Pp. 101–119.

32. Shei C. The Routledge handbook of Chinese discourse analysis. — NY : Routledge, 2019. — 700 p.

33. Tannen D., Hamilton H. E., Schiffrin D. The handbook of discourse analysis. — 2nd ed. — NY : John Wiley & Sons, 2015. — 992 p.

34. Wang B. Discourse analysis in Chinese interpreting and translation studies // The Routledge handbook of Chinese discourse analysis / ed. C. Shei. — NY : Routledge, 2019. — Pp. 613–627.

35. Webster J. J. An Introduction to Continuum Companion to Systemic Functional Linguistics // Continuum companion to systemic functional linguistics / ed. M. A. K. Halliday, J. J. Webster. — L. : Continuum International Publ. Group, 2009. — Pp. 1–11.

References

1. Buzadzhi D. M., Lanchikov V. K. *Tekst. Analiz. Perevod: praktikum po pis'mennomu perevodu s angliiskogo yazyka na russkii* [Text. Analysis. Translation: English-Russian translation practicum]. Moscow, R. Valent Publ., 2012, 199 p. (In Russian).

2. Weber E. A. *Opyt lingvisticheskogo issledovaniya kognitivnogo dissonansa v angliiskom diplomaticheskom diskurse* [Linguistic study of cognitive dissonance in English-language diplomatic discourse]. PhD thesis, 10.02.04. Irkutsk, 2004, 213 p. (In Russian).

3. Volkova T. A. *Diskursivno-kommunikativnaya model' perevoda* [Discourse and communication translation model]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2010, 128 p. (In Russian).

4. Volkova T. A. *Ot modeli perevoda k strategii perevoda* [From translation model to translation strategy]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2016, 304 p. (In Russian).

5. Volkova T. A. *Diskursivno-kommunikativnaya model' kak sistema determinant strategii perevoda* [Discourse and communication model as a system of translation strategy determinants]. Doctoral thesis, 10.02.20. Nizhny Novgorod, 2022, 467 p. (In Russian).

6. Gavrilenko N. N. *Ponyat', chtoby perevesti: perevod v sfere professional'noi kommunikacii. Kniga 2* [Understanding to translate: translating for professional communication]. Book 2. Moscow, Nauchno-tekhnicheskoye obshchestvo imeni akademika S. I. Vavilova Publ., 2010, 206 p. (In Russian).

7. Grigoryeva V. S. *Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmalingvisticheskii i kognitivnyi aspekty* [Discourse as an element of the communication process: pragmalinguistic and cognitive aspects]. Tambov, Tambov State University Publ., 2007, 288 p. Available at: http://window.edu.ru/resource/733/56733/files/k_Grigoreva.pdf (accessed 30.11.2021). (In Russian).

8. Karasik V. I. *Yazykovoi krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002, 477 p. (In Russian).

9. Karasik V. I. *Yazykovye klyuchi* [Language keys]. Volgograd, Paradigma Publ., 2007, 520 p. (In Russian).

10. Kashkin V. B. *Diskurs* [Discourse]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2004, 76 p. (In Russian).

11. Kashkin V. B. Reading for translation: text analysis, comprehension, interpretation, projections. *Problemy perevoda, lingvistiki i literatury* [Issues in translation, linguistics and literature]. Nizhny Novgorod, Linguistics University of Nizhny Novgorod Publ., 2012, no. 15, vol. 1, pp. 79–87. (In Russian).

12. Knyazheva E.A. Text analysis for translation and quality of translation. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya"* [Proceedings of Voronezh State University. Ser. "Linguistics and intercultural communication"]. 2012, no. 1, pp. 170–174. (In Russian).

13. Krasil'nikova E. A. Teaching pre-translation text analysis in professional translator training. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova* [Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin]. 2012, no. 20, pp. 106–116. (In Russian).

14. *Metody analiza teksta i diskursa* [Methods of text and discourse analysis]. S. Titscher, M. Meyer et. al. Transl. from English. Kharkov, Gumanitarnii Tsentr Publ., 2009, 356 p. (In Russian).

15. Orlova O. G. *Diskursivnaya teoriya stereotipa* [Discursive theory of stereotype]. Abstract of doctoral thesis, 10.02.19. Kemerovo, 2013, 33 p. (In Russian).

16. Petrova O. V., Sdobnikov V. V. On green juice and salty electricity: the whats and hows of training novice translators. *Mosty, zhurnal perevodchikov* [Bridges. Translators and interpreters' journal]. 2012, no. 1 (33), pp. 69–76. (In Russian).

17. Prokhorov Yu. E. *Deistvitel'nost'. Tekst. Diskurs* [Reality. Text. Discourse]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2006, 224 p. (In Russian).

18. Psurtsev D. V. *Strategiya perevoda: posobie po pis'mennomu perevodu s angliiskogo yazyka na russkii dlya zavershayushchego etapa obucheniya* [Translation strategy: English-Russian translation textbook for advanced students]. Moscow, R. Valent, 2013, 188 p. (In Russian).

19. Sdobnikov V. V., Kalinin K. E., Petrova O. V. *Teoriya perevoda. Kommunikativno-funkcional'nii podhod* [Translation theory. Communicative-functional approach]. Moscow, VKN Publ., 2019, 512 p. (In Russian).

20. Seriot P. How they read texts in France. *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of meaning: French school of discourse analysis]. Transl. from French and Portuguese. Moscow, Progress Publ., 2002, pp. 12–53. (In Russian).

21. Skvortsov A. V. Predperevodcheskii analiz tekstov na kitaiskom yazyke [Pre-translation analysis of Chinese texts]. Moscow, VKN Publ., 2016, 320 p. (In Russian).

22. Fedorova O. V. *Eksperimental'nyj analiz diskursa: teoriya i praktika* [Experimental analysis of discourse: theory and practice]. Abstract of doctoral thesis, 10.02.19. Moscow, 2013, 45 p. (In Russian).

23. Phillips L. J., Jorgensen M. W. *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis as theory and method]. Transl. from English. Kharkov, Gumanitarnii Tsentr Publ., 2008, 352 p. (In Russian).

24. Sheigal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004, 326 p. (In Russian).

25. Chen Y. S., Rau D. H. V., Rau G. *Email discourse among Chinese using English as a lingua franca*. Singapore, Springer Publ., 2016, 296 p.

26. Dicerto S. *Multimodal pragmatics and translation: A new model for source text analysis*. Basingstoke, Palgrave Macmillan Publ., 2018, 181 p.

27. Flowerdew J., Richardson J. E. *The Routledge handbook of critical discourse studies*. NY, Routledge Publ., 2018, 656 p.

28. Halliday M. A. K., Webster J. J. *Continuum companion to systemic functional linguistics*. L., Continuum International Publ. Group, 2009, 299 p.

29. Hatim B., Mason I. *Discourse and the translator*. L., NY, Routledge Publ., 2014, 272 p.

30. Hyland K., Paltridge B. *Continuum companion to discourse analysis*. L., Continuum International Publ. Group, 2011, 448 p.

31. Martin J. R. Systemic functional linguistics. *Continuum companion to discourse analysis*. Ed. K. Hyland, B. Paltridge. NY, Bloomsbury Publ., 2011, pp. 101–119.

32. Shei C. *The Routledge handbook of Chinese discourse analysis*. NY, Routledge Publ., 2019, 700 p.

33. Tannen D., Hamilton H. E., Schiffrin D. *The handbook of discourse analysis*. 2nd ed. NY, John Wiley & Sons Publ., 2015, 992 p.

34. Wang B. Discourse analysis in Chinese interpreting and translation studies. *The Routledge handbook of Chinese discourse analysis*. Ed. C. Shei. NY, Routledge Publ., 2019, pp. 613–627.

35. Webster J. J. An Introduction to Continuum Companion to Systemic Functional Linguistics. *Continuum companion to systemic functional linguistics*. Ed. M. A. K. Halliday, J. J. Webster. L., Continuum International Publ. Group, 2009, pp. 1–11.

Информация об авторе

Волкова Татьяна Александровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова.

Information about the author

Volkova, Tatiana — doctor of philology, associate professor, professor, Department of the English Language and Translation Theory and Practice, Linguistics University of Nizhny Novgorod.

Статья поступила в редакцию 03.06.2023;
одобрена после рецензирования 26.06.2023;
принята к публикации 28.06.2023.

Submitted 03.06.2023;
approved after receiving 26.06.2023;
accepted for publication 28.06.2023.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 3 (66). С. 84–92.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;3(66):84–92.

Научная статья
УДК: 81’255.2
DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.010

Деонтический модальный глагол как коррелят императива в аспекте перевода с русского на английский язык (на материале произведений писателей Русского Севера)

Мария Владимировна Дорофеева
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Архангельск, Россия
dorofeeva.m@edu.narfu.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования выборки микроконтекстов из художественных произведений авторов Русского Севера и их переводов на английский язык, отражающих взаимоотношения между императивными высказываниями и высказываниями, оформленными при помощи модальных глаголов с деонтическим значением, в аспекте перевода. Установлено, что с невысокой, но устойчивой частотностью прагматика императивных высказываний оригинального русскоязычного текста передается в английском переводе при помощи модальных глаголов *to have to, can, should, must, can* и т. д., что указывает на способность деонтического высказывания функционировать в качестве коррелята императива. Таким образом подтверждается идея о равноценности на семантическом, функциональном и прагматическом уровнях императивных и деонтических высказываний, проявляемой в определенных контекстах, что, в свою очередь, подтверждает возможность рассматривать императив в рамках деонтического дискурса. Описание случаев перехода императивного высказывания в высказывание с деонтическим модельным глаголом при переводе представлено в рамках категорий актов побуждения, оформленных при помощи императива.

Ключевые слова: литературный перевод, языковая модальность, деонтическая модальность, императивное высказывание, деонтическое высказывание, модальный глагол, литература Русского Севера, Ф. А. Абрамов, С. Г. Писахов, Б. В. Шергин.

Для цитирования: Деонтический модальный глагол как коррелят в аспекте перевода императива с русского на английский язык (на материале произведений писателей Русского Севера) // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 3 (66). С. 84–92. DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.010.

© Дорофеева М. В., 2023

Original article

Deontic modal verbs as correlates of imperatives in the aspect of Russian-to-English translation (the case of literary works by authors of Russian North)

Mariya V. Dorofeeva
Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia
dorofeeva.m@edu.narfu.ru

Abstract. This article presents the results of the survey of selected microcontexts from the literary works of the authors of the Russian North and their English translations representing relationships between imperative utterances and utterances formed with the use of various modal verbs in their deontic meaning. It is established that, with certain frequency, pragmatics of the imperative utterances from the original Russian texts are rendered in English translation by means of modal verbs, such as *to have to, can, should, must, can* etc. which indicates the ability of a deontic utterance to function as a correlate of an imperative. This confirms the idea of semantic, functional and pragmatic equality between imperative and deontic utterances, found in certain contexts, which, in its turn, confirms feasibility of considering the imperative as an element of the deontic discourse. The cases of rendering an imperative utterance as an utterance formed with a deontic modal verb in translation are presented within the framework of illocutive meanings formed by the imperative.

Keywords: literary translation, language modality, deontic modality, imperative utterance, deontic utterance, modal verb, literature of Russian North, Fyodor Abramov, Vladimir Lichutin.

For citation: Dorofeeva M. V. Deontic modal verbs as correlates of imperatives in the aspect of Russian-to-English translation (the case of literary works by authors of Russian North). *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 3(66):84–92. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.010.

В рамках отечественной лингвистической традиции термин «императив» чаще всего рассматривается как связанный с понятием повелительного наклонения [Матвеева, 2010, с. 125], которое, в свою очередь, характеризуется в широком смысле как грамматическая категория глагола, направленная на выражение волеизъявления говорящего по отношению к адресату [Там же, с. 223]. Чаще всего в русской речи глаголы в повелительном наклонении служат для выражения просьбы, приказа или какого-либо иного побуждения к действию по отношению к адресату, вследствие чего наиболее стандартной формой императива — так называемым «ядерным императивным высказыванием» [Чайкисова, 2010, с. 7] — принято считать повелительную форму глагола второго лица в единственном или множественном числе.

Позиция, которую императив занимает в системе видов и подвидов языковой модальности, является предметом споров исследователей, так же, как и сама эта система. Как известно, «…трудно найти двух авторов, которые понимали бы модальность одинаково» [Бирюлин, 1990, с. 67]. Дискуссионным представляется и вопрос о том, следует ли рассматривать побудительную модальность как самостоятельный вид модальности, как подвид модальности волеизъявления (волюнтативной модальности) или же как составной элемент деонтической модальности. Не существует единой точки зрения и на соотнесенность друг с другом всех перечисленных видов модальности.

В современной зарубежной лингвистике весьма распространен взгляд на модальность как на понятие, «подходящее к тем семантическим зонам, которые в качестве парадигматических вариантов включают в себя возможность и необходимость» [Auwera, 2003, p. 71]. На основании такого толкования большинство исследователей выделяют два основных типа модальности: эпистемическую и деонтическую. Эпистемическая модальность рассматривает возможность и необходимость (точнее, обязательность) действий и состояний с точки зрения уверенности говорящего в их реальности; деонтическая модальность позволяет судить об обязательствах и разрешенности/запретности тех или иных действий. Зачастую наравне с ними выделяют также динамическую модальность, выражающую возможность в аспекте способности, а также готовности того или иного субъекта совершать какое-либо действие или испытывать какое-либо состояние [Palmer, 2001, pp. 7–10]. Изучение различных классификаций модальности, используемых отечественными лингвистами, позволяет провести аналогии между эпистемической модальностью и субъективной модальностью в трактовке Г. А. Золотовой, согласно мнению которой субъективная модальность в речи выражается словами, отражающими разные степени уверенности и неуверенности говорящего в высказывании [Золотова, 1973, с. 148]. Деонтическая и динамическая модальности, в свою очередь, совпадают по семантическому содержанию с типом модальности, выражающим отношения между действием и его субъектом: желательность, необходимость, возможность и долженствование. Данный вид модальности в некоторых источниках именуется также ситуативным [Лопатюк, 2009, с. 5–6].

Побудительная модальность, выражаемая императивными формами глагола, в классификации Г. А. Золотовой имеет отношение и к так называемой первичной модальности, ирреалису — грамматической категории, чьи показатели позволяют описывать статус ситуации по отношению к реальному миру и которая не рассматривается во взаимосвязи с модальными отношениями между действием и субъектом. О множественности точек зрения на соотнесенность друг с другом деонтической модальности и модальности волеизъявления пишет А. В. Сытько, отмечая, помимо прочего, взгляды, согласно которым первая является разновидностью или же микрополем (наряду с императивностью и желательностью) второй [Сытько, 2019, с. 20].

Существуют и противоположные точки зрения. Т. П. Понятина, например, рассматривает модальность побуждения как частный случай деонтической модальности и не отвергает возможность включения компонента желательности в деонтическую модальность [Понятина, 2014, с. 400]. А. Г. Мухтаруллина, перечисляя со ссылкой на точку зрения А. Г. Баранова компоненты деонтической модальности, называет среди них приказы, просьбы и призывы [Мухтаруллина, 2011, с. 1050], которые в живой речи зачастую выражаются именно при помощи повелительного наклонения, то есть посредством центрального средства выражения побудительной модальности. О взаимосвязи императива и деонтической модальности, а также о возможности рассматривать первый в качестве элемента второй размышляет и Ф. Палмер, автор целого ряда фундаментальных научных трудов, посвященных вопросам модальности и грамматической категории наклонения [Palmer, 2001, pp. 80–81].

На наш взгляд, в качестве подтверждения соотнесенности формы повелительного наклонения и деонтической модальности на семантическом, прагматическом и функциональном уровнях может выступать использование деонтических высказываний (то есть изъявительных утверждений, включающих в себя модальный глагол со значением долженствования, необходимости, разрешения или запрета) при переводе с русского на английский язык различных речевых побудительных актов, выраженных в тексте оригинала при помощи императивных форм, реализуемых посредством повелительного наклонения во втором лице. Выбор подобного алгоритма действий переводчиками при переводе текстов, создаваемых северными авторами, говорит о поиске равноценности и о достижении определенной корреляции между высказываниями текста оригинала и перевода, что позволяет определить используемую переводческую стратегию как поиск «коммуникативной равноценности», при которой сохранение авторской идеи является основной целью перевода [Сдобников, 2011, с. 119].

Материалом для проверки гипотезы сохранения заложенной автором в тексте оригинала деонтической модальности при переводе путем перехода от побудительных структур к высказываниям с модальными глаголами послужили переводы на английский язык ряда произведений севернорусских авторов (Ф. А. Абрамова, С. Г. Писахова, Б. В. Шергина и В. В. Личутина), относящихся преимущественно к жанрам рассказа и повести. Среди отобранных методом сплошной выборки 1 037 случаев использования повелительного наклонения в текстах оригиналов (как в речи персонажей, так и в речи автора или рассказчика) их переход при переводе на английский язык в высказывания, содержащие модальный или маргинальный модальный глагол, был осуществлен 87 раз, то есть в 8,4 % случаев.

Следует отметить, что использование повелительного наклонения не обязательно подразумевает побудительность высказывания. Данную категорию в русском языке используют также для выражения повествовательности и сослагательности [Фортейн, 2008, с. 3]. В рассмотренном материале количество случаев такого использования повелительного наклонения составило около 18 %. Реализованными коррелятами данного употребления повелительного наклонения в рассматриваемых переводах являются формы с эпистемическим либо динамическим значением.

Приведем в целях наглядности несколько микроконтекстов из текстов оригиналов с их переводами:

(1) «Он сам попросил у бабы Сохи какой-нибудь выпивки, потому что такая тоска вдруг навалилась на него, так жалко вдруг стало Лиду, что *хоть криком кричи*» [Абрамов, 1982, с. 243]. — “He had asked Granny Sokha for a drink because of the depression that had overcome him; he felt so sorry for Lida that *he could have wept*.” [Abramov, 1986, p. 187].

(2) «А чего смешного? Сила лешья, ноги расставил — *хоть на телеге езжай*, и шея — столб» [Абрамов, 1982, с. 124]. — “What’s ridiculous about a man with the devil’s own strength, his legs planted so wide apart *you could drive in a cart between them*, his neck as thick as a telegraph pole.” [Abramov, 1986, p. 149].

Следует отметить, что модель построения высказывания вида *хоть* + глагол повелительного наклонения в русском языке относится к числу синтаксических фразеологизмов, причем повелительное наклонение в этой модели используется в своих дополнительных значениях — уступительном и условном [Лагузова, Прокопова, 2016, с. 8]. Контекстное значение фразеологизма из первого микроконтекста, указывающего на достижение субъектом некой предельной отметки отчаяния, после которой крик расценивается как адекватная реакция, в переводе приобретает модальность двойственного характера: глагол

could в нем можно рассматривать как реализующий эпистемическое (была вероятность, что субъект совершит действие *заплакать*) или динамическое значение (обстоятельства были таковы, что у субъекта, в целом не склонного к слезам, появилась способность совершать действие *плакать*). В переводе второго микроконтекста глагол *could*, на наш взгляд, задействован в динамическом значении возможности, обусловленной физическими характеристиками, хотя и следует отметить, что в данном случае физическая мощь, определяющая данную возможность, принадлежит не субъекту, а стороннему лицу, являющемуся предметом рассуждений со стороны говорящего.

Если исключить из корпуса примеров подобные употребления императивных форм для выражения эпистемической или динамической модальности, то количество случаев перевода побудительных актов речи, оформленных при помощи глагола в повелительном наклонении, посредством деонтических высказываний составляет 7,4 % (71 случай из 961).

Следующим шагом в алгоритме действий по отбору интересующих нас случаев станет исключение из оставшейся выборки примеров, когда в переводах модальный глагол используется в недеонтическом значении. Приведем также лишь несколько примеров:

(3) «А терпежу нету — *выписывай командировку*. В два счета слетаю» [Абрамов, 1982, с. 75]. — “If you haven’t the patience to bide, *I can go for you*. Right away, I can.” [Abramov, 1986, p. 95].

(4) «*Подумай-ко*, что на уме у старого человека? Урваиха, чистая урваиха! У меня Максим такой же: все смешки да хаханьки — хоть потоп кругом» [Абрамов, 1982, с. 21]. — “*Can you imagine* an old person thinking like that? She’s an Urvay in skirts, a pure Urvay. My Maxim is of the same sort. He’d be laughing and joking in the middle of a flood.” [An Anthology of Russian Literature … , 2005, p. 545].

(5) «Так всем и *скажите,* что это от архангельского народу особенно уважение» [Писахов, 2015, с. 24]. — “*You could say* that this is an especially respectful treatment from the Arkhangelsk folks.” [Johansen, 2017, p. 91].

(6) «Полноте! Сама сейчас бегала флюгера смотреть. Поветерь дует вашим-то. Скорополучно домой *ждите*» [Шергин, 1983, с. 46]. — “Enough! I myself have just run to look at the weathercocks. The wind is favourable. *You can expect* our men to come back soon, safe and sound.” [Шергин, 2016, с. 26].

В микроконтекстах (3–6) повелительное наклонение используется с целью побудить адресата к какому-либо действию, впрочем, с разной степенью интенсивности. Так, в микроконтексте (4) можно наблюдать, по сути, речевой шаблон, призванный обратить внимание собеседника на примечательность сообщаемого факта, а не реальный призыв поразмыслить. Тем не менее в переводе микроконтекстов (3) и (4) реализуется, на наш взгляд, динамическая модальность. В первом говорящий сообщает адресату о способности и готовности выполнить действие (которое является закономерным следствием совершения адресатом действия, к которому говорящий призывал его в оригинале текста), во втором говорящий таким же шаблонным образом интересуется у собеседника о том, способен ли тот представить определенную ситуацию. Вопрос этот носит риторический характер, так как по своей прагматике предполагает отрицательный ответ. Микроконтекст (5) в переводе представляет собой указание на то, что для некоторого явления возможна (хотя и не обязательна) определенная характеристика, что можно рассматривать как реализацию эпистемической модальности. Также и в микроконтексте (6) эпистемическую модальность можно проследить в выражении говорящим высокой степени уверенности в том, что ситуация, обозначаемая пропозицией, станет реальной. В оригинальном тексте эта уверенность дает говорящему возможность озвучить мысль именно в форме императива.

После изъятия из рассмотрения указанных выше случаев необходимо обратиться к практикам использования модальных глаголов в деонтическом значении при переводе высказываний с императивными формами, что происходит в 5,6 % случаях использования в оригинальных текстах высказываний такого характера.

Частотность использования конкретных модальных глаголов для передачи повелительного наклонения выглядит следующим образом: *to have (got) to* — 14 случаев, *can* — 12, *should* — 8, *must* — 6, *to need to* — 5, *may* — 4, *could* — 3, *ought to* — 2.

Если принять во внимание, что категория повелительного наклонения присутствует как в русском, так и в английском языках, то получается, что показатель частотности использования модальных глаголов в деонтическом значении для передачи императивных высказываний, составляющий 5,6 %, является достаточно значительным, чтобы указывать на наличие равноценности или, во всяком случае, корреляции между исходными высказываниями в повелительном наклонении и высказываниями с деонтическими модальными глаголами в переводе. При этом наиболее убедительно реализация деонтической модальности обнаруживается благодаря контексту, например:

(7) «Видишь вон домину под красной щельей, с садом, как у помещика? К нему и *правь*» [Абрамов, 1982, с. 316]. — “See that mansion with a garden? That’s where *you should steer for*.” [Abramov, 1986, p. 268].

В данной ситуации водитель разъясняет клиенту путь до интересующего его места после выхода из машины. Иными словами, говорящий осуществляет по отношению к адресату, над которым не имеет никакой власти или реального влияния, бенефактивный, то есть совершаемый во благо адресату, акт инструктажа: если адресат прислушается к совету, то сможет достичь своей цели.

В коммуникативных ситуациях, отражаемых в нижеприводимых микроконтекстах, говорящие подчеркивают нежелательность и небенефактивность поведения третьих лиц (в обоих случаях субъекты действия, на которых с грамматической точки зрения направлено высказывание, не участвуют в диалоге, а являются агентами пересказываемой истории):

(8) «Ну, приезжие с перепугу платят по целковому. Впредь *не торгуйся*» [Писахов, 2015, с. 10]. — “And the visitors pay without any haggling fearing the worst. They *should know better* next time.” [Johansen, 2017, p. 100].

(9) «Ну, брал, дак с него и получай. *Не торгуй* по коммунизму» [Абрамов, 1982, с. 190]. — “Well, if he took it, collect from him then. *You shouldn’t trade* on the communist plan.” [Abramov, Reavey, 1963, p. 46].

Данный тип употребления императивных форм в текстах оригиналов, ввиду отсутствия между говорящими и субъектами действий отношений иерархии, позволяет также говорить об инструкции, задающей модель поведения, в рамках которой адресат может своими действиями избежать неприятной ситуации. Вообще, инструкция как тип направленного побудительного речевого акта, в рамках которого говорящий разъясняет адресату наиболее рациональный, целесообразный или предпочтительный способ поведения или сообщает, какое действие необходимо совершить, чтобы добиться какой-либо цели, среди рассматриваемых случаев перехода при переводе деонтически интерпретируемых высказываний с императивными формами к высказываниям в изъявительном наклонении с деонтически интерпретируемым сказуемым является наиболее частотной и составляет около 28 %.

Следующим по частотности (26 %) среди находящихся в собранном корпусе императивных высказываний, переведенных с привлечением модального глагола в деонтическом значении, выступает использование формы императива для выражения побудительного акта, интерпретируемого прагматически как призыв к действию. Его характерная особенность заключается в двухсторонней бенефактивности действия. Говорящий заинтересован в том, чтобы адресат выполнил действие, и полагает, что тот также должен быть в нем заинтересован, поскольку невыполнение данного действия может повлечь за собой негативные или нежелательные последствия для обеих сторон:

(10) «Только *ты не мешай* молодым-то, — стала она уговаривать Клавдию. — Смотри-ко, они, гулюшки, притихли, глаз со стыда поднять не могут» [Абрамов, 1982, с. 217]. — “’But *you shouldn’t spoil* the young people’s fun,’ she tried to persuade Klavdia. ‘Look at the little darlings there, how quiet they’ve become, their eyes fixed on the floor for shame.’” [Abramov, Reavey, 1963, p. 121].

В данном случае адресата — женщину, появившуюся на танцах в сельском клубе в нетрезвом виде и нарушающую общественный порядок, равный по статусу партнер по коммуникации (также жительница села, не являющаяся по отношению к собеседнице ни начальницей, ни старшей родственницей) просит проявить умеренность в поведении. Бенефактивность выполнения данного действия заключается в призыве к соблюдению нравственности по отношению к представителям молодежи, находящимся в клубе. Бенефактивность в данном случае следует трактовать не как личную, а как коллективную — разделяемую всеми членами данного сообщества.

Бенефактивность действия, на реализацию которого направлен призыв, может иметь диверсифицированный характер, то есть различаться для говорящего и для адресата, как это имеет место быть, например, в микроконтексте (11), где совершение действия «вспомнить важную дату» со стороны адресата (председателя колхоза) подтвердит его статус хорошего управляющего, а для говорящей — его собеседницы — выполнение им данного действия означает избавление от необходимости оправдываться.

(11) «— Что ты, ведь день-то сегодня наш, — сказала, улыбаясь, высокая старуха, еще довольно крепкая, прямая, с гладкими румяными щеками. *Вспомни* число-то» [Абрамов, 1982, с. 194]. — “’What’s the matter with you? This is our day,’ smiled a tall old woman with smooth pink cheeks, who was still strong and straight. ‘*You should remember* the date.’” [Abramov, Reavey, 1963, p. 57].

22 % рассматриваемых случаев приходится на реализацию побудительного акта требования, который характеризуется следующими факторами: 1) бенефициаром действия является только говорящий;

2) невыполнение данного действия адресатом может повлечь за собой некие негативные последствия, пусть даже и малозначимые:

(12) «Молодежи мало полновесного трудодня. Ей *подай* еще веселье» [Абрамов, 1982, с. 216]. — "It wasn't enough to give the young people a decent return for their day's work. *You had* also *to provide* them with amusement." [Abramov, Floyd, 1963, p. 144].

Бенефициаром в данном микроконтексте являются молодые сельские жители, которые, строго говоря, не озвучивали говорящему своих требований. Рассматриваемое высказывание в оригинале представляет собой заявление с их стороны, которое лишь воображает себе председатель колхоза, моделирующий в своем сознании происходящие в сельской жизни социальные процессы. Негативными последствиями в данном случае могут быть отъезд молодежи из села и, как следствие, нехватка рабочей силы, что оказывает прямое отрицательное влияние на сферу ответственности председателя колхоза.

В следующем микроконтексте, представляющем собой по форме коммуникации разговор между односельчанами, имплицируется негативное последствие — ухудшение отношения говорящего к адресату:

(13) «*Не стращай, не стращай* меня своим кощейным-то взглядом!» [Абрамов, 1982, с. 445]. — "And *you needn't think you can fritten me* wi' your glaring eyes!" [Abramov, 1986, p. 324].

Около 13 % случаев передачи побудительного по прагматике императивного высказывания при помощи модального глагола в деонтическом значении приходится на акт просьбы, отличающийся от акта требования тем, что негативные последствия от невыполнения запрашиваемого действия адресатом наступают прежде всего для говорящего:

(14) «Ну только я перечить отцу не могу. Не так воспитал. Это вы тоже *поимейте в виду*, товарищи…» [Абрамов, 1982, с. 195]. — "Only I can't contradict my father. I wasn't brought up like that. You *must* also *bear* that *in mind*, comrades." [Abramov, Reavey, 1963, p. 76].

Данный микроконтекст — часть разговора между жителем села и представителями администрации населенного пункта, требующими от него оказать влияние на отца, регулярно срывающего культурно-просветительские мероприятия в местном клубе. Отказ сделать это очевидным образом может повлечь за собой негативные последствия. Характерной особенностью данного персонажа, однако, является достаточно ироничное отношение к представителям власти, что, вероятно, и повлияло на выбор переводчиком глагола *must* для передачи акта просьбы с его стороны.

Еще один случай употребления глагола *must* для передачи просьбы можно увидеть в следующем микроконтексте:

(15) «Ну, а теперь *ты меня выручи*… Помоги… Ради бога, помоги…» [Абрамов, 1982, с. 87]. — "And now *you must help me*. Please, for God's sake help me!" [Abramov, 1986, p. 107].

В данном микроконтексте отчаявшийся отец просит о помощи своему сыну у женщины, которая находится по отношению к нему в определенной зависимости (она — колхозница, он — ревизор местного сельпо). До этого он делал ей ряд одолжений, сформировавших характер отношений между ними. Можно предположить, что именно данный контекст позволяет переводчику использовать глагол *must*, который в деонтической парадигме модальных глаголов английского языка обычно понимается как проявляющий максимальную степень долженствования, что, казалось бы, не соотносится с актом просьбы.

Оставшиеся случаи в рассматриваемой выборке микроконтекстов (около 5 %) приходятся на акт позволения, характерной особенностью которого является бенефактивность выполнения действия для адресата и отсутствие каких-либо последствий от невыполнения им данного действия для говорящего. Подобные характерные черты мы можем наблюдать в следующей паре микроконтекстов оригинала и перевода:

(16) «Бывало, мама-то идет, ребятишки возле взрослых шалят: "Тише вы, бесенята! Василиса Милентьевна идет"» [Абрамов, 1982, с. 25]. — "Times, when Ma was passing and the childer was being naughty their elders'd tell them, 'Quiet, you imps, Vasilissa Milentyevna's coming.'" [Abramov, 1986, p. 39].

(17) «А когда пройдет мимо: "Ну, теперь *дичайте*. Хоть на голове ходите"» [Абрамов, 1982, с. 25]. — "And when she'd passed they'd say, 'Now *you can go wild*, stand on your heads if you want.'" [Abramov, 1986, p. 39].

Очевидно, что дети, о которых идет речь в микроконтексте (17), стремятся к активным играм, которые описываются глаголом *дичать* и на которые взрослыми был наложен запрет в микроконтексте (16). Отмена запрета является бенефактивной для них, однако для матерей ситуация, в которой дети предпочитают продолжать воздерживаться от слишком активных игр, не может повлечь за собой негативных последствий. Модальный глагол *can* в тексте перевода эксплицирует в данном употреблении

разрешительный характер речевого акта. Использование императива в тексте перевода в данной ситуации могло бы затруднить англоязычному читателю интерпретацию характера побудительности в данном высказывании в аспекте желательности действия со стороны говорящего.

Примечательными в контексте использования модальных глаголов для перевода побудительных высказываний, построенных с помощью повелительного наклонения и отражающих деонтическую ситуацию, являются изменения смысловых оттенков текста, которые может повлечь за собой тот или иной выбор переводчика. Произведение, в котором содержится приведенный ниже микроконтекст, имеет два перевода на английский язык, и в каждом из них содержащееся в императивной форме оригинала указание на деонтическую ситуацию передается в переводе посредством использования высказывания с модальным глаголом. В результате наблюдаются некоторые изменения в передаваемом смысле:

(18) «И ты еще мне колхозную справку выписал? На, мол, *получи деньги* по аккредитиву» [Абрамов, 1982, с. 212]. — "Moreover you wrote me out a certificate from the kolkhoz? Here you are, so to speak — *you can draw money* on this authority." [Abramov, Floyd, 1963, p. 129]. — "And you wrote out a kolhoz reference for me? In it you said *I could draw some money* on account!" [Abramov, Reavey, 1963, p. 105].

В данном случае и адресат (председатель колхоза), и говорящий (один из подчиненных ему бригадиров) являются бенефициарами действия «получить деньги», так как предполагается, что на них бригадир сможет приобрести необходимые для ремонта колхозной техники запчасти. Колхозная справка, выступавшая в роли удостоверения личности для жителей колхоза, покидавших его пределы, в переводе, выполненном Дж. Риви, стала более частным видом документа, используемого в финансовых расчетах между колхозом и городским банком, из-за чего дальнейшее развитие ситуации (неприятный опыт, переживаемый бригадиром вследствие того, что сотрудница банка в городе не посчитала данную справку полноценным удостоверением личности) частично утрачивает свой контекст. С другой стороны, поскольку ситуация с паспортизацией колхозников явно относится к культурным реалиям, с которыми может быть не знаком представитель культуры англоязычных стран, данное изменение, возможно, является намеренным, призванным упростить понимание конфликта читателем.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что использование модальных глаголов в их деонтическом значении при передаче императивных высказываний на английском языке обусловлено наличием в большинстве побудительных речевых актов деонтических компонентов разрешения, запрета или долженствования, причем последнее определяется фактором бенефактивности (и, как следствие, желательности) действия, на реализацию которого направлен побудительный акт. Примечательно, что обратное действие — перевод с русского языка высказываний с деонтическим модальным предикатом на английский при помощи императива — встречается намного реже (всего 8 случаев среди всех рассмотренных в рамках исследования отобранных текстов), что свидетельствует об асимметрии в семантической, функциональной и прагматической соотносимости побудительной/волеизъявительной модальности и понятиями запрета, разрешения и долженствования.

Список источников

1. Абрамов Ф. А. Трава-мурава: повести и рассказы. — М. : Современник, 1982. — 557 с.
2. Бирюлин Л. А., Корди Е. Е. Основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. — Л. : Наука : Ленинградское отд-ние, 1990. — С. 67–71.
3. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. — М. : Наука, 1973. — 351 с.
4. Лагузова Е. Н., Прокопова О. Н. Синтаксические фразеологизмы с союзом хоть в современном русском языке // Верхневолжский филологический вестник. — 2016. — № 2. — С. 8–10.
5. Лопатюк М. В. Ситуативная модальность в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и в его испаноязычном переводе: функционально-семантический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01, 10.02.19. — Калининград, 2009. — 24 с.
6. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. — Ростов н/Д. : Феникс, 2010. — 562 с.
7. Мухтаруллина А. Р. Деонтическая модальность в англоязычном художественном дискурсе // Вестник Башкирского университета. — 2011. — Т. 16, № 3-1. — С. 1049–1051.
8. Писахов С. Г. Морожены волки: сказки. — СПб. : Речь, 2015. — 142 с.
9. Понятина Т. П. Побудительная модальность в художественной коммуникации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2014. — № 2-2. — С. 399–402.
10. Сытько А. В. Понятийное содержание воли в деонтической семантике // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. «Филология, педагогика, психология». — 2019. — № 2. — С. 15–22.

11. Сдобников В. В. Коммуникативная ситуация как фактор определения стратегии перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. — 2011. — № 14. — С. 114–124.

12. Фортейн Э. Полисемия императива в русском языке // Вопросы языкознания. — 2008. — № 1. — С. 3–24.

13. Чайкисова А. В. Когнитивно-прагматический анализ побудительной модальности и средств ее выражения в современном английском языке : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. — Иркутск, 2010. — 18 с.

14. Шергин Б. В. Запечатленная слава: поморские были и сказания. — М. : Сов. писатель, 1983. — 382 с.

15. Шергин Б. В. Избранное. — Архангельск : Архангельский лит. музей, 2016. — 239 с.

16. Abramov F. The Dodgers / transl. by David Floyd. — L. : Flegon Press, 1963. — 174 p.

17. Abramov F. The New Life: a Day on a Collective Farm / transl. and with an intr. by George Reavey. — NY : Grove Press, 1963. — 135 p.

18. Abramov F. A. The Swans Flew by and Other Stories. — Moscow : Raduga, 1986. — 349 p.

19. An Anthology of Russian Literature from Earliest Writings to Modern Fiction. — Armonk : Sharpe, 2005. — 587 p.

20. Auwera J. van der. Modality // International Encyclopedia of Linguistics. Vol. 3. — 2nd ed. — Oxford : Oxford University Press, 2003. — Pp. 71–73.

21. Johansen L. A. Tradition and Novelty in Stepan Pisakhov's Tales. — Tromsø : UiT, 2007. — 125 p. — URL : https://munin.uit.no/bitstream/handle/10037/11204/thesis.pdf (дата обращения: 20.05.2023).

22. Palmer F. R. Mood and Modality. — Cambridge : Cambridge University Press, 2001. — 236 p.

References

1. Abramov F. A. *Trava-murava: povesti i rasskazy* [Young Grass: novels and short stories]. Moscow, Sovremennik Publ., 1982, 557 p. (In Russian)

2. Biryulin L. A., Kordi E. E. Main Types of Modal Meanings Highlighted in Linguistic Literature. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporalnost'. Modal'nost'* [Theory of Functional Grammar. Temporality. Modality]. Leninrad, Nauka Publ., 1990, pp. 67–71. (In Russian).

3. Zolotova G. A. *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [An Outline of Functional Syntax of Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 351 p. (In Russian).

4. Laguzova E. N., Prokopova O. N. Syntactical Phraseologisms with 'khot' Conjunction in Modern Russian Language. *Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik* [The Philological Bulletin of Upper Volga]. 2016, no. 2, pp. 8–10. (In Russian).

5. Lopatyuk M. V. *Situativnaya modal'nost' v romane F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" i v ego ispanoyazychnom perevode: funkcional'no-semanticheskij analiz* [Situative Modality in 'Crime and Punishment' Novel by F. M. Dostoyevsky and Its Spanish Translation: Functional and Semantic Analysis]. Abstract of Ph. D. thesis, 10.02.01, 10.02.19. Kalinigrad, 2009, 24 p. (In Russian).

6. Matveeva T. V. *Polnyj slovar' lingvisticheskih terminov* [The Complete Dictionary of Linguistic Terms]. Rostov-on-Don, Fenix Publ., 2010, 562 p. (In Russian).

7. Mukhtarullina A. R. Deontic Modality in English Literary Discourse. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [The Bulletin of Bashkir University]. 2011, Vol. 16, no. 3-1, pp. 1049–1051. (In Russian).

8. Pisakhov S. G. *Morozheny volki: skazki* [Frozen Wolves: fairytales]. Saint Petersburg, Rech Publ., 2015, 142 p. (In Russian).

9. Ponyatina T. P. Illocutive Modality in Literary Communication. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of N. I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod]. 2014, no. 2-2, pp. 399–402. (In Russian).

10. Syt'ko A. V. Conceptual Notion of Will in Deontic Semantics. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [Bulletin of I. Kant Baltic Federal University]. 2019, no. 2, pp. 15–22. (In Russian).

11. Sdobnikov V. V. Communicative Situations as a Factor of Identification of Translation Strategy. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova* [Bulletin of N. A. Dobrolyubov State Linguistic University of Nizhny Novgorod]. 2011, no. 14, pp. 114–124. (In Russian).

12. Forteyn E. Polysemy of Imperative in Russian Language. *Voprosy yazykoznaniya* [Lingustic Issues]. 2008, no. 1, pp. 3–24. (In Russian).

13. Chaykisova A. V. *Kognitivno-pragmaticheskij analiz pobuditel'noj modal'nosti i sredstv ee vyrazheniya v sovremennom anglijskom yazyke* [Cognitive-pragmatic Analysis of Illocutive Modality and Means of Its Expressions in Modern English Language], Abstract of Ph. D. thesis, 10.02.04. Irkutsk, 2010, 18 p. (In Russian).

14. Shergin B. V. *Zapechatlennaya slava: pomorskie byli i skazaniya* [Imprinted Glory: Pomor tales and legends]. Moscow, Soviet Writer Publ., 1983, 382 p. (In Russian).

15. Shergin B. V. *Izbrannoye* [Selected Works]. Arkhangelsk, Arkhangelsk Museum of Literature Publ., 2016, 239 p. (In Russian).
16. Abramov F. *The Dodgers*. Transl. from Russian D. Floyd. L., Flegon Press, 1963, 174 p.
17. Abramov F. *The New Life: a Day on a Collective Farm*. Transl. from Russian G. Reavey. NY, Grove Press, 1963, 135 p.
18. Abramov F. A. *The Swans Flew by and Other Stories*. Moscow, Raduga, 1986, 349 p.
19. *An Anthology of Russian Literature from Earliest Writings to Modern Fiction*. Armonk, Sharpe, 2005, 587 p.
20. Auwera J. van der. *Modality*. *International Encyclopedia of Linguistics*. Vol. 3. 2nd ed., Oxford, Oxford University Press, 2003, pp. 71—73.
21. Johansen L. A. *Tradition and Novelty in Stepan Pisakhov's Tales*. Tromsø, UiT, 2007, 125 p. Available at: https://munin.uit.no/bitstream/handle/10037/11204/thesis.pdf (accessed 20.05.2023).
22. Palmer F. R. *Mood and Modality*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001, 236 p.

Информация об авторе

Дорофеева Мария Владимировна — аспирант кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова.

Information about the author

Dorofeeva, Mariya — postgraduate student, Department of Translation and Applied Linguistics, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov.

Статья поступила в редакцию 30.06.2023;
одобрена после рецензирования 02.08.2023;
принята к публикации 04.08.2023.

Submitted 30.06.2023;
approved after reviewing 02.08.2023;
accepted for publication 04.08.2023.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 3 (66). С. 92–100.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;3(66):92–100.

Научная статья
УДК 81'25
DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.011

Особенности перевода православных богословских текстов на китайский язык: вопросы общего подхода и верификации

Тарас Викторович Ивченко
Институт лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, Институт классического Востока и античности НИУ ВШЭ, Москва, Россия
tarasivchenko@yandex.ru

Алексий (Хаджимурат) Юсупов
Китайское Патриаршее подворье, Москва, Россия
le.yusupov@gmail.com

Аннотация. В статье описывается процесс перевода одного православного богословского текста – «Основ социальной концепции Русской православной церкви». Этот текст широк по своему содержанию, непрост по языку и, как следствие, сложен для перевода. В процессе работы над переводом была сделана попытка на грамматическом, лексическом и стилистическом уровнях решить проблему адекватной передачи содержания оригинала и перейти к созданию китайского языка православной традиции, который бы отличался от языка переводов других христианских деноминаций.

© Ивченко Т. В., Юсупов А., 2023

Ключевые слова: Священное Писание, деноминация, православная традиция, терминологическая система, перевод «непереводимого».

Для цитирования: Ивченко Т. В., Юсупов А. Особенности перевода православных богословских текстов на китайский язык: вопросы общего подхода и верификации // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 3 (66). С. 92–100. DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.011.

Original article

On translating the Russian Orthodox Church theological texts into Chinese: the general approach and verification issues

Taras V. Ivchenko
Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, Institute of Classical East and Antiquity, Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia
tarasivchenko@yandex.ru

Aleksiy (Khadzhimurat) Yusupov
Moscow Patriarchate Mission (Podvorye), Moscow, Russia
le.yusupov@gmail.com

Abstract. The paper describes the process of translating an Orthodox theological text — "Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church". The text is broad in content, sophisticated in language, and, therefore, it offers a lot of challenges for translators. The translators attempted to solve the problem of adequate rendition of the content on the grammatical, lexical, and stylistic levels, and, consequently, to start developing the Chinese-Language lexicon for the Orthodox tradition, — a lexicon of its own, differing from the language of translations done by representatives of other Christian denominations.

Keywords: Holy Scripture, denomination, Russian Orthodox tradition, terminological system, translation of the "untranslatable".

For citation: Ivchenko T. V., Yusupov A. On translating the Russian Orthodox Church theological texts into Chinese: the general approach and verification issues. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 3(66):92–100. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.011.

Перевод православных текстов на китайский язык: некоторые предварительные замечания

Перевод православных текстов на китайский язык (включая Священное Писание, святоотеческую литературу и другие типы текстов) уже давно является важной частью миссионерской работы Русской православной церкви на Дальнем Востоке. После долгого перерыва эта работа возобновлена в совершенно новой языковой и культурной ситуации Китайской Народной Республики. Оставляя в стороне исторический, миссионерский и политический аспекты этого процесса, мы хотели бы сконцентрироваться на чисто языковых особенностях работы по переводу богословских текстов [1].

Для нового взгляда на данную проблематику имеются следующие основания.

Во-первых, в последнее время на китайском языке стала появляться переводная православная литература, являющаяся результатом усилий различных групп переводчиков. Эти группы работают во многом параллельно и далеко не всегда синхронизируют свои усилия. Системный анализ и сравнение этих переводов до настоящего времени еще не сделаны. По нашему мнению, возникла необходимость подведения итогов и оценки промежуточных результатов как переводов текстов в целом, так и переводов специальной богословской терминологии.

Во-вторых, остальные (неправославные) христианские деноминации на протяжении последних 70 лет продолжали активно работать над переводом Священного Писания и других текстов на китайский язык, но и эта работа еще не стала объектом последовательного сравнительного анализа. До сих появляются (и, очевидно, будут появляться) новые или обновленные переводы Священного Писания, а также новые редакции старых переводов. В предисловии к каждому скорректированному переводу

[1] Подробный анализ истории вопроса и различных имеющихся православных переводов Нового Завета на китайский язык сделан, в частности, в предисловии к новому изданию перевода Нового Завета на китайский язык, завершенного в 1910 году группой переводчиков 18-го состава Российской духовной миссии в Китае под руководством епископа Переяславского Иннокентия (Фигуровского), см.: [Новый Завет, 2021].

можно найти описание причин его обновления (например, старый вариант неточен и использует устаревший на данный момент вариант китайского языка) и общей переводческой стратегии (в частности могут упоминаться следующие принципы: следовать оригиналу; изменять перевод только при крайней необходимости, то есть в случае его непонятности; использовать современный (понятный) китайский язык и т. д.), однако все это не объясняет механизма (принципов) принятия новых переводческих решений *в каждом конкретном случае*. Так, наш собственный выборочный сравнительный анализ самого распространенного в Китае протестантского перевода Священного Писания, известного как Хэхэбэнь (和合本), с его новой исправленной редакцией Хэхэбэнь сюдинбань (和合本修訂版), не всегда с очевидностью демонстрирует большую точность и «гладкость» новой версии.

В качестве краткой исторической справки заметим, что перевод Хэхэбэнь (和合本) был осуществлен группой переводчиков, представлявших разные протестантские деноминации. За основу был взят *английский текст*. Работа, начавшаяся в 1890 году, длилась почти 30 лет. Текст перевода впервые был опубликован в 1919 году. Новая отредактированная версия, ставшая результатом 27-летних усилий группы теологов и переводчиков из Китая, Малайзии и Сингапура, вышла в 2010 году. За основу был взят не английский перевод, а *оригиналы на иврите* (5-е издание 1997 года) для Ветхого Завета и *на греческом* (4-е исправленное издание 1993 года) для Нового Завета. Чем руководствовались переводчики новой редакции, изменяя текст в каждом конкретном случае? Как принимали решение? Был ли это вопрос неправильного понимания оригинала предшественниками, или переводчики новой версии посчитали, что китайский перевод оказался не соответствующим нормам письменного китайского языка? Оказалась ли английская версия, взятая в 和合本 за основу, неточной или искажающей смысл оригинала? Подобных вопросов возникает немало.

В качестве иллюстрации приведем один пример. Конец Второго послания к Коринфянам (13:14), который в синодальном переводе звучит как «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общение Святого Духа со всеми вами. Аминь», как в Хэхэбэнь, так и в Хэхэбэнь сюдинбань переведен одинаковым образом: 愿主耶稣基督的恩惠、神的慈爱、圣灵的感动，常与你们众人同在！ (букв. ‘Пусть милость/благодать Господа Иисуса Христа, милость и любовь Бога, растроганность Святого Духа, вечно/постоянно будут с вами’). Вопрос в данном случае вызывает перевод слова «общение» (κοινωνία ‘отношение/общение (между кем-либо)’, характеризующееся чем-то общим для всех, участием всех) китайским глаголом 感动 ‘растрогать(ся)’ (букв. ‘ощущать и быть тронутым’), который, по мнению как российских, так и китайских переводчиков из нашей переводческой группы, абсолютно неуместен в данном контексте. Почему был выбран именно этот вариант? Почему он не был исправлен? Ведь группы переводчиков, работавшие в обоих случаях, были исключительно компетентны. Все это должно стать объектом системного анализа, если речь идет о подготовке новой версии перевода Священного Писания [2].

В-третьих, далеко не все переводческие решения, предлагаемые, например, католиками или протестантами, подходят для православной традиции (в частности перевод термина «Бог» как Шэнь (神) или Тяньчжу (天主), см. об этом: [Ивченко, Холкина, 2020]). Это означает, что необходима выработка собственного языка китайской православной традиции, и речь идет не только о богословских терминах, именах и названиях, но и о самом тексте Священного Писания. Владыка Иннокентий и другие главы православной миссии прекрасно понимали это и, опираясь на достижения иных деноминаций, работали над православным переводом, однако не все результаты их работы и переводческие стратегии (фонетическая передача русского варианта всех имен собственных и топонимов, конструирование новых «фонетических» иероглифов и т. д.) могут быть приняты в современных условиях.

В-четвертых, переводчики далеко не всегда до конца готовы раскрыть секреты своей «переводческой кухни», то есть конкретные детали самого процесса: кто был автором первоначальной версии перевода и как она появилась; переводил ли сначала иностранец, а китаец потом правил, или же иностранец переводил, пересказывал и устно комментировал Священное писание, а китайский переводчик слушал и придавал тексту письменную форму (так, например, работал над своим переводом архимандрит Гурий (Карпов), см.: [Новый Завет, 2021]); возможно, перевод осуществлялся носителем китайского языка от начала до конца без контроля и богословской редакции со стороны иностранного миссионера, который лишь комментировал текст на иностранном языке, и т. д. Зачастую мы не имеем такой информации по той простой причине, что не осталось никаких свидетельств (письменных или устных) о том, как

[2] Одну из попыток весьма поверхностного сравнительного анализа переводов Нового Завета см. в: [孙亚章(雅各)] [Сунь Ячжан (Яков)], 2003], где автор в послесловии подчеркивает, что из-за незнания языка оригинала может лишь сравнивать между собой английский и китайский переводы, что, естественно, не позволяет ему анализировать исправленный вариант перевода Хэхэбэнь Сюдинбань.

конкретно осуществлялся перевод, а самих переводчиков уже, к сожалению, нет в живых. Трудно найти такие подробности и в отношении современных переводов, хотя основные принципы перевода, например, в Институте перевода Библии, официально заявлены на сайте организации, в частности там написано: «Организуя перевод, Институт формирует переводческую группу, состоящую из переводчика — коренного носителя целевого языка, богословского, филологического и стилистического редакторов, лица, осуществляющего апробацию, консультанта по переводу и координатора переводческого проекта. Черновик перевода проходит несколько стадий редактирования, осуществляется апробация текста с носителями языка и внешнее рецензирование, на заключительном этапе работы опытный консультант по переводу проводит окончательную проверку и подписывает текст к печати» [Принципы перевода].

Принципы, сформулированные таким образом, проясняют общую ситуацию, но все равно оставляют много вопросов:

1) Каким образованием и религиозным опытом должен обладать «коренной носитель целевого языка»? Для китайского языка это принципиальный вопрос: образованный носитель с филологической базой и носитель с обычной школьной подготовкой владеют фактически разными китайскими языками и предъявляют разные требования к «литературности» текста.

2) Должен ли «богословский» редактор знать «коренной язык», и как он взаимодействует с «филологическим редактором»? Этот вопрос важен, например, при выборе среди вариантов перевода богословских терминов.

3) С какими «носителями коренного языка» происходит апробация? Что делать в том случае, если разные носители дали противоположные заключения о понятности и приемлемости текста перевода?

4) Каковы стадии редактирования и кто их осуществляет? Кто (и с каким уровнем подготовки) проводит окончательную сверку?

Учитывая насущность и обязательность экспликации любых переводческих решений и самого процесса перевода богословских текстов, мы решили поделиться своим опытом работы над переводом «Основ социальной концепции Русской православной церкви» (далее — ОСК), который осуществлялся силами и ресурсами Китайского подворья в Москве. Мы предполагаем, что организация самого процесса и взаимодействия между соработниками, его последовательность, образовательный уровень каждого из участников, отношения между переводчиками, успехи и неудачи и т. д. имеют принципиальное значение и должны быть интересны тем, кто, как и мы, пытается максимально близко и точно передать на китайском языке мысль текста-источника.

Хотелось бы также надеяться, что описание нашей работы подтолкнет остальных переводчиков к желанию поделиться анализом результатов своей.

Языковые и терминологические особенности текста ОСК: очевидные и предполагаемые трудности перевода

Прежде чем описывать сам процесс перевода, следует подробнее сказать о содержательных и языковых особенностях текста ОСК.

ОСК, изданные в 2000 году, представляют собой всеобъемлющую концепцию, выражающую общецерковный взгляд на вопросы церковно-государственных отношений и проблемы современного общества в целом. Более того, ОСК являются первым опытом структурированного изложения социального богословия Православной церкви. Именно поэтому перевод такого документа исключительно важен, а сложность его содержания и ответственность за точную передачу смысла представляют собой вызов для переводчика.

Текст ОСК, в связи с широтой охвата и сложностью проблематики, насыщен терминами и понятиями, находящимися на стыке различных гуманитарных, в том числе богословских, и естественнонаучных дисциплин. Такие термины отсылают к целым *предметным областям* и *логическим связям*, которые незнакомы не только предполагаемому китайскому читателю, но и, если можно так сказать, незнакомы *самому китайскому языку*. Попытка передачи нюансов семантических связей внутри такого текста путем их «адаптации» к языку или через упрощенное толкование, понятное простому китайскому читателю, может привести к искажению смысла оригинала.

Не факт, что многочисленные ссылки и комментарии прояснят текст, они, скорее всего (кстати, это показывает опыт и других текстов), отпугнут читателя и либо покажут ему, что он вообще «непригоден» к чтению такой литературы, либо отобьют желание к проникновению в глубину именно этого текста. Как не отпугнуть читателя и одновременно настроить его на серьезную работу с текстом?

Кроме того, необходимо учитывать, что данный текст, хотя и затрагивает светскую тематику, но написан церковным языком, то есть языком, отличающимся по своей лексике, структуре и стилистике от светских текстов. Так, например, для русского текста, написанного высоким стилем, характерны сложные предложения с изобилием причастных и деепричастных оборотов. Такой текст при буквальном (то есть сохраняющем синтаксическую структуру предложения) переводе становится совершенно непонятным, так как литературный и ритмично построенный китайский текст предполагает большую структурную простоту.

Рассуждая о переводе ОСК, мы говорим о китайском читателе как о некотором само собой разумеющемся «гомогенном» объекте, а ведь это совершенно не так. Китайский читатель имеет не только разный образовательный уровень, но и разную степень знакомства с богословскими текстами. Те, кто знакомы с таким типом текстов и регулярно читают Священное Писание, зачастую уже имеют сформировавшиеся «терминологические» предпочтения и привычки. Какому же читателю мы, в конечном итоге, должны адресовать свой перевод? Насколько наш перевод должен бросать вызов привычной для читателя/верующего терминологии, если она, по нашему мнению, не совсем (или совсем не) точна?

Все вышесказанное создает трудности при переводе ОСК не только содержательного и чисто филологического плана, но и проблемы социолингвистического характера.

Перевод ОСК: практика перевода «непереводимого»

Для работы над переводом ОСК была создана переводческая группа в следующем составе:

1) богословский редактор — иерей Алексей Юсупов, секретарь Китайского подворья, священнослужитель, который не только хорошо владеет китайским языком, но и регулярно ведет богослужения и читает проповеди по-китайски;

2) филологические редакторы — Т. В. Ивченко, знающий разговорный китайский язык и читающий на вэньяне, и несколько носителей китайского языка;

3) переводчики-носители языка, которые на разных этапах работали над переводом и редакцией текста; все переводчики имеют высшее филологическое образование, знакомы (в той или иной степени) с христианством, при этом некоторые из них являются православными; среди редакторов-китайцев есть православные верующие, не имеющие высшего образования (их юность попала на Культурную революцию), но они хорошо знакомы с богословскими текстами и регулярно их читают на русском и китайском языках.

Переводческая группа поставила перед собой и пыталась решить следующие задачи:

1. Было принято решение уйти от соблазна дословного перевода (самый легкий вариант) и сделать перевод литературным, то есть добиться такого перевода, который производил бы впечатление текста, изначально написанного на китайском языке, а не указывал бы явно на его иностранное происхождение, то есть не являлся бы синтаксической калькой с русского оригинала.

Опыт нашей работы показывает, что, чем лучше коренной носитель китайского языка знает русский язык и богословскую проблематику, тем больше он стремится синтаксически копировать русский текст, а так как русский текст синтаксически весьма сложен, то китайский перевод становится практически непонятен китайскому читателю без обращения к оригиналу или специального объяснения. Задача редакторов (китайских и русских), таким образом, сводилась к тому, чтобы текст, переведенный таким китайским переводчиком с русского и содержащий большое количество русских синтаксических калек, сделать по-настоящему китайским.

Для этого текст перевода в процессе редактирования был «апробирован» с разными носителями языка. Под апробацией следует понимать *многократное прочтение* всего текста *вслух*. Другими словами, под контролем российских редакторов китайский перевод был несколько раз полностью прочитан носителями языка с разным уровнем светского образования и богословской подготовки, при этом российские редакторы не только слушали текст и пытались выявить шероховатости, но и даже в случае одобрения текста китайским редактором пытались предлагать дополнительные, как им казалось, более точные варианты перевода. Процесс и результат работы можно проиллюстрировать на следующем отрывке (в таблице жирным шрифтом выделены все исправления: зачеркнуты удаленные фрагменты, подчеркнуты исправленные или вставленные фрагменты):

Вариант 1 показывает *вторую* правку перевода, сделанного китайским переводчиком ОСК и обсужденного с ним после прочтения вслух. При обсуждении этого варианта переводчик не смотрел в текст оригинала, а читал только свой перевод. Самым сложным оказался психологический момент:

переводчику было трудно признать, что он не совсем понимает (или совсем не понимает) текст, созданный им самим.

Вариант 2 демонстрирует дальнейшую сознательную работу (*третью* и *четвертую* правки), направленную на ликвидацию синтаксических «нагромождений» в китайском тексте и увеличение «комфортности» восприятия, то есть показывает целенаправленную «китаизацию» текста. В результате сложные синтаксические конструкции русского оригинала и китайского перевода были по возможности поделены на простые предложения, что, в частности, иллюстрируется предложением, маркированным словами 其一 (‘во-первых’) и 其二 (‘во-вторых’), чего нет в тексте оригинала.

Таблица

Сравнение оригинала ОСК и первого (Вариант 1) и второго исправленного (Вариант 2) вариантов перевода на китайский язык

Оригинал	Вариант 1	Вариант 2
Существует также форма церковно-государственных взаимоотношений, которая носит промежуточный характер между радикальным отделением Церкви от государства, когда Церковь имеет статус частной корпорации, и государственной церковностью. Речь идет о статусе Церкви как корпорации публичного права. В этом случае Церковь может иметь ряд привилегий и обязанностей, делегированных ей государством, не являясь государственной Церковью в собственном смысле слова.	1当然也存在**中间模式**的政教关系，2这种**模式处**于完全将教会从政府中排除出去、使教会只**具**有私法人地位，**与将其视为**国教**两者**之间。3这里**指**的是教会**具**有公法人地位。4在这种情况下，教会**就会**拥有一系列国家**授权**的特权和义务，5**但同时不具备真正意义上的国教地位**。	当然也存在**国家与教会关系的中间模式中间模式的政教关系**，**这种模式处于以下两种模式之间：** ***其*一，是教会享有国教身份，*其*二，将教会的身份定为私法人**——即将教会**完全将教会**从国家中**政府中完全分离排除**出去、**使教会只具有私法人地位，与将其视为国教两者之间**。符合中间模式的教会在法律体系中一般具有公法人身份。**这里指的是教会具有公法人地位**。在这种情况下，教会**就会**拥有**一系列**国家**授予授权**的特权和**国家指定的**义务，但**同时**不具备真正意义上的国教地位。

Не преследуя такую цель специально, мы фактически повторили способ перевода, использованный архимандритом Гурием (Карповым) (1814–1882) во время его работы над переводом Нового Завета. Сам архимандрит так описал процесс своего труда: «Я обыкновенно с Новым Заветом в руках ходил по комнате и диктовал, а Лун сидел за столом и записывал мой перевод». «Далее в течение двух лет при участии китайцев устраивались устные чтения. Слушатели пересказывали понятый ими текст, а архимандрит Гурий исправлял его, если перевод был понят неверно. Впоследствии участники этих слушаний корректировали получившиеся записи» [Новый Завет, 2021, с. 8, 9].

2. Наша совместная работа, как хотелось бы надеяться, позволила подойти к созданию «*усредненного*» языка перевода богословских текстов, то есть такого языка, который, с одной стороны, не уходил бы от содержания оригинала и не превращал бы его в искаженный пересказ, и, с другой стороны, не страдал бы буквализмом, превращаясь в результате в «некитайский» текст на китайском языке. Если рассматривать наш перевод в терминах известных критериев Янь Фу (严复), говорившего о достоверности, доходчивости и изящности (信达雅), то мы попытались взять за основу первые два, сосредоточив при этом внимание на доходчивости (达), то есть понятности перевода. Это неизбежно отразилось на синтаксисе предложений. Основными синтаксическими характеристиками такого «усредненного» языка мы бы считали следующие:

1) по возможности не употреблять осложненные атрибутивные конструкции с несколькими последовательными сложными определениями, которые следует заменять на последовательность нескольких словосочетаний или предложений;

2) по возможности не использовать последовательность осложненных сочинительных дополнений (предложение 2 в таблице);

3) по возможности избегать последовательности нескольких предлогов, местоимений и других служебных слов, для уяснения синтаксических отношений между которыми требуется несколько раз (как минимум два) прочитать предложение (например, в предложении 2 (табл.) как исключительно нежелательную мы рассматривали последовательность 与 (‘вместе’) 将 (маркер дополнения) 其 (‘его’) 视为 (‘рассматривать в качестве’) — ‘рассматривать это в качестве чего-либо’);

4) уделять внимание употреблению модальных глаголов, так как в русском тексте они часто не используются, для китайского же они являются одним из показателей видовременной отнесенности предложения;

5) несмотря на стремление к понятности, лучше отдавать предпочтение более литературной структуре предложения, стараясь избегать чисто разговорных конструкций.

3. В процессе перевода мы учитывали тот факт, что, кроме всего прочего, необходимо сделать текст терминологически понятным для китайского читателя, слабо знакомого с христианскими реалиями, то есть перевод не должен требовать от читателя большого объема специальных знаний. В итоге к переводу был добавлен справочный аппарат в виде списка собственных имен и кратких комментариев. Более того, часть комментариев была инкорпорирована в основной текст. Задача комментариев — органично вписаться в текст, не усложняя его понимание и не нарушая ритм чтения.

4. Особое внимание было уделено переводу христианских богословских терминов на китайский язык. И в этом случае также важно было найти золотую середину между поморфемным калькированием и вольной (на усмотрение переводчика) передачей смысла. Еще до работы над переводом было очевидно, что китайская терминология разных христианских деноминаций не только зачастую асинхронна (то есть менялась со временем), но и не всегда последовательна. Что же касается китайской православной терминологии, то она с самого своего зарождения, естественно, существовала в контексте переводов, сделанных католиками и протестантами. Традиция переводов Пекинской духовной миссии, во-первых, не вполне решила проблему выработки православной терминологии на китайском языке, и, во-вторых, к сожалению, была прервана.

В настоящее время в связи с возобновлением переводческой деятельности, в частности и на Китайском подворье, китайская православная терминология формируется заново. При переводе «Основ социальной концепции» использовался следующий способ выбора терминов:

1) На первом этапе выбирался наиболее точный китайский эквивалент среди уже имеющихся переводов, независимо от их деноминационной принадлежности; главное — логичность, обоснованность такого выбора и соответствие православному понимаю этого термина. Учитывалось также восприятие этого термина в современном «светском» китайском языке. Так, например, в качестве китайского эквивалента термина «Бог» был выбран термин 上帝 (обоснованию этого посвящена специальная статья, см.: [Ивченко, Холкина, 2020]).

2) Только в том случае, если среди имеющихся вариантов не находилось удовлетворительного решения, переводчики давали свой собственный вариант перевода, который потом многократно тестировался на носителях китайского языка, включая православных верующих. При выборе варианта учитывался фактор прозрачности и внутренней понятности его морфологической структуры, степень его «органичности» в лексической системе китайского языка, а также его системные отношения с остальными богословскими терминами.

Другими словами, в процессе перевода была сделана попытка выработать точную, логичную и последовательную терминологическую систему, которая бы исправляла некоторые изъяны уже сформировавшихся китайских богословских терминов.

В качестве примера можно привести термин «православие», который стандартно переводится, как мы считаем, не совсем правильно на китайский язык, а именно 东正教 (букв. ‘восточная правильная религия’). В этом термине нет отсылки к Христу или христианству, в связи с чем китайцы зачастую воспринимают православие как «языческую русскую религию». Иероглиф 东 (‘восток’) дезориентирует китайского читателя, так как в сознании китайцев вероисповедание россиян все же воспринимается как западная религия, то есть часть западной традиции, не имеющей, строго говоря, прямого отношения к Востоку. Именно поэтому в нашем переводе вместо устоявшегося термина 东正教 последовательно используется термин 基督正教 (букв. ‘истинное учение Христа, или истинное христианство’). Следует отметить, что данный термин не является сугубо нашей «инновацией», он также встречается в ряде современных переводов, осуществленных различными переводчиками Русской православной церкви и других православных церквей (Антиохийского Патриархата, Константинопольского Патриархата). Изменив термин «православие», мы, соответственно, предложили новый китайский эквивалент для термина «Русская православная церковь» — 俄罗斯基督正教教会 и его сокращенный вариант — 俄罗斯正教会.

Важным термином, требующим особого внимания при переводе, является «христианство», так как в китайской традиции он смешивается с понятием «протестантизм». В связи с этим нами был предложен такой термин, как 基督宗教 (букв. ‘христианская религия’) вместо привычного 基督教 (букв. ‘учение Христа’), нередко понимаемого как «протестантизм». Одновременно с этим термин «протестантизм» мы везде и без исключения передаем как 基督新教 (букв. ‘новое христианство’) — термин, также существующий в настоящее время, но редко употребляемый в КНР.

Особое внимание было уделено переводу цитат Священного Писания. В черновом варианте нашего перевода ОСК использовался перевод Нового Завета на классический китайский язык вэньянь [Новый Завет, 2021], что, по нашему мнению, должно было адекватно передавать канонический характер Священного Писания. Однако последующая работа заставила нас изменить свое мнение: китайские читатели, относясь с пиететом к вэньяню, не до конца его понимали. В результате было принято решение взять за основу современное протестантское издание Хэхэбэнь сюдинбань (Гонконг, 2011) как более понятный, распространенный и близкий к современному китайскому языку перевод Священного Писания, при этом приходилось исправлять неточности нового протестантского перевода.

Промежуточные итоги и некоторые выводы

Христианские богословские тексты остаются одними из самых сложных для перевода иностранных текстов, так как они не просто предлагают китайскому сознанию и культуре новые для них предметные области, но и должны быть вписаны в богатейший контекст китайской мысли. Всегда существует возможность понять что-то неправильно. Так, например, китайский перевод начала Евангелия от Иоанна, предлагаемый Хэхэбэнь (太初有道，道与神同在，道就是神。 — «В начале было Слово (в пер. ‘дао’), и слово было у Бога (в пер. ‘дао с духом были вместе’), и Слово было Бог» (в пер. ‘дао и есть дух’)), из-за использования традиционной китайской терминологии уводит китайского читателя в область мистического даосизма, что нельзя признать адекватным. Христианство терминологически должно занимать особое место внутри китайского языка.

Кроме того, христианская доктрина — это вопрос не только богословской теории, но и ежедневной (например, молитвенной) практики, а значит, на точность перевода накладываются особо строгие требования.

Наша работа над переводом ОСК подтверждает практическую состоятельность схемы работы, предложенной Институтом перевода Библии, но при этом существенно корректирует и дополняет ее. Предпринятый нами перевод богословских текстов имел, как правило, циклический характер: один и тот же текст переводился и редактировался несколько раз, причем каждая редактура происходила с разными носителями, сопровождалась коллективным прочтением всего текста вслух, не просто представляла собой стилистическую правку перевода, а существенно перерабатывала его.

Всем известно, что перевод — это не только лингвистический процесс, но и процесс психологический. Переводчики могут ошибиться, пропустить часть текста, устать и согласиться на недодуманный вариант перевода и т. д. Работа с разными носителями и активное подключение к работе российских редакторов были нацелены на уменьшение влияния этих факторов, главным среди которых оказалось нежелание коренных носителей признать непонятность или шероховатость китайского перевода.

Мы прекрасно осознаем основные недостатки нашей работы: это большие трудозатраты, слишком медленный темп работы и, как следствие, невозможность уложиться в поставленные сроки. Но, увидев качество, которое такой метод может дать, нам уже трудно согласиться на другой, более быстрый вариант перевода.

Список источников

1. Ивченко Т. В., Холкина Л. С. Перевод слова «бог» на китайский язык в православной традиции: лингвистический подход // Проблемы Дальнего Востока. — 2020. — № 1. — С. 139–147.

2. Новый Завет / пер. на кит. яз. Пекинской духовной миссии 1910 г. — М. : Изд-во РГГУ, 2021. — 497 с.

3. Принципы перевода // Институт перевода Библии. — URL : https://ibt.org.ru/ru/translation (дата обращения: 25.06.2023).

4. 孙亚章（雅格）牧师：圣经及其版本 [Сунь Ячжан, пастор. Священное Писание и его версии : дис. … магистра теологии, 2003]. — URL : http://www.b3927.com/2014/1379.html (дата обращения: 24.05.2023).

References

1. Ivchenko T. V., Kholkina L. S. Translation of the Word “God” into Chinese in the Orthodox Tradition: A Linguistic Approach. *Problemy Dal’nego Vostoka* [Issues of the Far East]. 2020, no. 1, pp. 139–147. (In Russian).

2. *Novyy Zavet* [New Testament]. Transl. into Chinese of the Beijing Spiritual Mission of 1910). Moscow, RSUH Publ. House, 2021, 497 p. (Introduction in Russian, the New Testament in Chinese).

3. Translation principles. *Institut perevoda Biblii* [The Bible Translation Institute]. Available at: https://ibt.org.ru/ru/translation (accessed 25.06.2022). (In Russian).

4. 孙亚章（雅格）牧师：圣经及其版本 [Sun James Yazhang (Pastor). The Bible and its versions. MRE, 2003]. Available at: http://www.b3927.com/2014/1379.html (accessed 24.05.2022). (In Chinese).

Информация об авторах

Ивченко Тарас Викторович — Ph. D. (Пекинский университет), профессор кафедры восточных языков Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; доцент Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ.

Иерей Алексий (Хаджимурат) Юсупов — магистр богословия, секретарь Китайского Патриаршего подворья.

Information about the authors

Ivchenko, Taras — Ph. D. (philology), professor at the Department of Oriental Languages, Institute of Linguistics; associate professor of Russian State University for the Humanities.

Yusupov, Aleksiy (Khadzhimurat) — priest, master of theology, Secretary of the Moscow Patriarchate Mission (Podvorye).

Статья поступила в редакцию 05.07.2023;
одобрена после рецензирования 18.07.2023;
принята к публикации 20.07.2023;

Submitted 05.07.2023;
approved after receiving 18.07.2023;
accepted for publication 20.07.2023.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 3 (66). С. 100–105.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;3(66):100–105.

Научная статья
УДК 81’25
DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.012

Понимание этимологии анатомических терминов как фактор в обучении специальному переводу

Майя Михайловна Лютянская
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия
m.lyutyanskaya@narfu.ru

Виктор Михайлович Лютянский
Северный государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, Архангельск, Россия
victorlut@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению метафорического способа терминообразования в контексте обучения специальному медицинскому переводу. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые проведен сопоставительный анализ метафорического потенциала терминов латинского, английского и русского языков на материале терминосистемы «Анатомия центральной нервной системы (ЦНС)». В результате анализа выборки терминов, полученной из справочника по международной анатомической терминологии, был сделан вывод о том, что терминология ЦНС в латинском языке образовывалась преимущественно метафорически. Английский и русский языки разными способами осуществляли заимствование латинских терминов: в русском языке преобладает калькирование и перевод метафоры, а в английском языке — прямое заимствование с сохранением исходной формы слова.

© Лютянская М. М., Лютянский В. М., 2023

Авторы статьи полагают, что при работе с медицинскими текстами на английском языке переводчикам необходимо обращение к этимологии анатомических терминов, чтобы понимать внутреннюю форму языковых единиц. При переводе специальных текстов переводчику очень важно не только правильное понимание термина и обозначаемого им научного понятия, но и умение запоминать большое количество новых понятий. Знание метафоры, лежащей в основе номинации и терминообразования, улучшает запоминание новых терминов и понимание заключенного в них значения, что повышает качество перевода.

Ключевые слова: специальный текст, медицинский перевод, анатомическая терминология, термин-метафора, этимология, заимствование.

Для цитирования: Лютянская М. М., Лютянский В. М. Понимание этимологии анатомических терминов как фактор в обучении специальному переводу // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 3 (66). С. 100–105. DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.012.

Original article

Understanding the etymology of anatomical terms as a factor in teaching translation of specialised texts

Maya M. Lyutyanskaya
Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia
m.lyutyanskaya@narfu.ru

Victor M. Lyutyanski
Northern State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Arkhangelsk, Russia
victorlut@gmail.com

Abstract. The present article considers the metaphorical method of term formation in the context of teaching specialized medical translation. The scientific significance of the study lies in the comparative analysis of the metaphorical potential of terms in Latin, English and Russian languages carried out on the material of the term system "Anatomy of the Central Nervous System (CNS)". The analysis of the sample of terms obtained from the international anatomical terminology reference book resulted in the conclusion that the terminology of CNS in Latin was formed mainly metaphorically. English and Russian languages borrowed Latin terms in different ways: in the Russian language calquing and translation of metaphor prevail, and in the English language – direct borrowing with preservation of the original form of the word.

The authors believe that when working with medical texts in English, translators need to refer to the etymology of anatomical terms in order to understand the internal form of linguistic units. When working with specialised texts, it is very important for the translator not only to have correct understanding of the term and the scientific concept it denotes, but also to be able to memorise a large number of new concepts. The understanding of metaphor, which is the basis of nomination and term formation, helps to memorise new terms and understand their meaning, which improves the quality of translation.

Keywords: specialised text, medical translation, anatomical terms, metaphoric term, etymology, borrowing.

For citation: Lyutyanskaya M. M., Lyutyanski V. M. Understanding the etymology of anatomical terms as a factor in teaching translation of specialised texts. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 3(66):100–105. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.012.

Введение

Постановка проблемы в контексте обучения переводу

Перевод специальных текстов, в частности медицинских, традиционно широко востребован на рынке переводческих услуг. Специальный текст фокусируется на ограниченной тематической области, его пользователи относятся к определенной профессиональной подгруппе, имеют широкие знания по основным понятиям и владеют профессиональной терминологией. Коммуникативная ситуация специального текста обычно более формальная, строгая, последовательная и недвусмысленная [Talavan, 2016, p. 12].

Ключевой особенностью специальных текстов является широкое использование терминологии, за счет чего мысль в таких материалах выражается предельно точно. Медицинская терминология в силу своих словообразовательных, структурных и семантических особенностей представляет особый пласт лексики, получивший широкое освещение в работах лингвистов (см. работы В. Ф. Новодрановой, М. Н. Чернявского, Е. В. Бекишевой, С. Л. Мишлановой и др.).

Первые научные труды по анатомии человека были написаны в Греции, затем созданный греческими учеными терминологический фонд был унаследован римлянами, а в словах латинского языка

сохранилось множество греческих корней. Область медицины обладает собственным богатым терминологическим фондом, описывающим человеческое тело, его функционирование, патологические процессы, методы заживления, облегчения боли, диагностики и лечения. Понимание внутренней формы слова, определение корня, аффиксов, из которых оно состоит, может способствовать лучшему пониманию выражаемого данным словом понятия.

Начинающему специалисту, будь то студент медицинского вуза или переводчик, работающий с медицинскими текстами, очень сложно освоить, запомнить весь комплекс новых терминов без понимания их значений. Лучший способ запоминания — это понимание смысла. Для переводчиков, работающих с медицинской тематикой и являющихся носителями или работающих с французским, итальянским и другими романскими языками, происхождение этих языков от латыни может быть большим преимуществом. Однако для переводчиков, работающих с английским языком, понимание соответствующего медицинского термина требует дополнительных знаний. Терминологическая работа не должна ограничиваться языком оригинала и языком перевода, наряду с предметной областью переводчику необходимо изучить этимологию термина.

Основная часть

Сопоставительный анализ терминов из терминосистемы «ЦНС»

В данном контексте особого внимания заслуживает метафора как способ терминообразования, а именно формирование нового терминологического значения по аналогии с фрагментом опыта, зафиксированным в семантике общеупотребительной лексической единицы.

На протяжении тысячелетий метафора рассматривалась как троп, средство украшения и повышения выразительности речи, но с началом развития когнитивного подхода к исследованию языковых явлений метафору стали рассматривать как основное средство человеческого мышления, способ познания окружающего мира.

Эффективность метафоры как инструмента для формирования и фиксации нового знания основана на универсальности процесса аналогии, сочетающего в себе как интуитивные, так и рациональные способы осмысления мира. В основе языковых метафор лежат концептуальные метафоры, построенные на основе когнитивных моделей.

Медицинская анатомическая терминология, сложившаяся на базе греческого и латинского языков, представляет особый интерес для когнитивных исследований, так как в этих языках терминообразование шло преимущественно метафорическим путем [Новодранова, 2008, с. 16]. Изучение метафоры в медицинской терминологии древних языков представляет большой интерес, так как позволяет увидеть особенности мироощущения античных врачей. Исследователи отмечают, что фундаментальным свойством анатомической терминологии является статическое отображение исследуемых объектов. Это обусловлено тем, что первые знания о строении человеческого тела, устройстве органов и систем ученые получали, изучая недвижимое тело. «Динамическая составляющая, присущая живому организму, оставалась на “периферии” познания» [Озингин, 2012, с. 11]. На начальном этапе формирования терминологии большое значение имеет субъективный человеческий опыт, влияние не научного, а обыденного восприятия мира. Вполне естественно, что в анатомических терминах-метафорах источником для них служили природные явления, окружающие человека, предметы, созданные человеком и используемые им в повседневной жизни, и, конечно, сам человек.

Для анализа в рамках настоящего исследования нами были отобраны терминологические единицы из раздела «Центральная нервная система» справочника по международной анатомической терминологии под редакцией Л. Л. Колесникова, в котором термины представлены на трех языках: латинском, английском и русском. Из общего числа рассмотренных терминологических единиц были отобраны термины-метафоры в латинском языке и их эквиваленты в английском и русском языках, которые проанализированы с точки зрения источника метафорического переноса.

Было выявлено несколько групп метафор, наиболее широко представлены: ландшафтная, архитектурная, артефактная, зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафоры. При формировании анатомической терминологии в латинском языке (равно как и в греческом) метафора выполняла гносеологическую и номинативную функции, позволяя сформировать терминологический аппарат для сохранения и передачи знаний о строении человеческого организма.

Проведенный анализ показывает, что унаследованная английским и русским языками анатомическая терминология не в полной мере сохранила метафоричность, свойственную латинскому языку. Английский язык в силу особенностей своего исторического развития содержит большое количество заим-

ствований из латинского языка. Латинский язык активно использовался на территории Британских островов на протяжении древнеанглийского и среднеанглийского периодов, но новый резкий рост заимствований связан с периодом XVI–XVII веков, когда латинский язык стал основным языком науки в Европе.

В медицинской терминологии английского языка слова англо-саксонского происхождения составляют только 5 % [Nybakken, 1959, p. 24]. При этом английский язык преимущественно шел по пути «истинных» заимствований (например, *pons, lamina*) или гибридизации терминов, то есть использования наряду с «неоклассическими» собственных морфем (лат. *medullaris* — англ. *medullary*). Это привело к тому, что для носителей английского языка или изучающих английский язык медицинские термины не обладают прозрачной внутренней формой. Исключением в нашей выборке могут служить термины, заимствованные в более ранние периоды и вошедшие в английский язык как в узком терминологическом, так и в общеупотребительном значениях, например, слова *tract* (лат. *tractus*), *column* (лат. *columna*), *fibre* (лат. *fibra*), *canal* (лат. *canālis*), *pyramid* (лат. *pyramis*), а также исконно английские (германские) слова, называющие части человека или животных и послужившие источником метафорического наименования структур и компонентов центральной нервной системы, например, *head* (лат. *caput*, рус. *головка*), *body* (лат. *corpus*, рус. *тело*), *tail* (лат. *cauda*, рус. *хвост*), *horn* (лат. *cornū*, рус. *рог*).

Гораздо чаще встречаются термины, где внутренняя форма слова не понятна в современном английском языке без обращения к этимологии, а именно терминам-метафорам в латинском языке. Рассмотрим некоторые примеры из разных сфер-источников.

1. ***Артефакты:***

1) *Lāmina* — ‘лист, пластинка (из металла, дерева и пр.), доска, плитка’; ‘полотнище (лента) пилы’ [Дворецкий, 1976]. В терминологии ЦНС *lamina* обозначает тонкий слой серого вещества, расположенный между полушариями большого мозга: лат. *lamina terminalis*, англ. *lamina terminalis*, рус. *терминальная пластинка*, а также разнородные анатомические структуры серого вещества спинного мозга: лат. *lamina spinalis*, англ. *spinal lamina*, рус. *спинномозговая пластинка*.

В толковых словарях английского языка слово *lamina* имеет только терминологическое значение в разных областях научного знания, например:

“– (biology) a layer or thin sheet of tissue;

– (medical) one of two curved parts at the back of a vertebra (= one of the bones in the back)” [Cambridge Dictionary].

2) *Amiculum* — ‘верхнее платье, плащ’ [Дворецкий, 1976]. В анатомии данное слово входит в состав двухкомпонентного термина *amiculum olivare* — слой нервных волокон, окружающих оливу. В английском языке термин имеет эквивалент *amiculum of olive*, при этом слово amiculum не фиксируется толковыми английскими словарями и встречается только в терминологическом значении в медицинских энциклопедиях. В русском языке данный термин согласно международной анатомической терминологии имеет эквивалент *оливный плащ*, где слово плащ обладает понятной для носителей русского языка внутренней формой и прозрачной метафорической природой.

2. ***Архитектурное сооружение.*** *Pons* — ‘мост, бревенчатый настил, подъемный мостик, корабельная палуба’ и т. д. [Дворецкий, 1976]. В английском языке слово pons не зафиксировано в словаре *Cambridge Dictionary*, в то время как в словарях *Merriam Webster Dictionary* и *Collins Dictionary* отражено только терминологическое значение этого слова: “Pons — (anatomy and zoology) a piece of connecting tissue; specif., the bridge of white matter at the base of the brain, containing neural connections between the cerebrum, cerebellum, and medulla oblongata” [Collins Dictionary].

Анатомический термин *мост* (*pons*) называет участок головного мозга, представляющий собой белый вал, соединяющий мозжечок и продолговатый мозг с полушариями большого мозга. Основой метафорического переноса послужила структурная и функциональная аналогия с архитектурным сооружением.

3. ***Особенности ландшафта.*** *Sulcus* — ‘борозда, пахота, ров, щель, складка, колея, изгиб’ [Дворецкий, 1976]. “Sulcus — a shallow furrow on the surface of the brain separating adjacent convolutions” [Merriam-Webster Dictionary]. Термин *борозда* входит в состав целого ряда двух- и трехкомпонентных терминов (например, лат. *sulcus anterolateralis*, рус. *передняя латеральная борозда*, англ. *anterolateral sulcus*) и называет углубления на поверхности полушарий головного мозга, разделяющие их на доли.

4. ***Антропоморфные метафоры*** являются интересными случаями метафорических переносов, источником переноса становятся видимые части тела человека. Например, латинское слово *genu*, имеющее значение ‘колено’, в анатомической терминологии обозначает выступающую округлую часть мозолистого тела, внешне напоминающую согнутое колено.

В английском языке слово *genu* было заимствовано из латинского языка с сохранением формы и фиксируется словарями либо только в узко терминологическом значении (“the bend in the anterior part of the corpus callosum” [Merriam-Webster]), либо получает описательное объяснение происхождения и использования слова в языке (“genu — a Latin word meaning ‘of the knee’, used in medical names and descriptions of the knee or a knee-like structure in the body” [Cambridge Dictionary]).

5. В ***зоометафорах*** источником переноса становится внешний вид или часть тела животного. Например, в термине лат. *nuclei cochleares* существительное cochlea имеет нетерминологическое значение ‘улитка, моллюск, раковина улитки’ [Дворецкий, 1976]. Английский эквивалент рассматриваемого термина имеет следующий вид — *cochlear nuclei*, где оба слова являются заимствованными из латинского языка. Интересующий нас компонент, прилагательное cochlear, производное от cochlea, определяется в толковых словарях только в своем терминологическом значении: “Cochlea — (anatomy) a spiral-shaped cavity forming a division of the internal ear in humans and in most other mammals.” [Collins Dictionary].

Русский эквивалент термина содержит прилагательное *улитковый* и делает понятной мотивировку в номинации соответствующих структур мозга.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что в терминосистеме «анатомия ЦНС» русскоязычные термины в большей степени создавались с применением кальки — «заимствования внутренней формы исходного языка, реализуемого фонетическими и морфологическими средствами заимствующего языка» [Иванов, 2013, с. 867]. По сути, в русской анатомической терминологии чаще происходит «перевод метафоры», заимствование образной основы переноса, реализуемое лексическими средствами русского языка. В русском языке термины обладают большей прозрачностью внутренней формы, чем англоязычные термины, что делает их более легкими для понимания и запоминания. При работе с анатомической терминологией английского языка необходимо обращение к латинским источникам для понимания мотивировки терминологического наименования.

В контексте обучения специальному переводу, в частности медицинскому, с английского языка очень важно учитывать этот фактор. По нашему мнению, занятия по медицинскому переводу должны включать терминологическую работу с обращением к этимологии термина, его латинским (или греческим) корням. В ситуации сокращения часов на реализацию профильных дисциплин в ряде программ бакалавриата и исключения дисциплины «Латинский язык» из учебных планов программ 45.03.02 Лингвистика «Перевод и переводоведение» знание «материнских» языков науки встречается среди выпускников все реже. При этом знание о том, что английский термин *hippocampus* (как и его русский эквивалент *гиппокамп*), называющий глубинную структуру мозга, отвечающую за формирование памяти, этимологически восходят к латинскому, а точнее, заимствованному из греческого языка слову *hippocampus* со значением ‘морской конек’, облегчило бы переводчику запоминание нового термина. Гносеологическая функция метафоры заключается не только в фиксации нового знания, но и в передаче накопленного знания от человека человеку. Ассоциации, которые дает метафора, позволяют переводчикам лучше и быстрее запоминать новые термины из незнакомой им научной области и правильно понимать смысл на языке оригинала.

Список источников

1. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Рус. яз., 1976. — 1096 с.

2. Иванов А. В. Заимствования в терминосистемах фонетики и метрики германских языков (на материале английского и немецкого языков) // Когнитивные исследования языка. — 2013. — Вып. XIII. — С. 864–874.

3. Новодранова В. Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии = Laterculi vocum Latinarum et terminorum. — М. : Яз. слав. культур, 2008. — 328 с.

4. Озингин М. В. Роль метафоры в структурировании и функционировании русской медицинской терминологии : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01. — Саратов, 2010. — 181 с.

5. Terminologia anatomica = Международная анатомическая терминология / под ред. Л. Л. Колесникова. — М. : Медицина, 2003. — 424 с.

6. Cambridge Dictionary. — URL : https://dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: 13.07.2023).

7. Collins Dictionary. — URL : https://www.collinsdictionary.com/ (дата обращения: 14.07.2023).

8. Merriam-Webster Dictionary. — URL : https://www.merriam-webster.com/ (дата обращения: 14.07.2023).

9. Nybakken O. E. Greek and Latin in Scientific Terminology. — Ames : The Iowa State University Press, 1959. — 332 p.

10. Talavan N. University Handbook on Terminology and Specialized Translation. — Madrid : UNED, 2016. — 130 p.

References

1. Dvoretskiy I. Kh. *Latinsko-russkiy slovar* [Latin-Russian Dictionary]. 2nd ed. Moscow, Russky yazyk Publ., 1976, 1096 p. (In Russian).

2. Ivanov A. V. Borrowings in phonetics and metrics term systems of German languages (on the material of English and German languages). *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language]. 2013, vol. 13, pp. 864–874. (In Russian).

3. Novodranova V. F. *Imennoe slovoobrazovanie v latinskom yazyke i ego otrazhenie v terminologii = Laterculi vocum Latinarum et terminorum* [Nominal word formation in Latin language and its reflection in terminology]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008, 328 p. (In Russian).

4. Ozingin M. V. *Rol' metafory v strukturirovanii i funktsionirovanii russkoy meditsinskoy terminologii* [Role of metaphor in structuring and functioning of Russian medical terminology]. PhD thesis. Saratov, 2010, 181 p. (In Russian).

5. *Terminologia anatomica = Mezhdunarodnaya anatomicheskaya terminologiya* [International anatomical terminology]. Ed. by L. L. Kolesnikov. Moscow, Medicina Publ., 2003, 424 p. (In English and Russian).

6. *Cambridge Dictionary*. Available at: https://dictionary.cambridge.org/ (accessed 13.07.2023).

7. *Collins Dictionary*. Available at: https://www.collinsdictionary.com/ (accessed 14.07.2023).

8. *Merriam-Webster Dictionary*. Available at: https://www.merriam-webster.com/ (accessed 14.07.2023).

9. Nybakken O. E. *Greek and Latin in Scientific Terminology*. Ames, The Iowa State University Press, 1959, 332 p.

10. Talavan N. *University Handbook on Terminology and Specialized Translation*. Madrid, UNED, 2016, 130 p.

Информация об авторах

Лютянская Майя Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова.

Лютянский Виктор Михайлович — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков и русского языка как иностранного Северного государственного медицинского университета.

Information about authors

Lyutyanskaya, Maya — candidate of philology, associate professor of Translation and Applied Linguistics Department of Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov.

Lyutyanski, Victor — candidate of philology, senior lecturer of the Department of Foreign Languages and Russian as a Foreign Language of the Northern State Medical University.

Статья поступила в редакцию 20.07.2023;
одобрена после рецензирования 26.07.2023;
принята к публикации 26.07.2023.

Submitted 20.07.2023;
approved after receiving 26.07.2023;
accepted for publication 26.07.2023.

Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами

(The Requirements for publication are also available in English at: http://fljournal.rsu.edu.ru/en/)

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина».

Журнал «Иностранные языки в высшей школе» выходит с 2004 года с периодичностью (с 2009 года) — один раз в три месяца.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 20 марта 2018 года. ***Регистрационный номер ПИ № ФС 77-72456.***

Подписной индекс журнала — № 55170 в каталоге «Объединенный каталог Пресса России».

Журналу присвоен международный стандартный серийный номер (ISSN) 2072-7607.

Журнал с 1 декабря 2015 года ***входит в перечень рецензируемых научных изданий***, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций по филологии (языкознание) на соискание ученой степени кандидата наук и на соискание ученой степени доктора наук.

Публикации бесплатны, при этом учредитель ограничивает количество печатных экземпляров, обеспечивая только обязательную рассылку и рассылку по подписке. Авторам бесплатно высылается электронный макет журнала, подготовленный к отправке в НЭБ (РИНЦ). Желающие приобрести печатный экземпляр могут заблаговременно оформить подписку на соответствующий квартал.

Журнал принимает статьи по методике преподавания иностранных языков, если исследование содержит лингвистическую составляющую, напр.: 5.9.8. Исследование языковых и речевых нарушений. Язык в контексте культуры. Лингвистика языка и лингвистика речи. Речевая деятельность и использование языка.

Значительное внимание уделяется проблемам теории и практики перевода, в том числе художественного перевода.

Список специальностей научных статей, публикуемых в журнале «Иностранные языки в высшей школе»

5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика»

5.9.6. «Языки народов зарубежных стран» (германские языки, романские языки, китайский язык).

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных авторов на русском языке или на английском как языке межнационального общения. В порядке исключения возможна публикация на других ведущих европейских языках — немецком или французском.

Условия и порядок приема публикаций

1. Редакционный совет принимает к публикации статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости и соответствующие тематике журнала. Научные статьи направляются на независимую экспертизу и при положительном заключении, являющемся основанием для публикации, включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.
2. К публикации принимаются научные статьи, соответствующие этическим принципам опубликования научных работ (см. раздел на сайте www.fljournal.rsu.edu.ru «Этика научных публикаций»).
3. Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.
4. Для аспирантов и соискателей кандидатских диссертаций обязательно наличие отзыва научного руководителя.
5. Сведения об авторах представляются на русском и английском языках:

- фамилия, имя, отчество автора (полностью; буква «ё» не должна заменяться на «е»);
- ученая степень, звание, должность, место работы без сокращений (с точным, официальным названием кафедры, вуза, страны); для аспиранта либо соискателя — место учебы (кафедра, вуз), отрасль науки и специальность предполагаемой защиты;
- наличие правительственных званий, относящихся к профессии (например, заслуженный работник высшей школы РФ);
- приблизительное количество научных публикаций (монографий, учебно-методических пособий, статей);
- основные направления научных исследований;
- средства оперативной связи в процессе подготовки статьи к печати: личная электронная почта, мобильный телефон, при наличии — WhatsApp (личные данные, кроме электронной почты, в журнале не публикуются).

6. Статьи должны быть оформлены в строгом соответствии с техническими требованиями.
7. Статьи присылаются по электронной почте на адрес e.ustinova@365.rsu.edu.ru, с копиями на адреса: e.ustinova.rsu@yandex.ru и e.ustinova.rsu@gmail.com. Отзыв научного руководителя (для аспирантов и соискателей) присылается по почтовому адресу: 390000, Рязань, ул. Свободы, д. 46, Рязанский государственный университет, Институт иностранных языков, Устиновой Елене Сергеевне. Электронный вариант отзыва научного руководителя присылается вместе со статьей как приложение в формате, воспроизводящем подпись и печать.
8. Окончательное решение о приеме научной статьи к публикации принимается редакционным советом журнала «Иностранные языки в высшей школе». Извещение о решении редакционной коллегии направляется автору.

Требования к оформлению статей

1. *Индекс УДК*. Для публикации статье должен быть присвоен классификационный индекс универсальной десятичной классификации.
2. *Название статьи* (на русском и английском языках) пишется строчными буквами, с использованием заглавных только там, где это необходимо, по возможности без аббревиатур и сокращений.
3. *Аннотация* (на русском и английском языках) объемом 100—300 слов, по возможности без аббревиатур и сокращений. Аннотация должна отражать цель исследования, его новизну, суть авторского видения проблемы, основные положения, выдвигаемые автором, и результаты. Англоязычная аннотация может представлять собой перевод русскоязычной аннотации, но может быть и более развернутой, чтобы создать у читателей, не владеющих русским языком, более полное впечатление о сути исследования и его результатах.
4. *Ключевые слова* (на русском и английском языках). Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, по возможности не повторять термины заглавия и аннотации, использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и включающие другие важные понятия, которые позволяют облегчить и расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы. Минимальный объем — 10 ключевых слов; ключевое словосочетание не должно превышать 5 слов. Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой (;). Недопустимо использование любых аббревиатур и сокращений.

5. *Текст статьи*. Рекомендуется деление статьи на основные части с помощью подзаголовков. Все аббревиатуры и сокращения должны быть развернуты при первом использовании. Недопустимо использование расставленных вручную переносов. Объем статьи с учетом информативности текста может варьироваться от 0,3 до 1,0 авторского листа, или от 12 до 40 тыс. знаков. В зависимости от материала произведения 1 авторский лист равен: для прозаического текста — 40 тыс. печ. знаков, для стихотворного текста — 700 строк, для изобразительного материала — 3 тыс. $см^2$ площади изображений. Текст статьи следует оформлять в 1,5 интервала при шрифте 14 Times New Roman стилем «Строгий» Microsoft Office Word. Редакционный совет оставляет за собой право сокращать статью (по согласованию с автором) или рекомендовать автору расширить статью.

6. *Таблицы и рисунки.* Каждый рисунок должен быть пронумерован, подписан и сгруппирован (то есть не «разваливаться» при перемещении и форматировании). Таблицы и рисунки должны иметь порядковую нумерацию, при этом нумерация рисунков и таблиц ведется раздельно. В тексте статьи на таблицы и рисунки обязательно должны быть отсылки.

7. *Список использованной литературы (источников)* оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

7.1. Чтобы все авторы публикации были учтены в системе цитирования, в библиографическое описание необходимо вносить всех авторов.

7.2. Недопустимо сокращать название статьи, книги, отечественного журнала, кроме тех случаев, когда сокращение имеется в предписанном источнике информации. Название англоязычных журналов следует приводить в соответствии с общепринятыми сокращениями.

7.3. В периодических или продолжающихся изданиях указывается текущий номер и (в скобках) валовой, то есть номер с момента основания издания.

7.4. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть цифровой идентификатор (Digital Object Identifier — DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. В этом случае электронный адрес опускается.

8. *Библиографическая ссылка* оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

8.1. Приветствуется наличие ссылок на иноязычные публикации зарубежных исследователей.

8.2. При ссылках на электронные ресурсы следует указывать дату обращения.

8.3 Ссылки на Википедию недопустимы.

9. *References.*

9.1. Список использованной литературы на латинице (References) составляется в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту.

9.2. При описании изданий без авторов (коллективных монографий, сборников, материалов конференций) указывается отв. редактор (под редакцией), но не более двух.

Ниже приведены примеры описания использованных источников (литературы) и References.

Книги, монографии

Список литературы	References
Несколько авторов	
Железняк Ю. Д., Петров П. К. Основы научно-методической деятельности в физической культуре и спорте : учеб. пособие для вузов. — Ростов н/Д : Академия, 2002. — 264 с.	Zheleznyak Iu. D., Petrov P. K. *Osnovy nauchno-metodicheskoy deyatel'nosti v fizicheskoy kul'turei sporte* [Bases of scientific and methodical activity in physical culture and sport]. Rostov-on-Don, Academy Publ., 2002, 264 p. (In Russian).

Периодические издания (статьи журналов, сборника научных трудов, материалов конференции)

Список литературы	References
Несколько авторов	
Загайнов С. С., Митчелл П. Д. История развития военных словарей-разговорников как малого литературного жанра // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». — 2016. — Т. 21, вып. 11 (163). — С. 46–51. DOI : 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-46-51.	Zagaynov S. S., Mitchell P. D. The history of the development of military phrase books as a small literary genre. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki"* [Tambov University Review. Series "Humanities"]. 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 46–51. (In Russian). DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-46-51.
Материалы конференций	
Калинина Т. Л., Щекочихина С. В. Особенности перевода парадоксов на материале перевода пьес О. Уайльда // Язык в различных сферах коммуникации : материалы Междунар. науч. конф. / под ред. Т. Ю. Игнатович. — Чита : Забайкал. гос. ун-т, 2014. — С. 233–236.	Kalinina T. L., Shchekochihina S. V. Translation of Paradoxes in O. Wilde's plays. Ignatovich Yu. (ed.) *Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Yazyk v razlichnyh sferah kommunikacii"* [Papers of the International scholarly conference "Language in Various Spheres of Communication"]. Chita, Zabaikal'sky State University Publ., 2014, pp. 233–236. (In Russian).

Электронные ресурсы

Список литературы	References
Электронный журнал	
Рыбаков С. Ю. Проблема духовности в педагогическом аспекте // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 16. — URL : http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/16/pedagogics/rybakov.pdf (дата обращения: 10.09.2016).	Rybakov S. Iu. The problem of spirituality in the context of education. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [The Theory and Practice of Social Development]. 2014, vol. 16. (In Russian). Available at: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/16/pedagogics/rybakov.pdf (accessed 10.09.2016).

Направляя статью для публикации в журнале «Иностранные языки в высшей школе», автор тем самым дает согласие на ее размещение на сайте РГУ имени С. А. Есенина, а также в Российской научной электронной библиотеке на условиях открытого бесплатного полнотекстового доступа.

Электронные адреса и контактные телефоны:
e.ustinova@365.rsu.edu.ru; e.ustinova.rsu@yandex.ru; e.ustinova.rsu@gmail.com
(4912) 21-57-23; (4912) 97-15-15 (доб. 1030).

Иностранные языки в высшей школе

Научный журнал
Выпуск 3 (66)

2023

Главный редактор
Колкер Яков Моисеевич

Редакторы иностранного текста:
Е. С. Устинова (английский язык)
Ван Цзиньлин (китайский язык)
М. М. Лютянская (латинский язык)
И. Д. Бекоева (осетинский язык)
Н. К. Костина (французский язык)
М. Мията (японский язык)

Редактор Н. И. Тангаева
Технический редактор Д. А. Филатов

Дата выхода в свет 22.09.2023. Цена свободная.
Гарнитура SimSun, Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 12,55. Уч.-изд. л. 11,4. Заказ № 108. Тираж 100 экз.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

Адрес издателя:
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Адрес типографии:
Редакционно-издательский центр РГУ имени С. А. Есенина
390023, г. Рязань, ул. Ленина, 20а